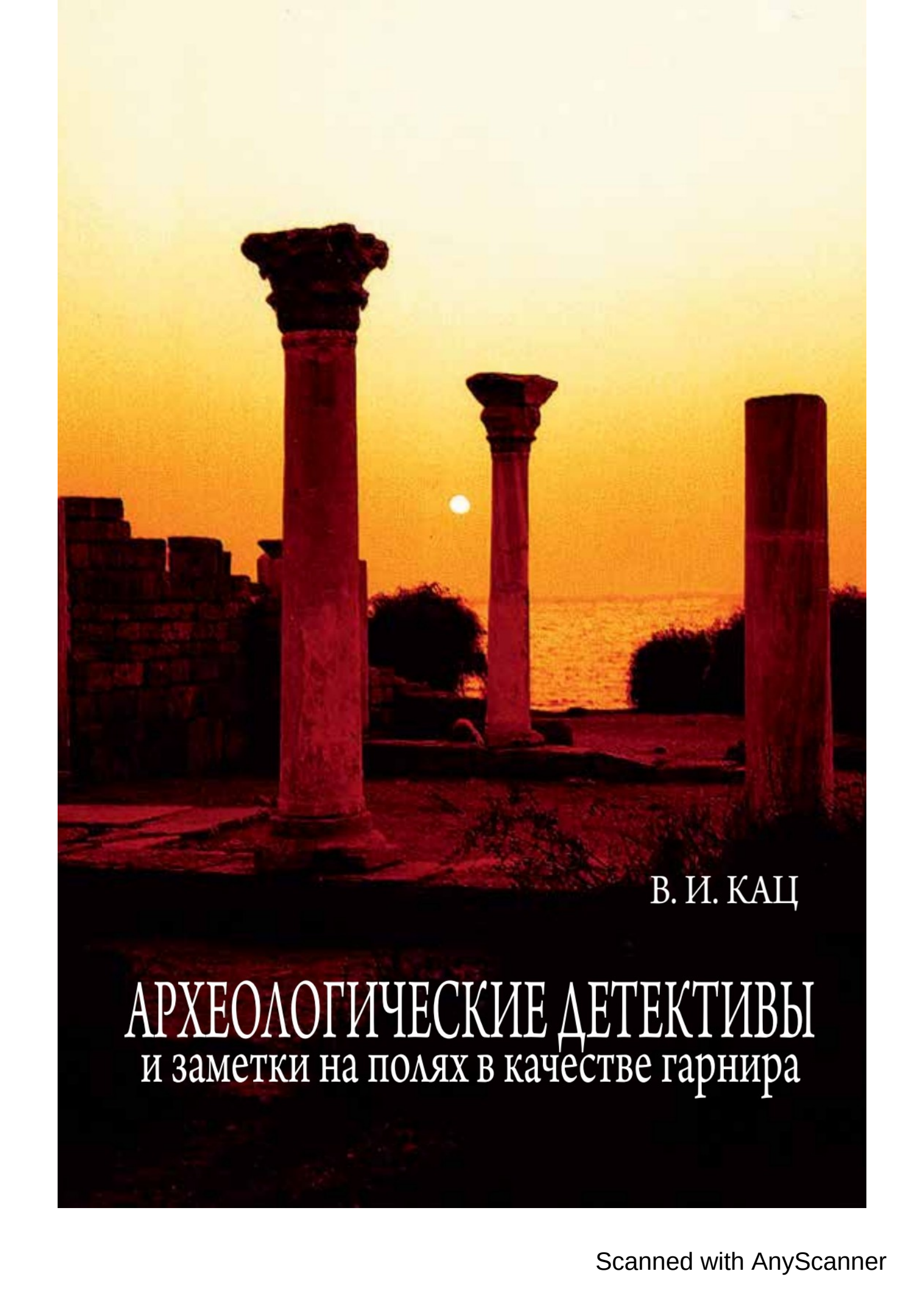

В. И. КАЦ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ
и заметки на полях в качестве гарнира

В.И. Кац

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ
И ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
В КАЧЕСТВЕ ГАРНИРА

2023

УДК 902.03
ББК 63.4 (2)

Кац В.И.

Археологические детективы и заметки на полях в качестве гарнира. – Саратов: Изд-во «Кузница рекламы» – 2023. – 268 с., 216 ил.

ISBN 978-5-9905888-8-2

Данная публикация представляет собой цикл археологических детективных историй, выполненных в формате очерка.

Автор – известный в России и за рубежом специалист в области античной материальной культуры – ведет рассказ о своей научной и педагогической жизни, археологических поисках и находках, о людях, которые совершают эти открытия.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся педагогикой, историей, спецификой археологических исследований.

УДК 902.03
ББК 63.4 (2)

ISBN 978-5-9905888-8-2

ISBN 978-5-9905888-8-2

*О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...*

А.С. Пушкин

Вместо введения

Детективы у нас любят, книги с детективными сюжетами издаются миллионными тиражами. Чаще всего мы имеем дело с художественными произведениями. Документальные издания достаточно редки, а археологические детективы такого плана практически отсутствуют. Я уже давно собирался в некоторой степени заполнить эту лакуну и поделиться информацией об археологических детективных историях, в которых выступал зачастую не только инициатором, но и активным участником, однако, решение других накопившихся вопросов, не позволяло сделать это. Но теперь, кажется, наступило время, когда откладывать больше нельзя, можно не успеть завершить работу.

Вначале несколько биографических данных. Я коренной саратовец. После окончания школы поступил на исторический факультет Саратовского университета. Этот шаг был сделан вполне осознанно. В школьные годы меня интересовала история как таковая, но особенно археология.

Мне, как часто это случалось и в дальнейшем, повезло. На первом курсе лекции по истории первобытного общества и археологии читал Иван Васильевич Сеницын, крупнейший специалист по археологии Нижнего Поволжья. Сейчас, после опыта почти полувековой преподавательской работы, я понимаю, насколько я был неудобным студентом, допекавшим Ивана Васильевича вопросами об ацтеках и майя, в то время как круг его научных интересов в первую очередь находился в Поволжье. Но, несмотря на это, хотя на тот момент обязательная археологическая практика отсутствовала в учебном плане, он взял меня после первого курса в экспедицию, в ходе которой исследовались памятники в зоне затопления Волгоградского водохранилища. Это был первый опыт моего вхождения не в книжную, а в реальную археологию, причем археологию Поволжскую.

Правда, после окончания второго курса я ей изменил. Мы с моим однокурсником Валентином Смолиным задумали совершить путешествие на велосипедах по Украине.

В последний момент к нам примкнул студент электронного техникума Ренат. Исходным пунктом маршрута стали Валуйки, до которых добрались поездом. Далее уже на велосипедах – до Харькова, Полтавы, Киева, Одессы, откуда на теплоходе «Украина» переправились в Евпаторию, а далее – Симферополь, Бахчисарай, Ай-Петри, Ялта, Алушта, Судак, Феодосия и Керчь, где путешествие закончилось. Надо сказать, что хороших и подробных карт в то время не было, по крайней мере в открытом доступе, так что иногда мы и блукали. Так из Киева мы, как матрос Железняк, который шёл на Одессу, а вышел к Херсону, также шли на Одессу, а вышли к Николаеву.

В Николаеве произошла интересная встреча, которая имела продолжение через четыре десятилетия. Мы, сидя на тротуарном бордюре рядом с велосипедами, наслаждались фруктовым мороженым, стоившим, если память мне не из-

Путешествие на велосипедах по Украине. Слева В.И. Кац

меняет, 11 копеек. На более дорогой продукт у нас просто не было денег, да и мороженое было превосходное, сделанное на натуральном вишнёвом соке без каких-либо заменителей. К нам подошёл человек средних лет, представился корреспондентом местной газеты и поинтересовался, кто мы такие. В результате он не только опубликовал заметку в своей газете о саратовских сумасшедших, но и переправил её в Саратов, где ее перепечатали в одной из газет ещё до того, как мы вернулись. Однако у этой истории было продолжение. В 90-е годы мой коллега В. Тотфалушин сообщил, что «меня пропечатали» в газете и подарил появившийся в Саратове в разгул гласности еженедельник, в котором была переиздана заметка от 1956 года в одной из его рубрик «О чём раньше писали саратовские газеты».

Надо отметить, что каких-либо особых трудностей бытового плана в период путешествия мы не испытывали. Значительную роль в этом сыграло ходатайство от студенческого профкома, заверенное печатью, с просьбой оказать содействие. Благодаря этой «филькиной грамоте» нам удалось без очереди закомпостировать билеты на станции Ртищево. Ренат, расталкивая очередь, размахивал этой бумагой и кричал, что её сам Махов подписал. Это был председатель студенческого профкома. Подействовало. В дальнейшем эта же «филькина грамота» помогла нам в Киеве, где мы остановились на несколько дней. Нам в университете предоставили в распоряжение зал тяжёлой атлетики, куда мы загнали велосипеды, и с комфортом расположились сами на находившихся в зале матах. Аналогичным образом в Одессе нас разместили в студенческом общежитии, а в Симферополе даже на офицерской милицейской гауптвахте.

Пожалуй, наибольшее впечатление эта бумага произвела на председателя одного колхоза, в котором мы появились на пути из Киева в Одессу. Мы собирались переночевать в этом селе. Прежде всего, нужно было приготовить ужин. На окраине села заметили молодуху, хлопотавшую во дворе у печки. Обратились к ней с просьбой поставить на плиту и наш котелок. После полученного разрешения ребята отправились в

правление колхоза, а мне поручили приготовить ужин. Меню было обычное – гороховый суп из концентрата. Хозяйка долго ходила кругами вокруг меня, а потом спросила: «Давно вас выпустили?» Да, вид у нас был ещё тот. Вскоре появились и попутчики. В результате переговоров с председателем колхоза, по распоряжению которого нас не только поместили в гостевом доме, но и кладовщик выдал каравай хлеба, масло и набор овощей, что значительно пополнило меню ужина и ещё осталось на завтрак.

В дальнейшем мне пришлось ещё пару раз, но уже в одиночку, воспользоваться велосипедом для длительных поездок. После окончания четвёртого курса у нас была стажировка в арtpолку в Казани, а затем экзамен на военной кафедре. До начала занятий оставалось две недели, и я решил потратить их на знакомство с Танаисом, античным городом в низовьях Дона, где незадолго до этого начались систематические раскопки. Велосипед, на котором ездил по Украине, к тому времени приказал долго жить, пришлось заимствовать машину [велосипед – ред.] у друзей. Погрузился с ней на пароход и отправился в Сталинград, где проживала моя тётя. У неё переночевал, а утром двинулся в Ростов. Поездка проходила в нормальном режиме, но в ходе неё выяснилось, что я несерьёзно отнёсся к её подготовке и допустил два прокола.

Во-первых, знакомясь с маршрутом по карте мелкого масштаба, вычислил, что мне предстоит проехать около 400 км. В итоге, как показал спидометр велосипеда, оказалось, что расстояние было в полтора раза больше. Во-вторых, я не проверил тщательно велосипед, в результате чего уже на второй день пришлось чинить камеру заднего колеса. Но, худо-бедно, вечером, четвёртого дня, был в Ростове. Отправился на почту и отбил домой телеграмму, что жив-здоров, и уже в темноте двинулся в сторону станицы Недвиговка, по соседству с которой находился Танаис. О ночёвке, имея уже достаточный опыт, не беспокоился. И оказался прав – в нескольких километрах за чертой города заметил копёшки, в одной из которых с комфортом переночевал.

К сожалению, в Танаисе археологов не застал, так как они уже закончили работу. Но получил информацию, что у станицы Елизаветовская работают археологи. Это оказалась экспедиция В.П. Шилова. Отправился туда и впервые воспользовался практикой археологического братства. Представился начальнику, и он тут же распорядился разместить меня в одной из палаток и накормить. Но нужно было соблюдать и определённые этические нормы – утром следующего дня отправился вместе с остальными на работу. Интересно, но я и представить себе не мог, что мне в дальнейшем придётся обращаться дважды к материалам 8-го «Пятибратнего» кургана, на начальной стадии раскопок которого принимал участие.

Пробыв несколько дней в экспедиции, двинулся в Ростов. Купив билет на пароход, отплывающий утром следующего дня, я отдыхал на одной из лавочек у речного вокзала. На ту же лавочку присел мужчина с чемоданчиком. Разговорились. Он оказался командировочным и пожаловался, что все места в гостиницах заняты. Я предложил ему бесплатную гостиницу за городом, но он почему-то отказался. Я же ею воспользовался и спокойно переночевал в той же копёшке, что и в первый раз.

Утром погрузил велосипед в трюм парохода, а сам с цыганским семейством расположился на корме. На следующий день пароход, миновав Волго-Донской канал, сделал очередную остановку. Воспользовавшись тем, что он должен был стоять в Сталинграде несколько часов, я решил сэкономить время и добраться на велосипеде до тётки, которая жила на южной окраине города. Но от пристани проехал всего с километр и здесь у подножья гигантской статуи Сталина, находившейся у входа в канал имени Ленина, я обнаружил, что заднее колесо отказало окончательно. Бегом возвратился на пристань. Слава богу, пароход ещё не успел отчалить. Добравшись до Саратова и разобрав заднее колесо, обнаружил, что камера не просто прохудилась, а разорвалась пополам. В очередной раз повезло. Тяжело бы мне пришлось, если бы это случилось в степи между Сталинградом и Ростовом.

Несомненно, эти велосипедные путешествия позволили приобрести опыт выживания в неблагоприятных условиях. И он был в дальнейшем неоднократно востребован при походах с друзьями в майские праздники по Псковщине и Вологодчине, в лыжных и разведочных походах со школьниками в Сибири и при ознакомлении студентов-практикантов с памятниками Горного Крыма.

Забегая вперед, следует упомянуть ещё один интересный случай, произошедший уже в 90-е годы на родном историческом факультете, где я в то время уже работал несколько десятилетий. Здесь было открыто отделение туризма и менеджмента, в учебный план которого была включена экскурсионная практика. Я предложил проводить её в виде знакомства с памятниками Нижнего Дона, Тамани и Крымского полуострова. Встретился со студентами 3-го курса с целью набрать желающих, познакомил их с планируемым маршрутом. Судя по вопросу: «А отели скольких звёзд будут задействованы?» передо мной были уже теоретически подготовленные студенты. Я ответил, что звёзд будет навалом, а из отелей – исключительно кустики. Так как в тот период советская романтика ещё не выветрилась окончательно, желающие нашлись. И, несмотря на то, что многим из них пришлось впервые ночевать под открытым небом, полученные впечатления с лихвой перекрыли это неудобство и каких-либо рекламаций не поступило.

Но вернёмся к обучению в университете. Лето после окончания третьего курса оказалось для меня судьбоносным. И опять помог случай. В учебный план была включена археологическая практика, и заведующий кафедрой Истории Древнего мира Эдуард Кришевич Путнынъ предложил отправить студентов 3 курса, специализирующихся при кафедре, в Херсонес Таврический – один из центров античной цивилизации в Северном Причерноморье. Руководителем практики был назначен Иван Васильевич Синицын. Он такое поручение встретил без восторга, так как откладывались сроки намеченной им экспедиции в Калмыкию.

Практика прошла успешно (рис. 1). Все отправились на каникулы домой, а я проработал ещё полтора месяца в Херсонесе в археологической экспедиции под руководством Станислава Францевича Стржелецкого. Именно он привлёк меня к обработке массового керамического материала, полученного в ходе раскопок. Здесь произошло моё первое знакомство с античными клеймеными амфорами и черепицей. Конечно, в тот момент я не мог предположить, что именно эта категория археологических находок станет в дальнейшем основной сферой моих научных интересов. Но в любом случае в результате работы в Херсонесе я оказался серьезно и надолго «заражён античным вирусом», что оказало влияние как на выбор темы дипломного сочинения, так и на дальнейшую мою научную карьеру.

Произошли перемены и на кафедре. Обиженный Иван Васильевич перешёл на другую кафедру, а на его место пришла Фенина Яковлевна Косыке, до этого работавшая в

А

Б

*Рис. 1. Саратовские студенты на практике в Херсонесе в 1957 году:
А) разборка материала (стоит И.В. Синицын);
Б) экскурсия по херсонесскому городищу (крайний справа С.Ф. Стржелецкий)*

Туркмении, где она занималась археологией Греко-Бактрийского царства. С её подачи была оформлена тема дипломного сочинения: «Роль внешней торговли в экономике Античного Херсонеса». Проработал литературу, которой оказалось немного, где в основном торговля Херсонеса рассматривалась с учётом исключительно письменных источников. Археологически материал привлекался редко. Постепенно я пришёл к выводу, что наиболее полноценным, а главное массовым материалом для рассматриваемой темы могут оказаться керамические (в первую очередь амфорные) клейма. А в связи с тем, что они будут упоминаться и в дальнейшем, имеет смысл охарактеризовать этот материал подробнее.

При исследовании любых греческих городов основную массу находок составляют фрагменты амфор, и это не случайно. Эти сосуды (рис. 2) в греческом мире служили основной тарой для перевозки таких важных в греческом рационе жидких продуктов, как вино и оливковое масло. При этом они были удобны для транспортировки судами по воде, и крайне неудобны для сухопутных перевозок. После того как товар прибывал к месту назначения, и сосуды освобождались от содержимого, большая часть из них оказывалась на свалках, лишь меньшая какое-то время использовалась вторично.

Довольно рано, в VII-VI вв. до н.э., в отдельных мастерских на ручках и горлах амфор спорадически оттискиваются клейма в виде отдельных букв или эмблем. С конца V в. до н.э. в некоторых греческих городах стала появляться и продолжала существовать вплоть до конца эллинистического периода практика систематического клеймения керамической тары. При этом массовое клеймение амфор проводилось как раз в тех центрах, где не только производилась, но и активно экспортировалась винодельческая продукция.

К сожалению, в письменных источниках практически отсутствует информация о причинах появления этой практики и организации самой системы клеймения. Но наличие в клеймах не только имён владельцев мастерских, но и имён выборных должностных лиц, даёт основание предположить

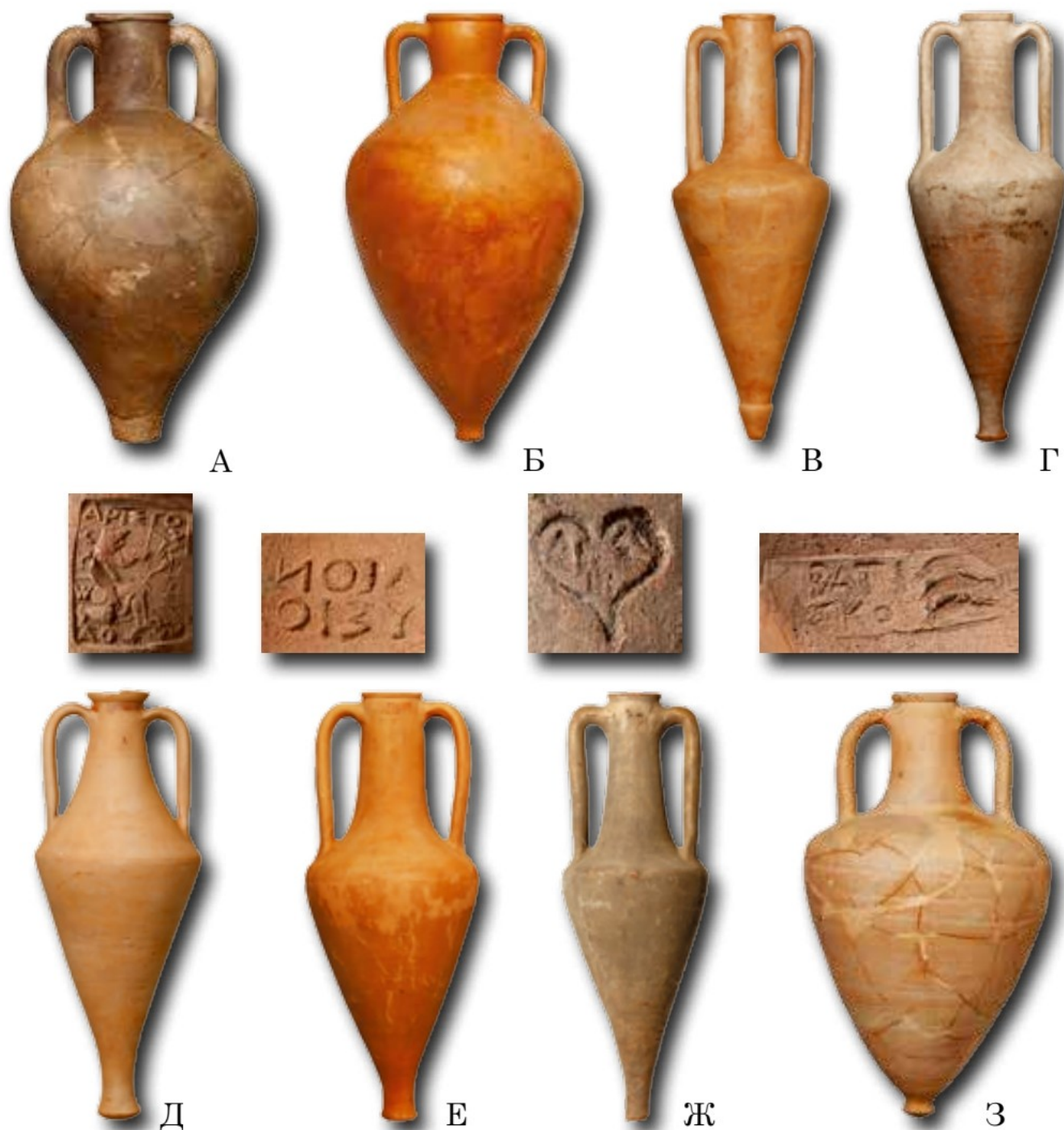

Рис. 2. Греческие амфоры: А) о. Лесбос – первая половина VI в. до н.э.;
Б) о. Хиос – конец VI в. до н.э.; В) о. Хиос – первая четверть IV в. до н.э.;
Г) Пепарет – первая треть IV в. до н.э.; Д) о. Фасос – 80-е гг. IV в. до н.э.;
Е) Гераклея Понтийская – конец V в. до н.э.;

Ж) Гераклея Понтийская – третья четверть IV до н.э.; З) Синопа – 50-е гг. IV до н.э.¹

¹ Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б.. Античная амфорная коллекция государственного Эрмитажа VI-II вв. до н.э. Каталог. Саратов. 2019: LG. 2; Ch. 9; Ch. 48; Pp. 5; Th. 15; HP. 10; HP. 82; Sn. 2.

наличие определённого контроля со стороны государства за производством керамической тары для осуществления экспортной торговли и, в конечном счёте, за самим экспортом. В этом отношении клейма, по сути, напоминают акцизные марки, которые находятся на современных винных бутылках.

В ходе подготовки дипломного сочинения о возможностях использования керамических клейм в качестве надёжного исторического источника я имел довольно приблизительное представление. Но интуитивно понял, что керамические клейма заслуживают особого внимания, и не только собрал всю информацию об оттисках, обнаруженных в Херсонесе, которая содержалась в печатных изданиях, но и пополнил её архивными материалами. Дипломная работа была успешно защищена. Одновременно с этим произошло ещё одно важное событие – распределение на работу.

В настоящее время эта практика отменена, в связи с чем лишь меньшая часть выпускников истфака попадает на работу в школы, где многие из них задерживаются ненадолго. О причинах этого мы поговорим позже. Сейчас же отмечу, что в советский период школы пользовались большей популярностью, однако многие мои сокурсники считали, что эти школы должны находиться исключительно в пределах Саратова. Поэтому они предоставляли гору справок, и многим удавалось увильнуть от распределения.

В отличие от них я на законном основании мог получить эту льготу. Когда я учился на 1 курсе, у меня скоропостижно умерла мать, и все годы обучения я проживал вместе с дедом и бабушкой, пенсионерами. Вполне мог получить справку, что они находятся на моём иждивении и нуждаются в уходе. Однако принципиально не пошёл по этому пути. Иждивенцем все эти годы был я сам, и теперь, получив высшее образование, должен был освободить их от этой обузы. Устроиться же на работу по специальности в Саратове было нереально, места учителей истории в школах города были забронированы на пять лет вперёд. Поэтому во время распределения я выбрал Кемеровскую область. Причина выбора была прозаическая. По данным статистики в то время в городах этого

региона проживало три четверти населения области, так что была вероятность попасть на работу в городскую школу. Как увидим ниже, эти расчёты оправдались лишь частично. Но долг государству я отдал сполна – проработал в школе три следующих года.

В дальнейшем во время работы в университете мне приходилось неоднократно в ходе очередной кампании по профориентации убеждать выпускников отправиться на работу в школу. В отличие от некоторых моих коллег, которые после студенческой скамьи сразу пересели на аспирантский стул, а затем в преподавательское кресло, я с полным правом убеждал выпускников, что без работы в школе они не состоятся как полноценные специалисты. И здесь я не кривил душой. Именно собственное становление как преподавателя произошло в ходе трёхлетнего пребывания в качестве учителя истории в школе № 12 г. Мыски. Кроме того, к этому периоду как раз и относится первая детективная история, непосредственным инициатором и участником которой мне посчастливилось оказаться.

Сюжет 1. Учительская карьера. Андроновский могильник

Итак, в конце августа 1959 года я добрался на поезде до Кемерово и отправился в Облоно, где предоставил направление на работу, и мне предложили несколько вакантных мест. Выбрал восьмилетнюю школу № 12 города Мыски. Выбор был сделан с учётом чисто меркантильных соображений. Если в городе количество школ превышало десяток, то, по идее, это должно было быть довольно крупное поселение. Кроме того, плюсом было и его расположение на юге области, куда выходили отроги Кузнецкого Алатау, так что с природой также должно было быть благополучно. Поездом добрался до Новокузнецка, далее – автобусом полсотни километров, так я оказался в Мысках, одном из центров Горной Шории.

Городок оказался небольшим по размерам, почти сплошь одноэтажная частная застройка, редкие двухэтажные дома заняты государственными учреждениями и школами. К одному из таких домов, где находился городской отдел образования, я и направился. Устройство на работу заняло минимум времени. В отделе кадров завели трудовую книжку и сделали первую запись: *«принят на работу учителем в восьмилетнюю школу № 12 Мысковского Гороно»*.

Через несколько лет, когда я после аспирантуры получил назначение на работу в Борисоглебский пединститут, женщина-кадровик, рассматривая мою трудовую книжку, с некоторым уважением отметила: *«Смотри-ка, сразу после университета попал в Москву»*. Пришлось её разочаровать и выдать популярную у местного населения Мысков присказку: *«Мыски почти Москва, только дома пониже, дым пожире и Бородино поближе»*. Деревня Бородино находилась в нескольких километрах от города. Мой же посёлок Подобас был значительно дальше – на полпути между городом и Томь-Усинской ГРЭС, крупнейшей на юге Кемеровской области электростанцией, первые блоки которой уже были пущены в эксплуатацию, а остальные достраивались. Естественно, что

большую часть жителей посёлка составляли строители и эксплуатационники станции.

Первое название поселения, которое в то время широко употреблялось местными жителями, было посёлок «Щ-7», по обозначению серии щитовых домов барачного типа, с которых и началась его застройка в 30-е годы. В одном из таких бараков, приспособленных под общежитие, я и проживал на протяжении первого года работы. Соседями по комнате оказались два мастера ПТУ из Новосибирска, которые привезли группу монтажников-высотников на стажировку.

*В.И. Кац,
Посёлок Подобас. 1959 год*

Бытовые условия меня вполне устраивали. Правда, туалет располагался на улице, но было центральное отопление и горячая вода, в посёлке работала своя котельная. Вообще, в послевоенные годы большинство населения Союза ещё не было избаловано комфортом. Так, в Саратове я проживал в центре города, но в квартире вода и газ появились лишь за несколько лет перед моим отъездом в Сибирь.

Конечно, в некоторые зимние дни, когда ветер продувал насквозь барак, а на улице температура падала ниже 40°, в комнате она так же катастрофически приближалась к нулевой отметке. Но мои соседи, мастера на все руки, быстро нашли выход. Принесли, изготовленного из подручных материалов «козла» — конструкцию простую, но очень эффективную. Они взяли полуметровый отрезок трубы, обмазали его слоем асбеста, а поверх намотали никелиновую проволоку. Далее соорудили из уголка козлы, на которые поместили трубу, и предусмотрели возможность подсоединения проволоки

к электрической розетке. После этого начались испытания. Первая попытка завершилась неудачно. Когда включили «козла», погас свет во всём общежитии. Внесли коррективы: починили пробки и отмотали несколько десятков сантиметров проволоки. Однако и эта попытка оказалась неудачной. Но, в конце концов, установка заработала, и температура в комнате быстро стала повышаться, а ребята принялись сушить над «козлом» рабочие рубы. Правда, лампочка у потолка еле теплилась, но на какое-то время и это был удачный выход.

Вообще, такой электронагреватель, несмотря на его пожарную опасность, был популярен. Некоторые умельцы усовершенствовали его конструкцию. Под новый год мы с Семёном, учителем физкультуры, отправились на машине в тайгу, чтобы срубить ёлку для школьного праздника. На обратном пути зашли погреться в вагончик, стоявший вблизи работавшего экскаватора. Здесь и увидели самого крупного по размеру «козла» из тех, которые до этого встречали. Труба длиной более метра и диаметром сантиметров в 15 была поставлена под небольшим углом. Хозяева с гордостью продемонстрировали возможности агрегата. В отверстие, расположенное сверху, бросали картофелину, а через 15–20 секунд она выпадала снизу уже в испечённом виде.

В конце зимы мои соседи со своими подопечными, закончив стажировку, уехали в Новосибирск. С одной стороны, это улучшило условия проживания, так как ко мне никого не подселили. Но с другой, освободившиеся в общежитии места занял иной контингент. Среди вновь прибывших оказалось много отпущенных по УДО бывших заключённых из местных лагерей. Когда им оставался небольшой срок отсидки, то им предлагалось либо оставаться в лагере до его конца, либо отработать этот период на соседней «комсомольской стройке», которой как раз и была Томь-Усинская ГРЭС. Естественно, что большинство выбирало второй вариант. Основная масса освобождённых была вполне адекватна. Но несколько человек, видимо, имевших богатое криминальное прошлое, вырвавшись на волю, пустились во все тяжкие. Если бы они только беспробудно пьянствовали, то окружающие вряд ли обратили на это

внимание. Но они попытались установить в общежитии свои порядки. Обращаться с жалобой в милицию было бесполезно. На весь большой посёлок был один участковый. Кроме того, рабочий класс в то время ещё не растерял полностью своих революционных традиций. В результате, комната, где проживали возмутители спокойствия, была подвергнута осаде, дверь выломана, а её обитатели выброшены на снег. В итоге они оказались в больнице с повреждениями разной степени тяжести и больше в общежитие не возвращались.

Общая обстановка опять нормализовалась. Вообще я был среди рабочего люда белой вороной, но в те годы именно в этой среде сохранялось, дошедшее ещё от дореволюционных времён и закрепившееся в первые десятилетия советской власти уважительное отношение к самой профессии учителя. Это автоматически распространялось и на меня, хотя большая часть моих соседей была моими ровесниками, а некоторые и значительно старше.

Куда больше, чем бытовые условия, меня с самого начала беспокоила предстоящая работа. Сразу после устройства в общежитии отправился знакомиться со школой. До этого она располагалась в щитовом бараке, аналогичном общежитию, но к данному учебному году было завершено строительство трёхэтажного нового здания. Помимо классных комнат был и большой спортивный зал. Познакомился с коллегами. В основном это были, как и я, недавние выпускники педвузов. Заглянул в кабинет истории. Помимо карт и набора картин по исторической тематике, никаких иных технических средств не обнаружил. Да в то время их практически и не было.

Хотя в моём дипломе и было указано, что его владелец имеет право преподавать историю в школе, я с самого начала понимал, что к этой деятельности был подготовлен плохо, в первую очередь психологически. Конечно, я в университете прослушал курсы педагогики, психологии, участвовал в семинарах по методике преподавания истории. Даже успешно сдал положенные экзамены и зачёты, но в ходе педагогической практики дал всего пару уроков. Да и те в присутствии

методиста и учителя, которые, сидя на задней парте, контролировали учеников и в зародыше пресекали любые нарушения дисциплины.

Надо было продумать, если не общую стратегию, то хотя бы рациональную тактику проведения первых уроков. Нельзя было допустить, чтобы первый блин получился комом. Но пока на основе собственных школьных впечатлений от уроков я был уверен только в том, как они не должны проходить. Хотя контингент преподавателей в школе № 18 Саратова, где я учился, был достаточно квалифицированным, но наводило тоску однообразие структуры самих уроков.

После звонка появлялся учитель. Дежурный сообщал ему фамилии отсутствующих, и начинался опрос, продолжавшийся минут 15–20. Первый ученик, вызванный к доске, получал вопрос, формулировка которого, за редким исключением, полностью совпадала с первым параграфом домашнего задания. Пока преподаватель пытал ученика, выдавливая из него те крохи знаний, которыми тот обладал, остальные для страховки просматривали следующий параграф. После опроса преподаватель переходил к объяснению нового материала. При этом, чаще всего это проходило в форме монолога. Внимание к тому, что вещал учитель, обычно было минимальным. Угроза попасть к доске уже отсутствовала и часть учеников занималась подготовкой домашнего задания к следующему уроку, а наиболее продвинутые сравнивали рассказ учителя с материалом, изложенным в учебнике. Побеждал тот, кто находил наибольшее число совпадений. И так из урока в урок. Сплошная тоска. Между прочим, я её скрашивал за чтением захваченной из дома литературы. Конструкция парт позволяла это делать, не привлекая внимание преподавателя. Между откидной крышкой и самой партой была широкая щель.

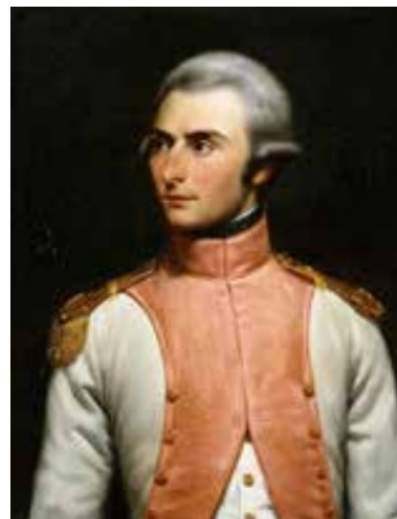
Для меня было ясно, что полноценным урок получится лишь в том случае, если будут решены две задачи: у учеников появится интерес к рассматриваемой теме, и они будут задействованы на протяжении всего урока. Как решить вторую задачу, я пока не имел представления, но первую было по силам выполнить сразу. К этому времени мною был накоплен

значительный запас интересных, а иногда и забавных исторических случаев, которые позволяли оживить рассказ.

Начал создаваться этот банк ещё в школьные годы. Толчком послужил один случай, произошедший на уроке литературы. Пару лет её вёл мужчина уже пенсионного возраста. Видимо, он успел ещё до революции закончить историко-филологический факультет. По крайней мере, довольно часто он отклонялся от темы урока и просвещал нас рассказами о событиях прошлого. Не помню, по какому поводу, но однажды он спросил нас, что мы знаем о маршале Бернадоте, основателе современной королевской династии в Швеции. Все уставились на меня, признанного историка класса. Но к моему стыду и я ничего о нем не знал. Учитель посмотрел на нас с определённой долей сострадания и выдал совет – не пытайтесь поступать после окончания школы на гуманитарные факультеты. Большинство одноклассников к этой рекомендации отнеслись спокойно, они туда и не собирались. Для меня же это был удар ниже пояса, я как раз метил попасть на истфак.

На следующий день отправился в библиотеку, где был своим человеком, и меня даже пускали в фонды для подбора нужной мне литературы. Просмотрел стеллаж с книгами по истории и нашёл нужную информацию.

Действительно, Жан-Батист Бернадот оказался личностью незаурядной. В 17 лет стал солдатом королевской армии. Но там за 10 лет дослужился лишь до звания сержанта. Собственно говоря, для представителя третьего сословия это был потолок. Естественно, что начавшуюся революцию он воспринял положительно. Какое-то время даже посещал заседания Якобинского клуба, принял активное участие в защите республики и в результате стал быстро продвигаться по служебной лестнице. Бернадот успешно командовал крупными

*Жан-Батист Бернадот.
Картина Луи-Феликса
Амиэля, 1834 год*

армейскими соединениями в период наполеоновских войн и заслуженно стал одним из первых маршалов Франции.

В 1810 году произошёл резкий поворот в его судьбе. В Париже появились представители шведского парламента и предложили ему стать наследником бездетного короля Карла XIII. Наполеон отпустил Бернадота, так как надеялся, что тот поможет привлечь Швецию в состав антианглийской коалиции. Однако просчитался. Учитывая интересы своей новой родины, Бернадот пошёл на союз с Россией, а затем на стороне антинаполеоновской коалиции руководил шведским корпусом в Битве Народов под Лейпцигом. В 1818 году, после смерти Карла XIII, он вступил на престол под именем Карла XIV и управлял страной ещё четверть века.

Однако, наибольшее впечатление на меня произвел заключительный факт из биографии Бернадота. На протяжении его пребывания в Швеции, никто не видел его обнажённым, он даже принимал водные процедуры в нижней рубашке. А когда после его смерти рубашку сняли, то увидели на груди татуировку, содержащую два слова: «Смерть тиранам» — явный след якобинского прошлого Бернадота. Именно этот курьёзный факт стал одним из первых в моей копилке.

Второй курьёзный случай, коренным образом изменивший моё отношение к истории как таковой, произошёл в сентябре последнего года обучения в школе. Как раз начали изучать события революции 1905 года. В то время этот период меня мало интересовал и я, положившись на имевшиеся у меня общие представления, вообще не заглядывал в учебник. Но случилось так, что учитель истории, Клавдия Игнатьевна, у которой я ходил в любимчиках, заболела, и урок пришёл проводить директор школы М.Г. Галицкий, также историк по образованию. Видимо, предварительно заглянув в журнал, он выяснил, какая тема рассматривалась на предыдущем уроке. Поэтому он сходу дал задание — рассказать о решениях II съезда РСДРП — и, не заглядывая в журнал, вызвал меня к доске.

Я успел из раскрытого на парте учебника извлечь единственную информацию о съезде — он проходил летом 1905

года в Лондоне. С этого я и начал, но дальше пришлось импровизировать. В общих чертах я имел представление об обстановке в России после «кровавого воскресенья», а также о назревающей революции. Поэтому и решил, что на съезде надо было создавать единый фронт против царизма. Объединил большевиков с меньшевиками. В программном документе появился пункт о необходимости установить контакты с эсерами. Единым фронтом они должны были валить правительство. Директор выслушал меня, не прерывая, попросил принести дневник и вкатил жирную двойку.

Я не был удивлён результатом, понимал, что нёс окопесу. А вот класс был шокирован. Человек минут семь-восемь распинался у доски и получил «неуд». Ожидалось «Мамаево побоище». Но директор больше никого не вызвал к доске, а оставшееся время посвятил разбору тех глупостей, которые были допущены мною.

Полученный урок оказал мне большую услугу. Я понял, что нельзя делить историю на интересную и прочую. Этой позиции я и придерживался в период обучения на истфаке. Тогда по многим дисциплинам не было учебников. Большинство моих сокурсников при подготовке к экзаменам пользовались лекциями, своими или чужими. Я так же вначале пытался записывать лекции, однако быстро понял, что это не моя стезя, на десятой минуте после начала занятия тянуло ко сну. Тогда разработал иную тактику. Составлял по каждому из читаемых курсов список наиболее важных работ. Библиотека на факультете была отменная, запасался одной из книг и отправлялся на лекцию. Краем уха слушал лектора и одновременно просматривал книгу. Действовал по правилу – многое забудется, но многое и останется. Такая тактика оправдалась. За всё время обучения в университете у меня не возникало трудностей при сдаче экзаменов.

Теперь же, перед уроками в школе, проведя ревизию, понял, что особых затруднений в изложении нового материала не предвидится. Имевшийся запас позволял оживить сухой материал учебника. Сложнее обстояло дело с опросом. Только в дальнейшем путём проб и ошибок разработал систему, кото-

рая позволяла и на этой стадии урока привлечь к работе, если не весь класс, то большую его часть.

Организовал исторический кружок. К этому времени уже договорился с преподавателем Кемеровского пединститута А.И. Мартыновым о поездке с учениками летом в археологическую экспедицию. Эта перспектива стала своеобразной «морковкой» для участников кружка. Помимо азов археологии при работе с ними я привлекал и другой исторический и около исторический материал. В это время появился объёмный том рассказов фантаста А. Казанцева «Пришельцы из космоса». Выстроилась целая очередь желающих его прочитать. А через пару недель мне учителя биологии и физики заявили протест, так как на уроках ученики их стали атаковать вопросами о пришельцах. Пришлось вне очереди предоставить им возможность ознакомиться с книгой.

Настали летние каникулы и, как было обещано, мы отправились на раскопки. А.И. Мартынов предложил нам исследовать курганный могильник, расположенный на севере Кемеровской области, в верховье реки Иня у села Абышево. Добралась туда сначала на поезде, потом на попутной машине. Могильник располагался на противоположном высоком берегу. Когда-то выше по течению существовала плотина, соединяющая оба берега. Но на тот момент её середина была разрушена, и вода, скапливающаяся в верхнем бьефе, с шумом прорывалась вниз по течению. Нашли в кустах лодку-плоскдонку с единственным веслом в виде лопаты. Переправились на противоположную сторону. В дальнейшем эта лодка применялась не только для переправы, но и активно использовалась ребятами в ходе путешествий вниз по Ине.

Пока ребята устраивали лагерь, я отправился осмотреть курганы. На рядом расположенном выгоне находилось с десятков насыпей. Не курганы, а загляденье. Высотой около метра, диаметром всего 8–10 метров. На следующий день начали раскопки одного из них. Разбили его на четыре сектора, разметили бровки, сняли верхний слой почвы. Ниже пошёл песок. Дошли до материка, зачистили его и не обнаружили никаких следов могильных ям. Для порядка углубились ещё на

полметра. Результаты те же. Уже тогда меня удивил состав курганной насыпи. Обычно при её сооружении использовались пласты дёрна, заимствованные по соседству. В результате, насыпь имела сложную структуру. Здесь же она состояла из сплошного песка. Мы раскопали ещё пару насыпей, результаты оказались теми же.

Тогда для меня так и остались загадкой эти курганы. Только через несколько лет уже в Саратове эта загадка, кажется, разрешилась. Однажды осенью местные археологи собрались в воскресные дни отправиться на раскопки курганов, которые они незадолго до этого обнаружили около расположенного выше по течению Волги села Кошели. В этой мини-экспедиции и я принял участие. Курганы оказались крайне похожими на те, которые мы раскапывали на реке Иня. И результаты раскопок оказались аналогичными. После долгих споров, пришли к выводу, что насыпи имеют природное, а не искусственное происхождение. Конечно, окончательную точку в споре могла поставить лишь консультация у геологов и почвоведов.

За время экспедиции произошло и несколько ЧП. В моё отсутствие в лагере одна из девиц не справилась с течением, и её понесло вниз по реке. Однако она не успела нахлебаться, ребята тут же вытащили её на берег. Второе происшествие произошло с местным начальством. Однажды под вечер с ревизией к чабанам, которые пасли отару овец на выгоне, приехали на машине председатель колхоза и парторг. Им пришлось добираться в объезд, ближайший мост находился в десятке километров ниже по течению. После проведённой воспитательной работы они подошли к лагерю и поинтересовались возможностью перебраться на другой берег – до деревни рукой подать. Я предложил им воспользоваться лодкой. Парторг, как положено, расположился на носу, председатель в центре лодки, а я с веслом на корме. Маршрут был отработан до деталей. Необходимо было выйти на стрежень, а в дальнейшем течение само прибивало лодку к мысу на противоположном берегу. Всё шло по плану, но когда до мыса оставалось не более метра, не выдержал парторг, сиганул на

берег и не только оказался по пояс в воде, но и лодку перевернул. В результате больше всех пострадал председатель – вымок до нитки. Я был в плавках, поэтому доплыл до лодки и отбуксировал её к берегу.

Быстро стемнело, мы, расположившись у костра, поужинали, а на противоположном берегу пострадавшие выжимали одежду и выясняли отношения. На следующий день чабаны выразили мне благодарность, так как по их расчётам в ближайшее время начальство не появится.

Таким образом, с точки зрения археологии, полученные в ходе раскопок результаты, были неутешительные. Но ребятам поездка понравилась, а главное, сформировался надёжный и сплочённый коллектив. Обещал им, что на следующий сезон вновь отправимся на раскопки, и на сей раз должно повезти.

По возвращению с каникул мне предоставили комнату в трёхкомнатной квартире. Соседями стала семья учителя физкультуры Семёна. Именно в результате его усилий появилось новое увлечение у школьников – лыжи. Снег лёг окончательно уже в середине октября. Сразу от ограды школы по довольно крутым холмам и опушке леса была проложена лыжня, которая использовалась не только на уроках физкультуры, но и для городских соревнований. На состязаниях среди школ восьмилеток наши мужская и женская команды победили с большим отрывом. Через пару недель состоялись городские соревнования среди старшеклассников и производственных коллективов. Нам, как хозяевам, разрешили и в них принять участие. В результате обе наши команды вновь стали призёрами. Правда, другие команды заявили протест, так как мы, якобы, выступали вне конкурса, но ребят организаторы всё же наградили грамотами.

Естественно, мы с Семёном решили расширить район лыжных прогулок. Посмотрели карту. Напротив посёлка, на противоположном берегу Томи в неё впадал один из правых притоков, в среднем течении которого находился лагерь заключённых. От него, если перевалить через относительно невысокий хребет, можно было попасть в леспромхоз, от которого недалеко и до города Междуреченска, находившегося

В.И. Кац в окрестностях Мысков. 1960 год

в 25 км от Мысков. Маршрут показался нам интересным, и для начала в зимние каникулы мы решили ознакомиться с финишным его этапом.

Подобрали трёх наиболее подготовленных ребят и рано утром с лыжами вышли на трассу. На попутной машине уже через час были в Междуреченске. Сегодня это один из популярных горнолыжных центров, а в то время, как и сейчас, город был известен своими угольными шахтами и разрезами. К вечеру добрались до леспромхоза, где и заночевали в начальной школе. На следующий день, несмотря на то, что температура упала ниже 30°, успешно добежали до Междуреченска, а оттуда добрались домой.

Ровно через год, в следующие зимние каникулы, отправились в поход по намеченному маршруту. Теперь желающих принять участие в походе оказалось около десятка. Идти на лыжах по лесовозной дороге неинтересно, поэтому мы забрались на поросший лесом увал, идущий параллельно ей. К вечеру оказались на высокой горе над лагерем. Вперёд пустили

ребят. Через какое-то время стали появляться их фигурки на дороге. Настала моя очередь. Благополучно миновал верхнюю часть горы, а ниже на склоне увидел кучу-малу. Пришлось сворачивать в сторону. В результате попал в какую-то яму, а, когда выбрался из снега, обнаружил, что носок одной из лыж обломан. В это время уже сверху надвигался Семён. Уступил ему место, и он приземлился в той же яме, правда, без урона для лыж. Возможность подобного ЧП мы заранее предусмотрели – захватили с собой пару запасных лыж.

Как обычно переночевали с комфортом в школе. Попутно получили от охраны лагеря рекомендации о дальнейшем маршруте. Надо было по уходящей в сторону от лагеря долине миновать семь распадков, расположенных слева от направления движения, затем подняться в гору, а там, как нас уверили, уже внизу будет виден леспромхоз. С утра двинулись в путь. Продвигались медленно: снег глубокий, а лыжи у нас обычные. Поэтому приходилось попеременно торить лыжню. Прошли указанное количество распадков, залезли на гору. Вокруг вековые ели и кедры – типичная тайга. А вот леспромхоз не виден, так как было относительно тепло и пасмурно. Спустились с горы. А куда идти – налево или направо? Пошли налево, но вскоре услышали за спиной звук бензопилы. Через полчаса вышли на лесосеку, где стоял трактор с вагончиком на санях, а рядом работала бригада лесорубов. Ребята, конечно, подустали, оккупировали вагончик и затем с комфортом добрались до посёлка. Я же с парой ребят побежал на лыжах своим ходом в посёлок топить печку в школе. На следующий день по уже знакомому маршруту мы добрались домой.

Подводя итоги походу, мы пришли к неутешительному выводу. Нам просто повезло. Вполне могло так случиться, что до леспромхоза мы бы в тот день не добрались, и пришлось бы заночевать в лесу. Правда, и этот крайний вариант нами рассматривался, как возможный. У нас были палатки, разжиться сушняком в лесу не проблема. Разложили бы костры, организовали дежурство и спокойно переночевали. Нужно учитывать, что и контингент был особый – дети строителей, привыкшие к кочевой жизни. Однако, было ясно, что, пла-

нируя этот поход, надо было ещё осенью пройти маршрут от лагеря до леспромхоза и пометить трассу. Как говорить, крепки задним умом. Но приобретённый отрицательный опыт существенно помог мне в дальнейшем при организации и проведении как лыжных агитационных походов студентов по Аткарскому району, так и пешеходных походов по Горному Крыму. Чрезвычайные происшествия так же случались, но относительно редко. Об этом мы поговорим несколько позже.

Однако вернёмся во вторую зиму моего пребывания в Сибири. Пора было подумать о маршруте летней экспедиции. На сей раз выбирал его я самостоятельно. На территории Горной Шории в то время археологические памятники были практически не известны. Иное дело соседний Алтайский край. Но, судя по литературе, и там были слабо изучены северо-восточные районы, примыкающие к Кемеровской области. Вот я и решил именно здесь провести археологические разведки. А так как обычно поселения и могильники располагались по рекам, для похода была выбрана долина реки Чумыш, истоки которой находились в Кемеровской области, а дальше река пересекала Алтайский край и впадала в Обь.

Нужно было решить ещё одну проблему – финансовую. Средств, которые обещали выдать в Горно, явно было недостаточно. Поэтому предложил тем, кто собирался принять участие в экспедиции, подзаработать. Договорился с начальством рядом расположенного участка железной дороги, и мы стали после уроков работать по расчистке железнодорожных путей от снега. Чего-чего, а снега было в избытке. Кроме того, весной обратился к шефам – дирекции ГРЭС – с просьбой выделить машину для заброски нас в исходную точку маршрута.

Утром одного из дней в начале июня к школе подъехал грузовик, мы загрузились в кузов и через несколько часов были уже в селе Сары Чумыш, расположенном в верховье реки. Здесь нас уже ждали две студентки-практикантки Кемеровского пединститута, присланные А.И. Мартыновым. Далее уже передвигались пешим ходом.

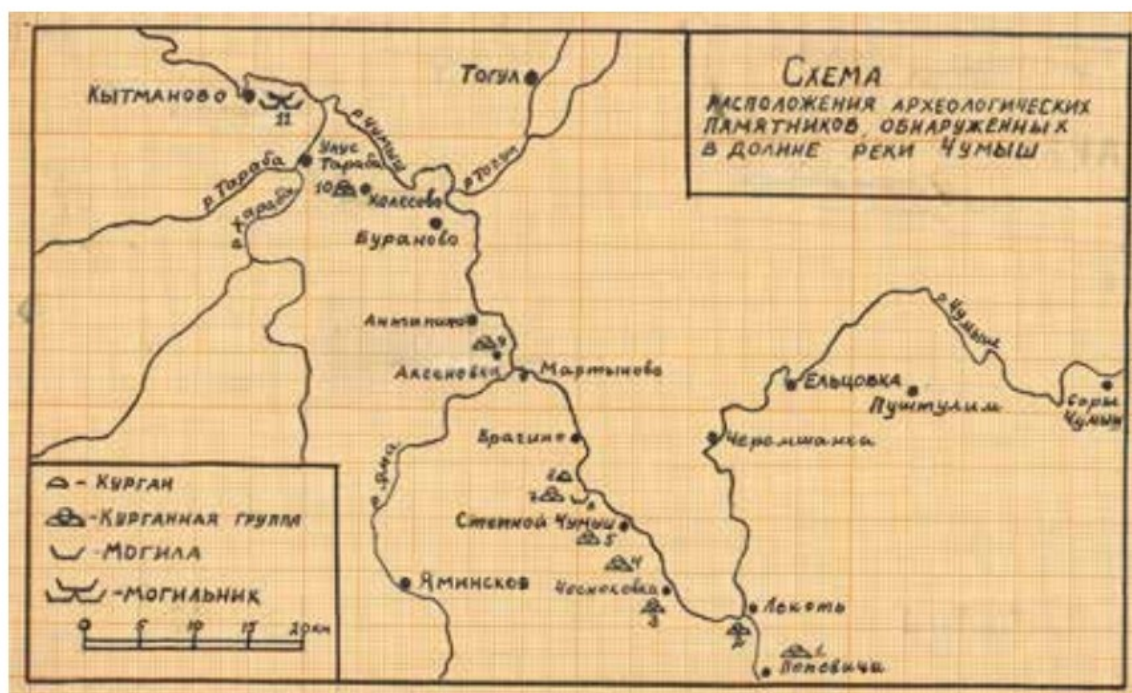

Рис. 1. Карта маршрута разведок (Кац, 1962: табл. I, рис. 1)

В первые три дня ничего интересного не попадалось. Для разнообразия я захватил с собой незадолго до этого появившийся томик И. Ильфа и Е. Петрова, и на дневках, и по вечерам ребята с интересом знакомились с похождениями героев «12 стульев» и «Золотого телёнка».

Первые курганы были зафиксированы в окрестностях сел Локоть и Поповичи, расположенных на левом берегу Чумыша. В дальнейшем на протяжении недели, продвигаясь вниз по течению реки, удалось нанести на карту ещё 8 курганных групп (рис. 1). Перед нами стояла задача лишь фиксации и описания обнаруженных археологических памятников, поэтому, естественно, их раскопки не проводились. Единственный раз была зачищена грабительская яма в одном из курганов у с. Степной Чумыш. В ней было обнаружено несколько фрагментов лепной керамики, видимо, относящихся к эпохе бронзы (рис. 2).

Намеченным конечным пунктом нашего маршрута был районный центр, село Кытманово, откуда можно было поездом добраться до Новокузнецка. Ребята уже предвкушали скорое возвращение домой, но в очередной раз вмешался Его

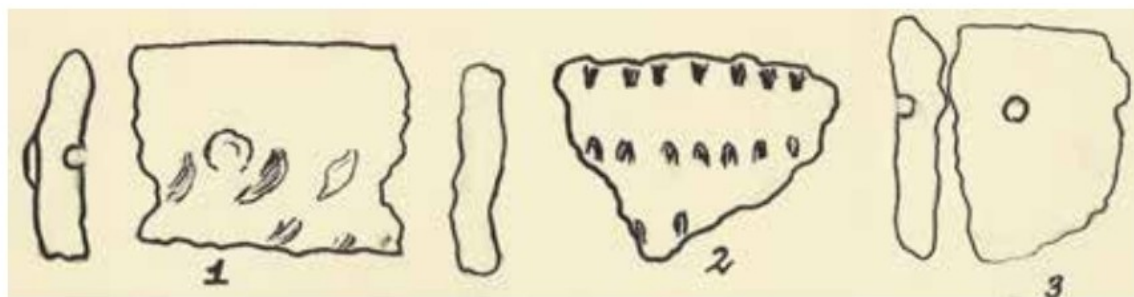

Рис. 2. Фрагменты лепных сосудов из кургана у с. Степной Чумыш
(Кац, 1962: табл. VI, рис. 1-3)

Величество Случай. Впереди уже показались окраины Кытманово. Однако в километре от села на высокой надпойменной террасе левого берега Чумыша мы заметили какие-то постройки. Когда подошли ближе, то стало ясно, что мы имеем дело с действующим кирпичным заводом. Бульдозер на базе трактора «Беларусь» подгребал песчанистую глину, из которой была сложена терраса, к глиномешалке с прессом. Рядом находились сараи для сушки кирпича-сырца и углублённая в материк обжигательная печь. Значительная территория мыса, на котором находился завод, была изрезана котлованами и расположенными рядом отвалами (рис. 3). Походив по территории, я встретил во многих котлованах и отвалах лежащие на поверхности человеческие кости. Стало ясно, что в ходе механизированной выборки глины уничтожается грунтовой могильник.

Естественно, я занялся опросом рабочих. Они рассказали, что на протяжении многих десятилетий жители юго-западной окраины села добывали глину в данном месте. Им неодно-

Вид с северо-востока на мыс, на котором расположен памятник
(Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: Приложение II. Стр. 61. Рис. 3)

*Рис. 3. Кирпичный завод. Раскопки 1962 г.
(Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: рис. 6)*

кратно попадались человеческие кости, горшки и различные предметы. В 1958 г., когда на месте могильника был построен кирпичный завод, разрушение погребений продолжилось ещё более быстрыми темпами. Особенно большой урон могильнику был нанесён летом 1960 г. Рабочие рассказали, что в отдельные дни уничтожалось 10–15 могил. Обязательной принадлежностью каждой могилы являлся горшок, а иногда и украшения в виде серег и блях, часто позолоченных.

Действительно, на северной оконечности мыса были видны остатки небольших карьеров глины глубиной до 3–4 м. К юго-западу от них располагался большой котлован от старого карьера площадью ок. 2500 кв. м (рис. 4). Здесь были заложены два небольших раскопа, которые подтвердили предположение о том, что в данном районе могильника практически все погребения были уничтожены. Правда, при зачистке ямы в центре карьера были обнаружены остатки, видимо, одного из таких погребений: две берцовые кости человека, обломок венчика сосуда с орнаментом в виде ямок и каменный топорик

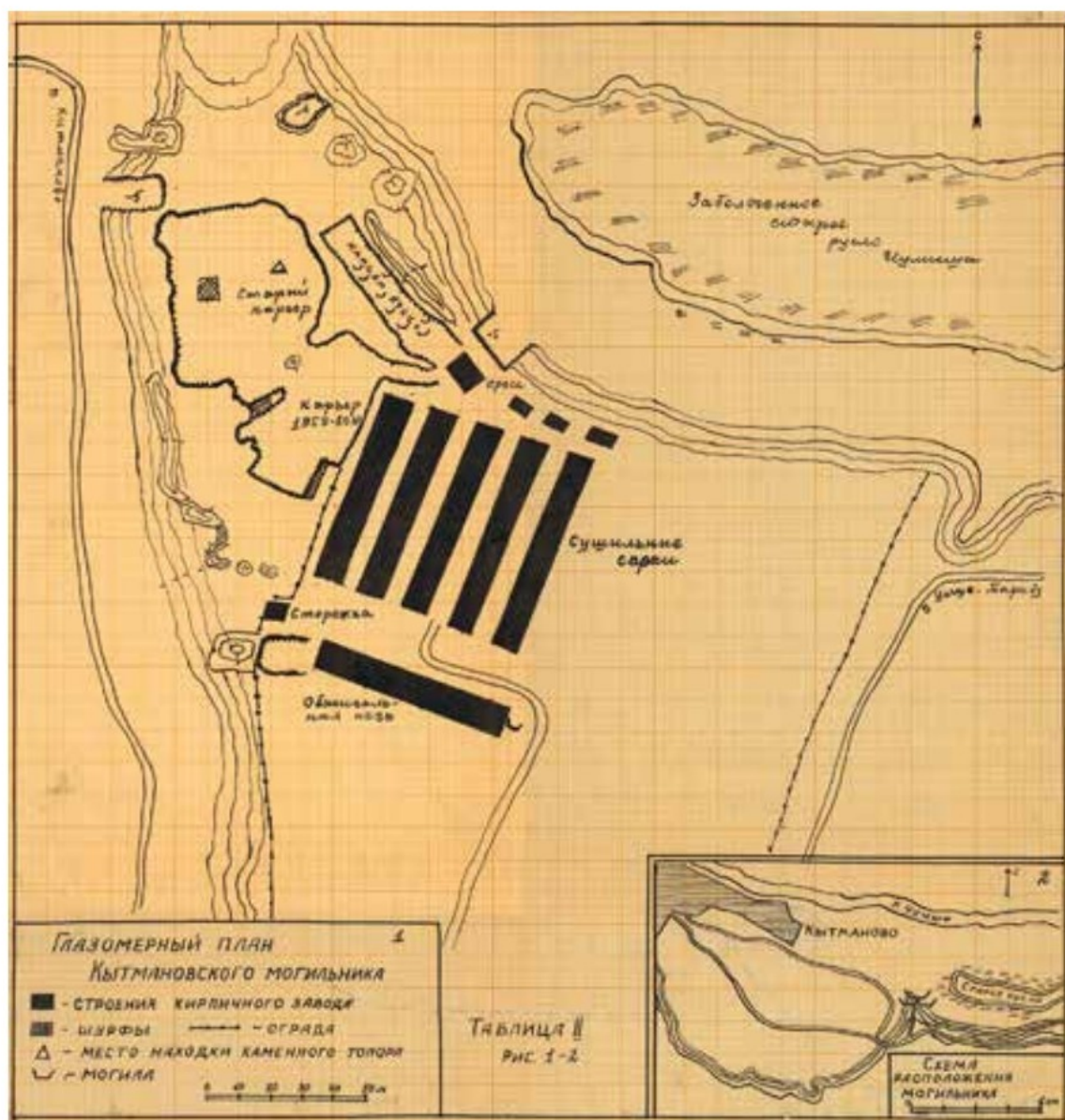

Рис. 4. План могильника (Кац, 1962: табл. II, рис. 1-2)

долотовидной формы (рис. 5). То, что эти находки принадлежали одному погребению, не было уверенности, но каменное орудие, несомненно, относилось ещё к эпохе неолита.

Если старый карьер уже начал заплывать землёй, то карьер, где добывалась глина в 1959-1960 гг., выделялся чётко. Он был расположен к западу от сушильных сараев. Здесь на площади более 1500 кв. м был снят слой материка на глубину до 2–2,5 м. Все погребения, находившиеся на данном участке, были уничтожены. Дно карьера было усеяно облом-

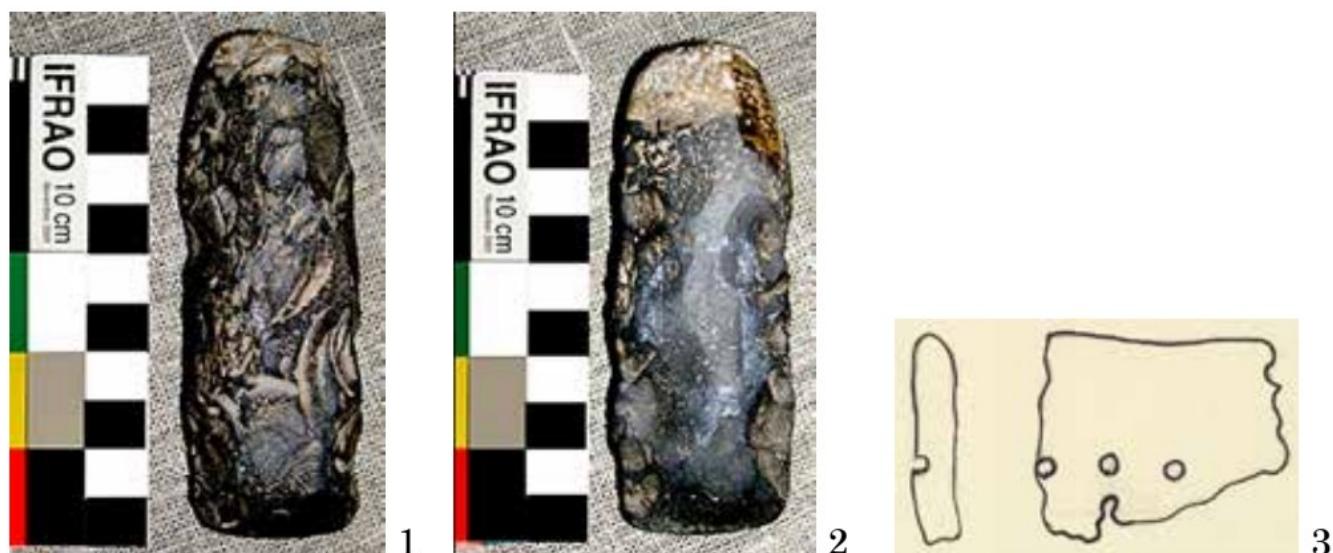

Рис. 5. Могила из старого карьера: 1-2) топорик-тесло (Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: цветная вклейка VI); 3) фрагмент лепного сосуда (Кац, 1962: табл. VI, рис. 5)

ками человеческих костей. Удалось обнаружить несколько фрагментов сосудов. Орнамент на двух из них был сделан гребённым штампом (рис. 6). Они явно относились к эпохе ранней бронзы – к андроновской археологической культуре.

Вся юго-восточная часть мыса была занята постройками кирпичного завода. Сооружение пяти сушильных сараев не нанесло ущерба могильнику, так как выемка грунта при их строительстве не производилась. Печь же для обжига кирпича, протянувшаяся от западных склонов мыса к востоку, была расположена в котловане длиной 60 м, шириной 6 м и глубиной 3,5 м. При её сооружении находившиеся на данной территории могилы, несомненно, были уничтожены.

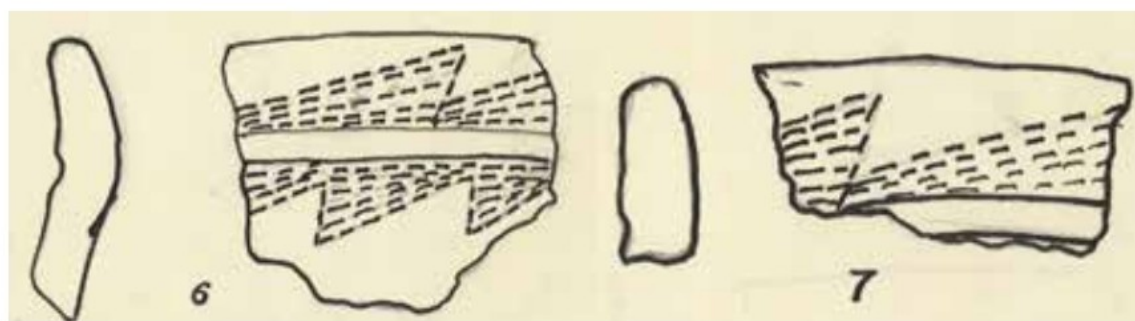

Рис. 6. Фрагменты лепных сосудов из карьера 1959-1960 гг. (Кац, 1962: табл. VI, рис. 6-7)

Правда, один из рабочих вспомнил, что, когда копали котлован для печи, то при сооружении пандуса попадались кости. Пока печь остывала, заложили в указанном месте раскоп. Действительно, здесь было погребение, но от него остались только фрагменты. На глубине 2 м от поверхности земли был обнаружен раздавленный горшок. Рядом с ним лежала костяная пирамидка (рис. 7). Эти предметы находились в южной части могилы, вся остальная площадь могильной ямы была перекопана и забита обломками кирпича.

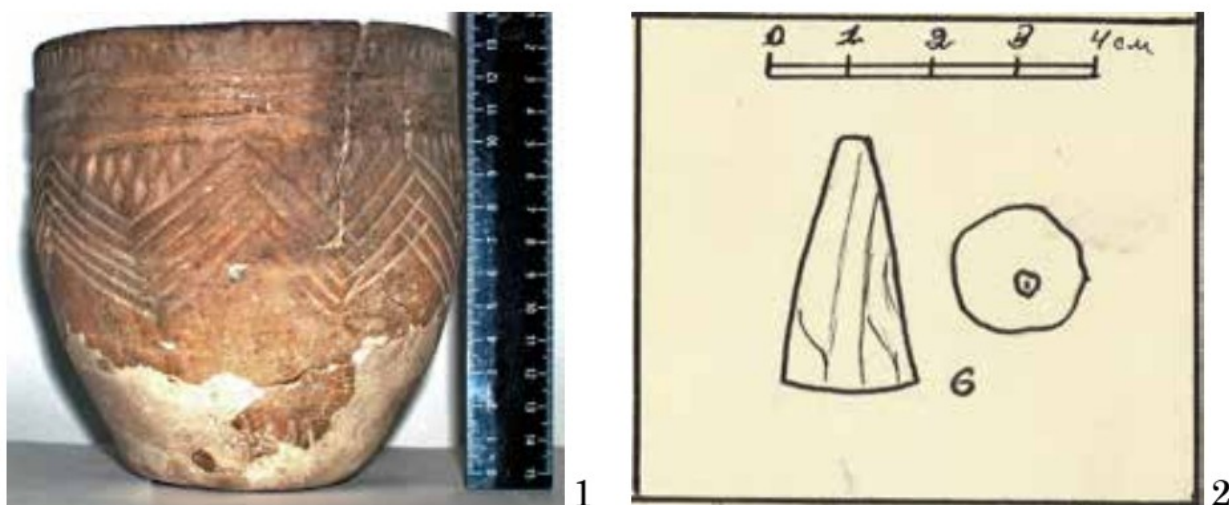

Рис. 7. Погребение у входа в печь:

1) баночный сосуд (Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: цветная вклейка X-2); 2) костяная пирамидка (Кац, 1962: табл. VII, рис. 6)

Рядом с заводом разбили лагерь, а утром я отправился в Кытманово. В райисполкоме нашёл чиновника от культуры и проинформировал его об уничтожении археологического памятника в ходе работы кирпичного завода. В ответ он заявил, что нет оснований для беспокойства, так как затронуто только недавнее «татарское кладбище». Показал ему каменный топорик и поинтересовался, видел ли он подобные орудия у местных татар? Но и этот аргумент не произвёл на чиновника впечатление. Стало ясно, что понимания у местных властей получить не удастся. У меня сложилось впечатление, что для чиновника уничтожение данного археологического объекта не было новостью. И это подтвердилось в дальнейшем. Оказалось, что ещё осенью 1959 г., вскоре после открытия завода,

в управление культуры Алтайского крайисполкома и Алтайский краевой краеведческий музей поступили сведения о разрушении не стоявшего на государственном учете памятника древности на территории кирпичного завода в Кытманове. Распоряжением крайисполкома районным властям было предписано временно, до обследования и проведения аварийных работ на участках местности, занятых археологическим памятником, разработку карьера и выборку глины приостановить.

Однако местные власти это распоряжение проигнорировали. За его невыполнение в худшем случае они могли получить выговор, а при срыве производства кирпича санкции были бы куда строже. Ну, а краевые власти отдали указание и успокоились. На протяжении следующих двух лет аварийные раскопки в Кытманово не только не были организованы, но крайисполком даже не осуществил проверку того, как его распоряжение было выполнено. Вот тут-то и появились мы.

Когда я вернулся к ребятам, то сообщил им о сложившейся ситуации. В очередной раз провёл их по могильнику. Обратил внимание на участок к северо-востоку от карьера 1959-1960 гг. Здесь с мая 1961 г. началась добыча глины. К моменту нашего прибытия бульдозером уже была проложена траншея длиной более 60 м и шириной до 10 м (рис. 8, 9). Здесь был не только снят почвенный слой, но траншея уже была углублена в материк на 0,5 метра. Высказал предположение, что скоро должны появиться могилы. Поэтому оставить могильник на дальнейшее разрушение, не предприняв попытку спасти то, что удастся обнаружить, грешно. В связи с этим сообщил ребятам, что задержусь в Кытманово ещё на неделю. Большинство также пожелало остаться. Но из-за нашего ахового финансового положения оставил только двоих восьмиклассников: Руслана Голицына и Володю Новосёлова, активных участников всех экспедиций и походов. Попросил студенток сопровождать основную часть группы до Новокузнецка и посадить ребят в автобус на Мыски.

Утром следующего дня до появления бульдозериста мы зачистили отдельные участки траншеи, однако контуры мо-

гильных пятен выявить не удалось. Оставалось внимательно следить за работой бульдозера, чтобы не упустить появления первых признаков могил. Договорился с бульдозеристом, чтобы он снимал самые, насколько возможно, тонкие слои грунта.

Где-то часа через два после очередного прохода бульдозера на зачищенной поверхности кто-то из нас обнаружил фрагмент венчика баночного сосуда. Сколы были свежие. Внима-

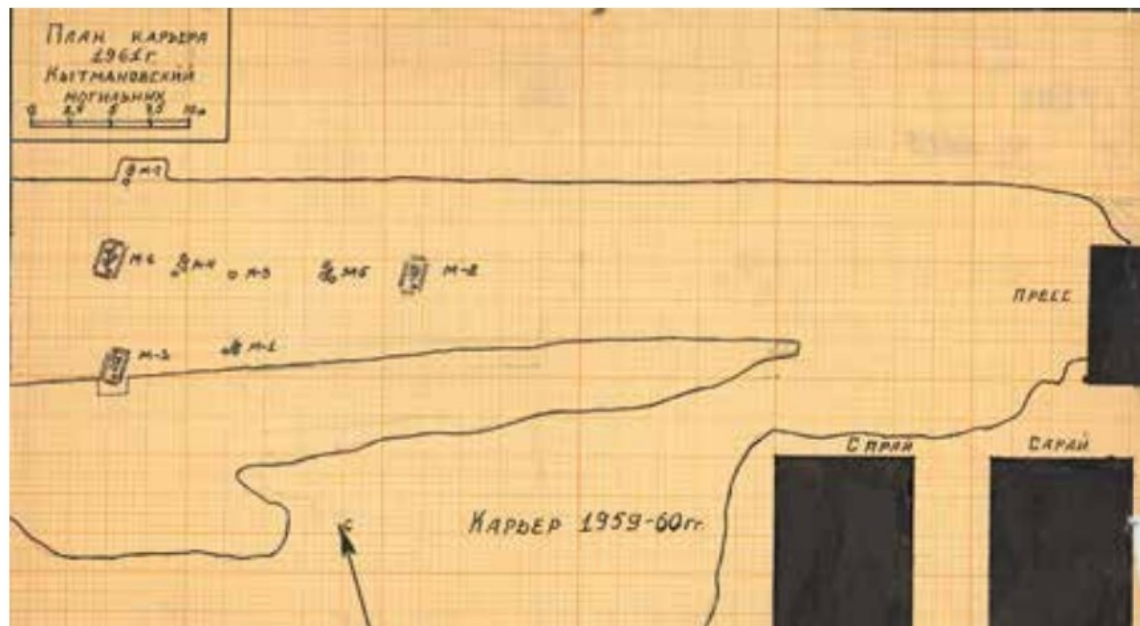

Рис. 8. План карьера 1961 г. (Кац, 1962: табл. II – 3)

Рис. 9. Общий вид карьера 1961 г.
(Кац, 1962: IV-1)

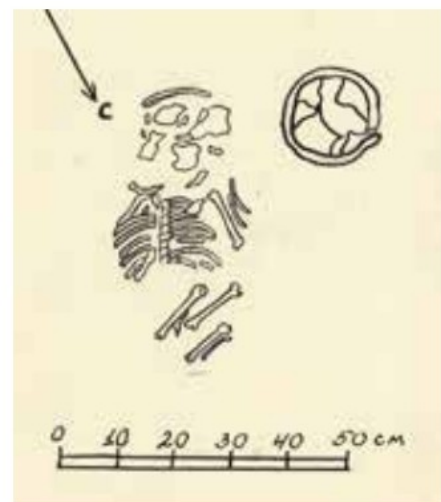

Рис. 10. Могила 1
(Кац, 1962: табл. III-1)

тельно просмотрели ту часть траншеи, где до этого работал бульдозер, и обнаружили следы закраины повреждённого сосуда, а далее и саму могилу, в которой он находился.

В дальнейшем подобные казусы уже не случались. Мы научились определять место могил по косвенным признакам. Засыпка могилы на ощупь мягче, чем материк. Кроме того, выше скелета в глинистой засыпке могилы в большом количестве встречались белые комочки, следы от перегнивших органических остатков. А пока пришлось при зачистке могилы воспользоваться навыками, приобретёнными ещё в ходе моего первого полевого сезона в Поволжье. Одновременно методику расчистки погребений стали осваивать и ребята.

Первая из обнаруженных в карьере могил оказалась детской. Скелет ребёнка грудного возраста лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Перед лицом находился горшок (рис. 10).

В тот же день в 7 метрах к северо-западу от погребения № 1 у южной стенки карьера после прохода бульдозера появилось белое пятно. Начали зачистку. Показалась деревянная плаха шириной 15 см. Рядом оказалась вторая, а затем и третья. Дерево на воздухе быстро темнело и завивалось кольцами. Видимо, эти плахи перекрывали могилу. Действительно, после того как они были удалены, и материк зачищен, чётко обрисовались контуры могильной ямы прямоугольной формы. На дне её находился сруб из круглых брёвен толщиной 17–20 см. Уложен один венец сруба, торцы брёвен обтёсаны конусовидно, стыки не зарублены, составные части сруба просто примкнуты друг к другу.

Ориентирован сруб длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Внутри сруба лежал хорошо сохранившийся скелет взрослого мужчины в скорченном положении на левом боку, головой на юго-запад, руки согнуты и помещены перед лицом (рис. 11). Между черепом и юго-западной стенкой сруба стоял сосуд баночной формы (рис. 12).

На протяжении следующих дней нами от разрушения бульдозером было спасено ещё шесть погребений. Три из них (№ 3–5) содержали захоронения грудных детей, одно (№ 7) –

Рис. 11. Могила № 2:

1) общий вид (Кац, 1962: табл IV-2); 2) сосуд баночной формы
(Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: цветная вклейка X-1)

подростка. Уже в конце нашего пребывания в Кытманово были вскрыты ещё две могилы, содержавшие помимо традиционных горшков по паре серёг.

Первой из них стала могила № 6, находившаяся в 5 м к северу от погребения № 2. На глубине 2,5 м от поверхности почвы были обнаружены остатки сруба. Юго-западные и юго-восточные плахи толщиной 15–20 см хорошо сохранились. Они были обтёсаны и примкнуты одна к другой. Встречены и следы перекрытия из тонких досок. Внутри сруба лежал хорошо сохранившийся скелет женщины головой на юго-запад (рис. 12,1-2). Покойница положена на левом боку, ноги согнуты, кисти рук перед лицом, в затылочной части черепа пролом. На черепе лежала золотая серьга с раструбом (рис. 12,3), вторая серьга, аналогичная первой, обнаружена под ним. В южном углу могилы находился богато орнаментированный горшок (рис. 12,4). Под скелетом прослеживался тонкий слой перегной (вероятно, остатки подстилки).

Особый интерес у нас вызвали серьги. Они изготовлены из золотой проволоки толщиной около 2 мм. Проволока согнута в кольцо диаметром 3 см. Один её конец расплюсчен и ему придана форма раструба, другой конец заострён и загнут в виде крючка, который заходит в отверстие, пробитое в стенке раструба. Аналогичные серьги известны по раскопкам из

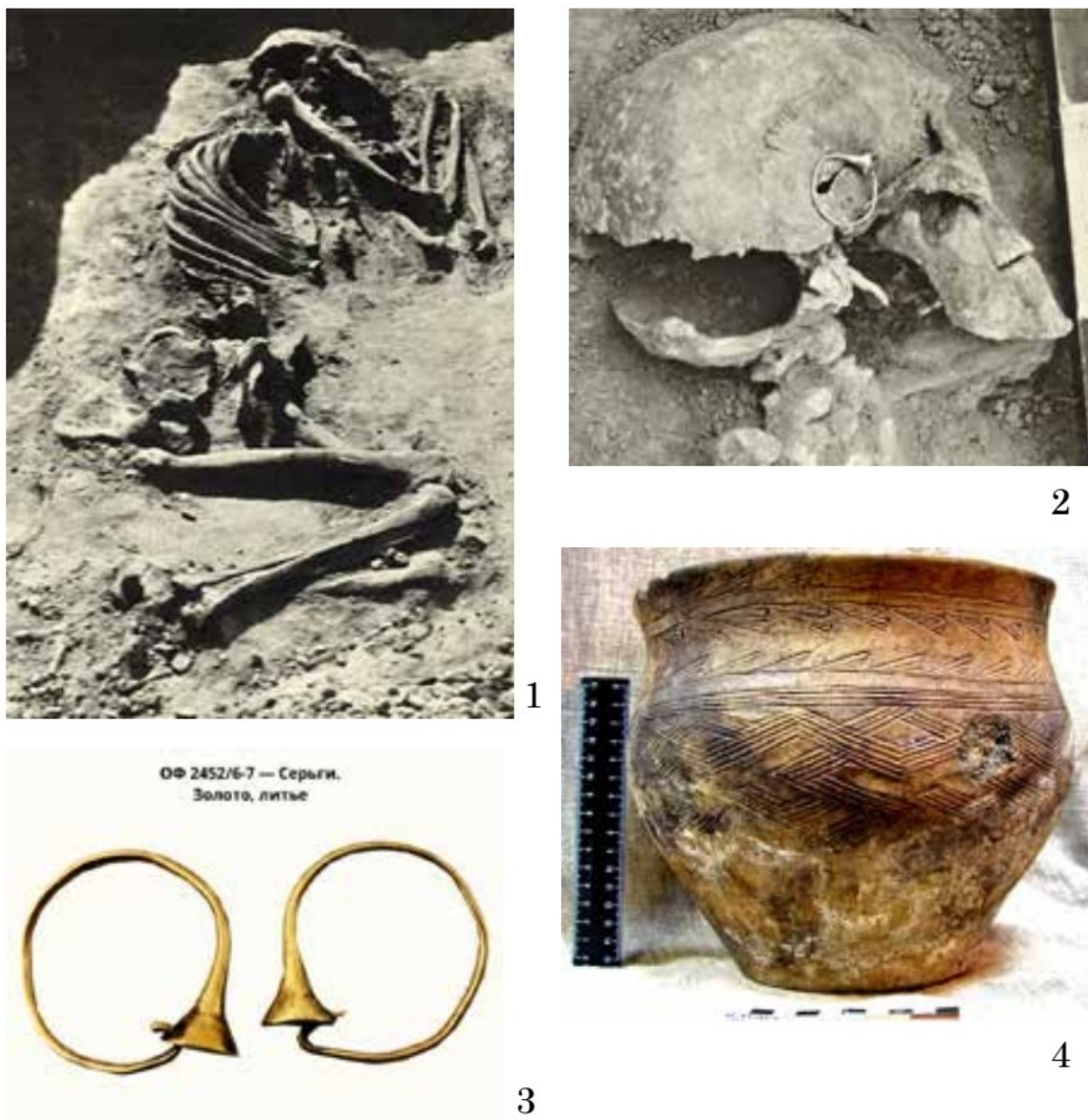

Рис. 12. Могила № 6: 1-2) женское погребение (Кац, табл. IV-5, 6);
3) серьги с раструбом (Кемеровский музей);
4) горшок (Уманский, Кирюшин, Грушин: цветная вклейка VIII-2)

большинства районов расселения племён андроновской культуры, время бытования которых приходится на фёдоровский этап, датируемый третьей четвертью II тысячелетия до н.э.

Последнее из зафиксированных нами погребений можно назвать «вишенкой на торте». Могила № 8, самая восточная в группе, находилась в 40 м от прессы. На глубине 1,6 м от поверхности почвы были обнаружены следы перегнившего де-

рева, там же были выявлены остатки четырёхугольной рамы из досок толщиной 12–15 см и шириной 20–25 см. Частично прослеживалось перекрытие также из досок, но более тонких. Скелет сохранился хорошо за исключением рёбер и лучевых костей рук. Череп оказался раздавлен упавшим перекрытием. Скелет был ориентирован головой на юго-запад, сильно скорчен, руки согнуты, и их кисти находились перед лицом. (рис. 13,1-2). В южном углу сруба стоял богато орнаментированный

1

2

3

4

Рис. 13. Могила № 8: 1-2) женское погребение (Кац, табл. IV-7,8);
3) серьги – золотая фольга на бронзовой основе (Уманский, Кирюшин,
Грушин: цветная вклейка II-10,11); 4) горшок (Уманский, Кирюшин,
Грушин, 2007: цветная вклейка VIII-1)

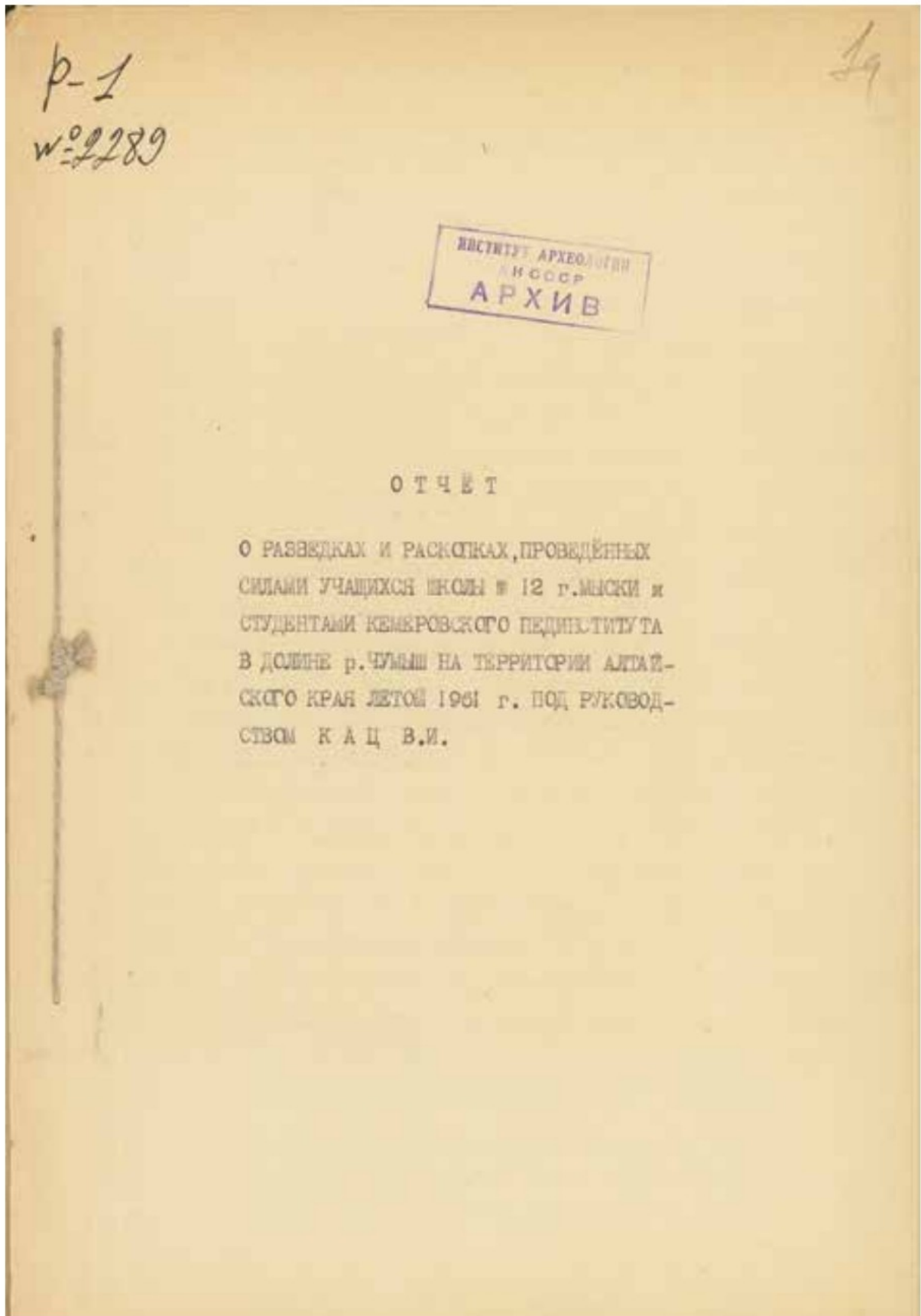
ванный горшок (рис. 13,4). На месте ушной раковины была обнаружена серьга, аналогичная вторая серьга была найдена и с обратной стороны черепа (рис. 13,3). Изготовлены они из бронзовой проволоки, свёрнутой в незамкнутое кольцо диаметром в 3,5 см. Проволока обложена золотым листом. Обкладка с одной стороны сведена на остриё, с другого конца свёрнута трубочкой.

Мы ещё раз внимательно просмотрели траншею, но новых могил не обнаружили. В магазине я приобрёл фанерный ящик, и нагруженные находками мы уехали домой.

По возвращению с летних каникул я склеил и загипсовал горшки, а затем начал знакомить с обнаруженными археологическими находками школьников, в том числе и начальных классов. Интерес был небывалый. Да это и понятно. Одно дело увидеть археологический материал на картинке, и совершенно другой эффект появляется тогда, когда вещи, которыми люди пользовались 3,5 тысячи лет тому назад, можно не только увидеть вживую, но и даже потрогать.

В зимние каникулы я поехал в Саратов не как обычно через Новосибирск, а через Барнаул. Там отправился в пединститут и встретился с местным археологом А.П. Уманским. Сообщил ему о могильнике, показал фотографии и проинформировал, что собираюсь летом опять отправиться в Кытманово.

По возвращению с каникул я написал отчёт о проведённых разведках и раскопках, отправил его в Полевой Комитет Института Археологии и получил открытый лист на проведение охранных работ на Кытмановском могильнике. Ближе к лету был сформирован отряд, и в начале июня 1962 г. мы добрались до Кытманова. Но здесь нас ждал сюрприз — на кирпичном заводе уже работала экспедиция под руководством А.П. Уманского. Я вообще-то не собирался всерьёз заниматься Сибирской археологией и с удовольствием влился бы с ребятами в состав барнаульской экспедиции. Однако, какие-либо предложения такого рода не последовали. Напротив, на нас смотрели как на нежелательных пришельцев. Оставалось только подбирать крохи на старых отвалах.

Заложили несколько пробных шурфов за пределами сараев. В одном из них оказалось потревоженное погребение. Стало ясно, что могильник распространялся и на эту территорию. На этом наша экспедиция закончилась.

После того, как доставил ребят домой, съездил в Кемерово и передал на хранение в местный музей все обнаруженные в Кытманово материалы.

В дальнейшем, работая в библиотеках, интересовался судьбой Кытмановского могильника, но проходили десятилетия, и ничего не появлялось в печати. Однако при подготовке этого опуса я обратился ко всё знающему Интернету и с удивлением обнаружил, что уже на протяжении последних полутора десятилетий упоминались неоднократно не только материалы Кытмановского могильника, но и ваш покорный слуга.

Прежде всего мне попала на глаза статья О.А. Поповой, опубликованная в сборнике работ молодых исследователей Алтайского университета и посвящённая истории изучения Андроновских могильников на территории Алтая. В самом начале статьи отмечается, что *«в конце 1950-х – начале 1960-х гг. местные исследователи начали более интенсивное изучение памятников археологии Алтая. Так, в 1961 г. группой школьников под руководством В.И. Каца был обследован карьер кирпичного завода около села Кытманов»*¹. Так я попал в число местных алтайских краеведов. Однако куда более важным оказалось указание автора на то, что данная информация была заимствована им из вышедшей в 2007 году монографии, специально посвящённой анализу материала, обнаруженного при исследовании этого памятника².

¹ Попова О.А. История изучения андроновских могильников на территории степного и лесостепного Алтая // Теория и практика в археологических исследованиях. Барнаул: Азбука, 2009. С. 157.

² Уманский, А.П., Кирюшин, Ю.Ф., Грушин, С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово) / А.П. Уманский, Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. 130 с.

Монография прекрасно иллюстрирована. В частности, здесь я нашёл цветные фотографии всего материала, переданного мною в Кемеровский музей. Особый интерес вызвал у меня раздел, посвящённый истории изучения могильника, где была дана оценка и моего участия. Правда, необходимо внести ряд уточнений.

Так, отмечается, что во время лодочного похода туристы-краеведы из школы № 12 г. Мыски *«обследовали карьер кирпичного завода в Кытманово и доследовали 10 древних могил, частично разрушенных при возобновлении работы кирпичного завода»*. Во-первых, это был не лодочный поход туристов-краеведов, а целенаправленные археологические разведки, проводившиеся исключительно пешком. Во-вторых, разрушенными, как мы видели выше, оказались только две могилы, остальные, обнаруженные в ходе наблюдения за работой бульдозера, были не потревожены.

По данным А.П. Уманского мною было раскопано в следующем году около 20 могил. Откуда появилась эта цифра не понятно. Тем более, что в другом месте монографии отмечается, что среди отвала в большом карьере *«кемеровскими туристами»* в 1962 г. было доследовано девять разрушенных погребений. Последняя информация близка к действительности.

Неоднократно отмечается, что отчётов о работах, проведённых В.И. Кацем, авторам монографии обнаружить не удалось. Плохо искали. Отчёт о проведённых в 1961 г. работах до сих пор хранится в архиве Института Археологии в Москве³. Следует отметить, что только знакомство с этим отчётом, позволило восстановить многие, начисто стёршиеся за шесть десятилетий из памяти, факты нашей с ребятами работы по изучению Кытмановского могильника. Кроме того, испытал чувство удовлетворения от того, что этот первый и оставшийся единственным мой отчёт в Полевой комитет не оказался

³ Кац В.И. Отчет о проведенных работах за 1962 г. // Архив Института Археологии РАН. Р-1, 2289 [Приношу искреннюю благодарность А.В. Ковальчук, которой в сложный пандемийный период удалось получить в архиве и переслать мне копию отчёта].

Рис. 14. Подвески в полтора оборота. Золотая фольга на бронзовой основе (Уманский, Кирюшин, Грушин: цветная вклейка III)

«комом» и вполне может быть оценен как вполне удовлетворительный и по современным меркам.

В дальнейшем масштабное археологическое исследование Кытмановского могильника проводилось экспедицией под руководством А.П. Уманского на протяжении двух сезонов. В 1962 г. работы носили аварийный характер, исследовались те участки могильника, которые уже уничтожались, или которым угрожало разрушение в ближайшее время. Здесь было вскрыто 26 захоронений. Однако, видимо, продолжать исследование этого археологического объекта А.П. Уманский не собирался, что вполне понятно, так как эпоха бронзы не входила в круг его научных интересов, которые находились в сфере изучения средневековых археологических памятников Алтая. Поэтому на уцелевшей от разрушения части мыса, где могли находиться не потревоженные погребения, был уста-

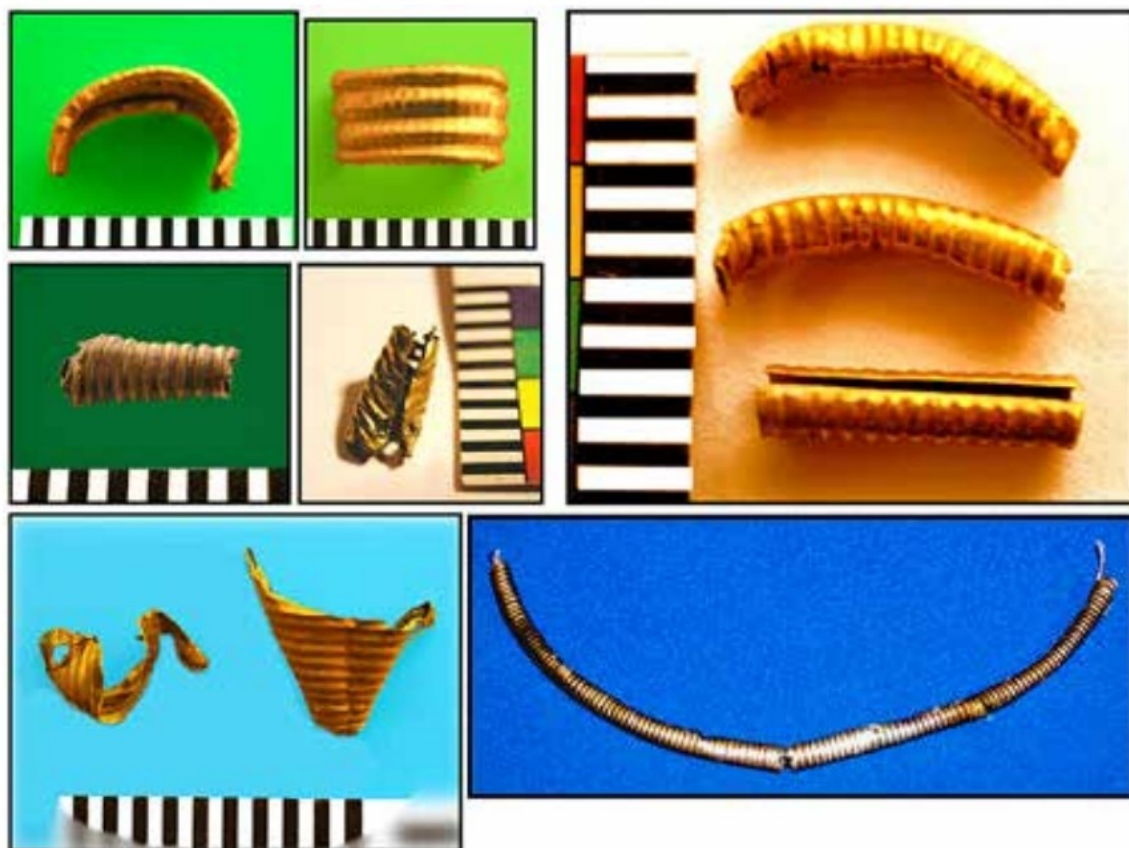

Рис. 15. Рубчатые пронизы и обоймы. Золотая фольга на бронзовой основе (Уманский, Кирюшин, Грушин: цветная вклейка I)

новлен столб с табличкой, на которой было указано, что данный археологический объект находится под охраной государства.

Но весной следующего 1963 г. до А.П. Уманского дошли сведения, что по инициативе администрации завода столб снесли, почвенный слой с участка срезали бульдозером и даже начали на нем выборку глины. К чести А.П. Уманского необходимо отметить, что он не оставил без внимания это сообщение, отложил намечавшиеся на летний сезон работы и вновь появился в Кытманово. В ходе проведения охранных работ на могильнике было обнаружено ещё 11 могил. На этом систематические исследования могильника закончились. Вместе с тем и после 1963 г. из Кытманово поступали отдельные археологические находки. Поэтому авторы монографии правомерно делают заключение, что, несмотря на два экспе-

диционных сезона, площадь, занятая древним кладбищем, не была исследована полностью, и погребения продолжали уничтожаться в ходе функционирования кирпичного завода.

Ещё один штрих, позволяющий оценить эффективность деятельности чиновников от культуры в области охраны памятников самой культуры. Кытмановский могильник был поставлен на учёт как *«вновь выявленный памятник археологии»* и отнесён *«к категории местного значения»* лишь 21 мая 1991 года, ровно через три десятилетия после его открытия. К тому времени он уже практически был полностью уничтожен.

Как мне сообщил в частном письме один из авторов монографии о Кытмановском могильнике С.П. Грушин, в 2005 г. он побывал на его территории. Кирпичный завод уже не функционировал, но в ходе его деятельности была не только скрыта полностью вся терраса, на территории которой находились погребения, но и на её месте зиял глубокий котлован.

Вместе с тем даже тот материал, который был получен в ходе исследования могильника нами и экспедицией под руководством А.П. Уманского на протяжении двух сезонов, позволяет считать его одним из самых крупных некрополей андроновской эпохи в лесостепном и степном Алтае. Особый интерес представляют наборы ювелирных изделий – личных украшений из золота (серьги, кольца, подвески, бляшки и др.), обнаруженных в ходе исследования ряда погребений, и которые не так уж часто встречаются в андроновских могильниках. Наиболее ценные из них (110 экз.) были переданы А.П. Уманским на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж (рис. 14-15).

Несомненно, появление полноценной публикации материалов Кытмановского могильника заслуживает положительной оценки. Однако остаётся непонятным, почему потребовалось почти полвека, прежде чем она появилась.

Таким образом, первая детективная история, организатором и участником которой мне посчастливилось быть, закончилась вполне успешно. Не сомневаюсь, что у тех школьников, которые принимали участие в экспедициях, интерес к исто-

рии сохранился независимо от того, какую специальность они выбрали в дальнейшем. Уверен, что знакомство с подлинным археологическим материалом оказало положительное влияние и на других учеников школы. Это я понял, когда после поступления в аспирантуру приехал получать окончательный расчёт. Зашёл в школу. По лестнице через две ступеньки скачет один из шестиклассников. Состоялся интересный диалог:

– *А Вы у нас больше не будете вести историю?*

– *Нет, уезжаю в Москву.*

– *Жалко.*

– *А тебе чего жалеть? Мало тебе двоек наставил?*

– *Так это не важно. Зато интересно было.*

Более высокую оценку своей учительской деятельности трудно представить. Именно воспитание интереса к истории было главной моей задачей, и она была решена.

Сюжет 2. Аспирантские годы. Клад Боспорских монет

Весной на третий год моего пребывания в Сибири я получил от своего бывшего научного руководителя, Фенины Яковлевны Коське, которая к тому времени уже работала в Подмосковье, письмо, где сообщалось, что Московский Пединститут им. В.И. Ленина объявляет приём в аспирантуру по специальности «История Древнего мира», и рекомендацию воспользоваться этой возможностью. Собрал и отправил в Москву все необходимые документы, в том числе и реферат, естественно, по керамическим клеймам. В ответ получил вызов на сдачу приёмных экзаменов.

И вот, в начале сентября я отправился в Москву, где встретился у Фенины Яковлевны с Юрой Бабиновым, также её учеником, который подал документы на заочное отделение аспирантуры. Вместе отправились в канцелярию Института, а там нас переадресовали на кафедру Истории Древнего мира и Средних веков, где нас ждал сюрприз. Оказалось, что на кафедре нет специалиста, который мог бы осуществлять руководство нашим обучением в аспирантуре, и поэтому нам не навязчиво, но настоятельно посоветовали забрать документы. Однако Фенина Яковлевна порекомендовала нам обратиться в Министерство Просвещения РСФСР.

Со столь высокими органами власти в дальнейшем мне приходилось сталкиваться ещё пару раз, и во всех случаях походы туда заканчивались безрезультатно. Но на сей раз нам повезло. Женщина-инспектор отдела аспирантуры не только сочувственно отнеслась к нашим злоключениям, но и заявила, что в связи с тем, что институт не располагает кадрами для руководства аспирантами по объявленной дисциплине, два аспирантских места у него будут отобраны и переданы в другой вуз. На выбор были предложены Ярославский пединститут и Московский областной пединститут им. Н.К. Крупской. Естественно, мы выбрали последний. Так у доцента Юлии Семёновны Крушкол появились два внеплановых аспиранта.

Первый год обучения я в основном проводил в Исторической библиотеке, рядом с которой жил, занимаясь подготовкой к кандидатским экзаменам. Летом же напросился в экспедицию, которую ежегодно организовывала Юлия Семёновна, занимавшаяся в те годы исследованием курганного могильника местных племён синдов в районе хутора Рассвет около Анапы.

Экспедиционный быт был налажен вполне прилично, что нельзя было сказать об организации самой работы. Это была единственная на моей памяти экспедиция, где выкопанный грунт перемещали в корзинах, как это практикуется до настоящего времени в экспедициях, работающих на Ближнем Востоке. При этом один из студентов, а они были главной рабочей силой, насыпал корзину, а затем стоял, пока двое других доставляли её на отвал. Затем положение менялось, уже отдыхали носильщики. Довольно малопродуктивная работа. Я поговорил с одним из выпускников, моим ровесником, Костей Соколом, с которым у меня установились приятельские отношения, и которого так же раздражала неразбериха. Мы обзавелись тремя корзинами, быстро наполняли их землёй и бегом доставляли на отвал. Производительность явно выросла в два-три раза. Благодаря этому мы теперь отдыхали в перерыв на десять минут больше остальных. Но подобное своеволие возмутило Юлию Семёновну, и она зарубила нашу инициативу на корню. Все должны были начинать работу и отдыхать по свистку.

Становилось скучно, и я предложил Юлии Семёновне организовать разведки на прилегающей территории. Естественно, взял Костю и ещё одного студента из Тулы, который, как и положено туляку, прихватил в экспедицию двустволку. Так что мы были под надёжной охраной.

Утром в воскресенье двинулись в поход. Ближайшим пунктом на нашем маршруте было село Гай-Кодзор, населённое главным образом армянскими беженцами из Турции и их потомками. Контраст между двумя рядом расположенными поселениями был разительный. Когда мы покидали хутор, то практически у каждого дома на лавочке сидели женщины, лузгали

семечки и обсуждали новости. В Гай-Кодзоре на улице не встретили ни одной женщины, но были группы мужчин, играющих в нарды. Подойдя к одной из них, мы поинтересовались, не попадались ли при строительных работах в селе осколки древней керамики. Один из собеседников вспомнил, что весной, когда скрепер равнял обочину дороги, то им было вывернуто на поверхность большое количество черепков. Заложили шурф в указанном месте. Действительно скрепером был практически уничтожен склад средневековых пифосов, крупных глиняных бочек для хранения сыпучих и жидких продуктов.

Двинулись дальше. По дороге встретили пару курганов, видимо, ограбленных ещё в древности. К вечеру спустились в живописную долину реки Сукко, по берегам которой располагалось одноименное поселение.

Я отправился на поиски директора школы, чтобы договориться о ночёвке. Возвращаясь, увидел, что Костю окружила стая ребятишек. Человек он был общительный и умело извлекал в ходе беседы нужную информацию. Но здесь результатом оказались более реальные вещи. Когда я подошёл, Костя протянул мне несколько явно древних медных монет. Прежде всего, меня удивила их сохранность. Обычно такие монеты от длительного пребывания в земле сильно корродируются, и в лабораторных условиях уходит много сил и времени на их очистку, чтобы разобрать находящиеся на их поверхности изображения и надписи. В данном же случае монеты были идеальной сохранности, только покрыты благородной патиной. На одной из них удалось прочесть имя Митридата, перед которым была указана царская титулатура. Я не был тогда, не являюсь и сейчас, специалистом по нумизматике, но моих знаний хватило на то, чтобы отнести монеты к боспорской чеканке приблизительно рубежа нашей эры. Отсутствие же коррозии свидетельствовало о том, что, по всей вероятности, монеты входили в состав клада и на протяжении двух тысячелетий были изолированы от влияния внешней среды. Спросив у ребят, откуда эти монеты, мы узнали, что мать одного из них принесла с виноградника. С этого и начиналась эта детективная история.

Выяснилось, что за месяц до нашего появления звено виноградарей было отправлено на обработку молодого виноградника, находившегося в 2 км от села на южном склоне долины Сукко. На этом участке был разбит виноградный плантаж, т.е. осуществлена вспашка на глубину 80 см. Однако только в 1962 г. на поле были посажены виноградные чубуки, а через год возникла необходимость рыхления междурядий. В ходе этой работы одна из женщин заметила в земле вначале одну, а затем ещё несколько монет. Позвала товарок, и они не только осмотрели, но и перекопали территорию в радиусе 5-6 м от первой находки. В результате было собрано более сотни монет. Работа была проведена настолько основательно, что, когда мы посетили виноградник, не удалось обнаружить ни одной монеты, ни черепков от сосуда, в котором они могли находиться. Правда, к тому времени междурядья уже заросли травой.

Такая тщательность, проявленная в ходе поиска монет, не случайна. За несколько лет до этого в Сукко был обнаружен клад византийских золотых и серебряных монет, поэтому предположили, что в данном случае они имеют дело с монетами, изготовленными из драгоценных металлов. Однако, вернувшись домой, с помощью подручных инструментов, в первую очередь напильника или зубила, они убедились, что монеты медные. Поэтому часть из них была оставлена в качестве сувениров, а большая отдана детям. В связи с появившейся информацией мы стали составлять список тех, кто в день находки был на винограднике. Одновременно с этим начали подворный обход.

К счастью, коллекционеры ещё не пронюхали о кладе, поэтому конкурентов у нас не было. Мы рассказывали о самих монетах, о ценности клада для исторической науки, и в результате практически все обладатели монет передавали их нам. При этом никто даже не заикнулся о вознаграждении. Счастливые были времена.

Пришло время возвращаться. На обратном пути нам повстречался объездчик, у которого мы также разжились интересной информацией. Расставшись с ним, прошли с пол-

километра, и вдруг на дорогу с соседнего кукурузного поля выскочил заяц. Наш туляк не подкачал, с одного выстрела завалил косого. А через несколько минут, услышав выстрел, прискакал и объездчик. Я ожидал неприятностей, так как сезон охоты открывался только через пару недель. Но он не только похвалил стрелка за меткость, но и помог разделать добычу. Мы возвращались из похода с триумфом, обладая не только несколькими десятками монет, но и тушкой зайца. Рядовые члены экспедиции особенно высоко оценили последнего.

В связи с тем, что во время первого визита в село, мы обошли не всех членов звена, принимавших участие в находке клада, пришлось ещё пару раз посетить Сукко. В ходе одного из этих походов произошёл курьёзный случай. Заявились мы в один из домов, где на пороге нас встретила хозяйка. Как только мы заговорили о монетах, она побледнела и задала странный вопрос: *«Где стоит машина?»* Оказалась, что она имела какое-то отношение к первому кладу. Юлия Семёновна, узнав тогда, что в Сукко обнаружен клад византийских монет, привлекла для их поиска местную милицию. В связи с этим в Сукко стали появляться милицейские машины и увозить на допрос в Анапу тех, кто подозревался в сокрытии клада. Одной из таких подозреваемых и была наша хозяйка, у которой после посещения милиции вряд ли остались приятные впечатления. Да и соседи стали смотреть на неё подозрительно. Когда она узнала о цели нашего посещения, то с облегчением выдала нам несколько монет.

Тогда же, в результате бурной деятельности правоохранительных органов удалось реквизировать всего несколько монет из первого клада. Интересно, что один из жителей подарил Косте серебряную монету, выпущенную при византийском императоре Иоанне Цимисхии, видимо, принадлежащую к этому кладу.

В ходе наших походов я предложил Косте выбрать темой дипломной работы как раз этот боспорский клад. Он загорелся, но его энтузиазм вскоре погасила Юлия Семёновна. Она

потребовала от него отдать монеты, и о никакой дипломной работе говорить не пожелала. Костя сообщил, что монеты у меня. Где-то пару дней Юлия Семёновна ходила вокруг меня, как кот вокруг горячей каши, а затем выпалила: *«Володя, отдайте монеты. Вы собирали их под флагом нашей экспедиции. Если не отдадите, я откажусь от руководства Вами»*. На что я вполне обоснованно заметил, что никаким флагом мы не пользовались, и попытался вернуть разговор к теме Костиной дипломной работы. Но всё было безрезультатно. Мне по большому счёту клад был не к чему, заниматься античной нумизматикой не было ни времени, ни желания. Поэтому я принёс чистый носок, в который ссыпал монеты, и передал его с содержимым Юлии Семёновне. В заключение она заявила, что больше не возьмёт меня в экспедицию. На что я ответил, что и сам не поеду. Копать я научился ещё студентом, а больше никаких навыков от пребывания в экспедиции не приобрёл. Естественно, что отношения между нами после этого конфликта были, прямо скажем, прохладные, но, к чести Юлии Семёновны, сводить счёты со строптивым аспирантом она не стала.

Через год Ю.С. Крушкол на одной из конференций выступила с докладом о находке клада, но прошло ещё почти полтора десятилетия, прежде чем, уже после её смерти, краткое описание 93 монет клада появилось в одном из выпусков журнала «Вестник Древней истории»¹. Сами монеты поступили в фонды Анапского музея. В статье кратко отмечены факты, связанные с обнаружением клада местными жителями Сукко, но о том, как он попал в руки Юлии Семёновны, нет ни слова. В дальнейшем клад неоднократно упоминался в работах, посвящённых денежному обращению на Боспоре. Практически он был полностью переиздан в «Корпусе Боспорских кладов античных монет»². Правда, за прошедшие со времени первой публикации десятилетия клад сильно «усох», авто-

¹ Крушкол Ю.С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из поселения Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. – № 4. – С. 61-63.

² Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус Боспорских кладов античных монет. Симферополь–Керчь, 2007: С. 629-633.

ры «Корпуса» обнаружили в Анапском музее всего около 80 монет.

Монеты клада датируются концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. и прекрасно иллюстрируют как внешне-политические, так и внутривнутриполитические события, происходившие на Боспоре в этот промежуток времени. Однако, чтобы разобраться в них, нам необходимо отступить на столетие назад.

В конце II в. до н.э. на Ближнем Востоке происходит быстрое усиление Понтийского царства, во главе которого стоял молодой, амбициозный правитель Митридат VI Евпатор (рис. 1,1-2). Он не только расширил свои владения в Малой Азии, но и включил в состав своей державы государства, расположенные в Северном Причерноморье (в первую очередь Херсонес Таврический и Боспорское царство), и поставил под контроль греческие полисы, расположенные в Колхиде.

Главной целью Митридата стало стремление задержать продвижение Рима на Восток. В 80–60-е гг. до н.э. он ведёт три войны с Римом. В ходе последней войны, потерпев поражение от Гнея Помпея, он с остатками войска через Колхиду отступает на Боспор. Митридат не собирался складывать оружие, хотя ресурсов для продолжения войны у него оставалось немного. Тем более что его популярность среди местного греческого населения резко упала. Оно страдало от сбора налогов и рекрутских наборов, проводимых Митридатом в регионе. Этим и воспользовались римляне.

Их агенты сумели организовать восстание в столице Боспорского царства, Пантикапее. Восставшие окружили дворец, где находился Митридат. Окончательно его подкосило сообщение, что возглавил восстание его любимый сын Фарнак. Он не желал попасть в плен и, как многие другие правители, побеждённые римлянами, пройти в триумфальном шествии в золотых цепях по улицам Рима. Поэтому Митридат принял яд, но тот не подействовал, так как на протяжении десятилетий, боясь покушений, он принимал противоядие. Тогда Митридат попросил одного из своих телохранителей заколоть

1. Митридат Евпатор в образе Геракла (римская копия I в. н.э.)

2. Тетрадрахма Митридата Евпатора

3. Статер Фарнака

4. Статер Асандра

5. Бронзовый бюст Динамии (Эрмитаж)

Рис. 1. Правители Боспора

его мечом³. Тот выполнил желание повелителя. Фарнак же приказал забальзамировать труп отца и отправил его в Помпею. В награду за предательство он был признан Римом в качестве царя Боспора.

На протяжении полутора десятилетий Фарнак (рис. 1,3) был лоялен по отношению к Риму. Но, когда там началась борьба за власть между Цезарем и Помпеем, он решил воспользоваться удобным моментом и возвратить бывшие отцовские владения. С этой целью он появился на территории Понтийского царства и первое время довольно успешно громил находившиеся здесь немногочисленные отряды римлян и их союзников. Цезарь, который в это время находился в Александрии, оценив сложившуюся ситуацию, с двумя легионами совершил марш-бросок и в битве при Зале разгромил Фарнака. Именно после этой победы он отправил в Рим самое короткое донесение: *«Пришёл, увидел, победил»*.

Фарнак бежал с остатками войска через Синопу в Крым. Но за время его отсутствия один из военачальников Асандр захватил в Пантикапее власть. Когда Фарнак высадился в Феодосии с немногочисленным отрядом и двинулся к Пантикапее, его уже ждали. В состоявшемся сражении он был убит. Затем Асандр одержал победу над Митридатом Пергамским, назначенным Цезарем царем Боспора. С 49-48 гг. до н.э. он чеканил свои золотые монеты с титулом «архонт». Кроме того, Асандр (рис. 1,4) женился на Динамии (рис. 1,5), дочери Фарнака, узаконив тем самым свои права на боспорский трон, и после смерти Цезаря принял царский титул. Асандру удалось в ходе вновь начавшейся гражданской войны удачно лавировать между борющимися сторонами. В результате Октавиан-Август подтвердил его царский титул.

³ В 1820 г. А.С. Пушкин совершил путешествие по Крыму. Ещё через десять лет в «Евгении Онегине» он вспоминает о знакомстве с Тавридой:

«Воображенью край священный:

С Атридом спорил там Пилад,

Там закололся Митридат...»

Как видим, Александр Сергеевич был не совсем точен: «не закололся», а был заколот.

Несмотря на то, что Асандр признал верховную власть Рима, влияние последнего на Боспор было еще не слишком заметным. Боспор сохранял все внешние черты самостоятельности, оставаясь, в большей степени, союзным с Римом эллинистическим царством. Видимо при Динамии (после смерти Асандра в 21-20 гг. до н.э.), также получившей от Августа царский титул и право чеканки золотых статеров со своим портретом на аверсе, римское влияние заметно усиливается. Большинство историков считает, что именно по распоряжению Динамии два самых крупных боспорских города были переименованы в честь её благодетелей Августа и его ближайшего сподвижника Агриппы: Пантикапей стал Кесарией, а Фанагория – Агриппией.

Однако единоличное правление Динамии продолжалось недолго. В Пантикапее вскоре власть захватил некий Скрибоний, объявивший себя внуком Митридата Евпатора. Свои права на боспорский трон он подкрепил, как и его предшественник, женитьбой на Динамией.

Римляне не собирались мириться с ситуацией, сложившейся на Боспоре. Агриппа, находившийся в то время в Малой Азии, поручил «другу и союзнику Римского народа» царю Понта Полемону I навести на Боспоре порядок. Боспорцы, убившие Скрибония еще до появления Полемона, пытались оказать и ему сопротивление, но, узнав, что Агриппа достиг Синопы и намеревается идти на них походом, сдались Полемону I. Он по уже сложившейся традиции первым делом женился на престарелой царице Динамии.

Кратковременный период правления Полемона I (с 14 по 8 г. до н.э.) был временем наибольшей активности римлян в Северном Причерноморье. Как раз к этому периоду и относятся две серии самых ранних монет клада из Сукко. Это шесть экземпляров, на лицевой стороне которых имеется изображение головы Афродиты Урании в калафе. На оборотной стороне пяти монет – жезл и надпись ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ (рис. 2,1), а на одной монете – изображение носа корабля и надпись ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ (рис. 2,2). Около 8 г. до н.э. Полемон I начал боевые действия против меотских племен, вступив в область племени

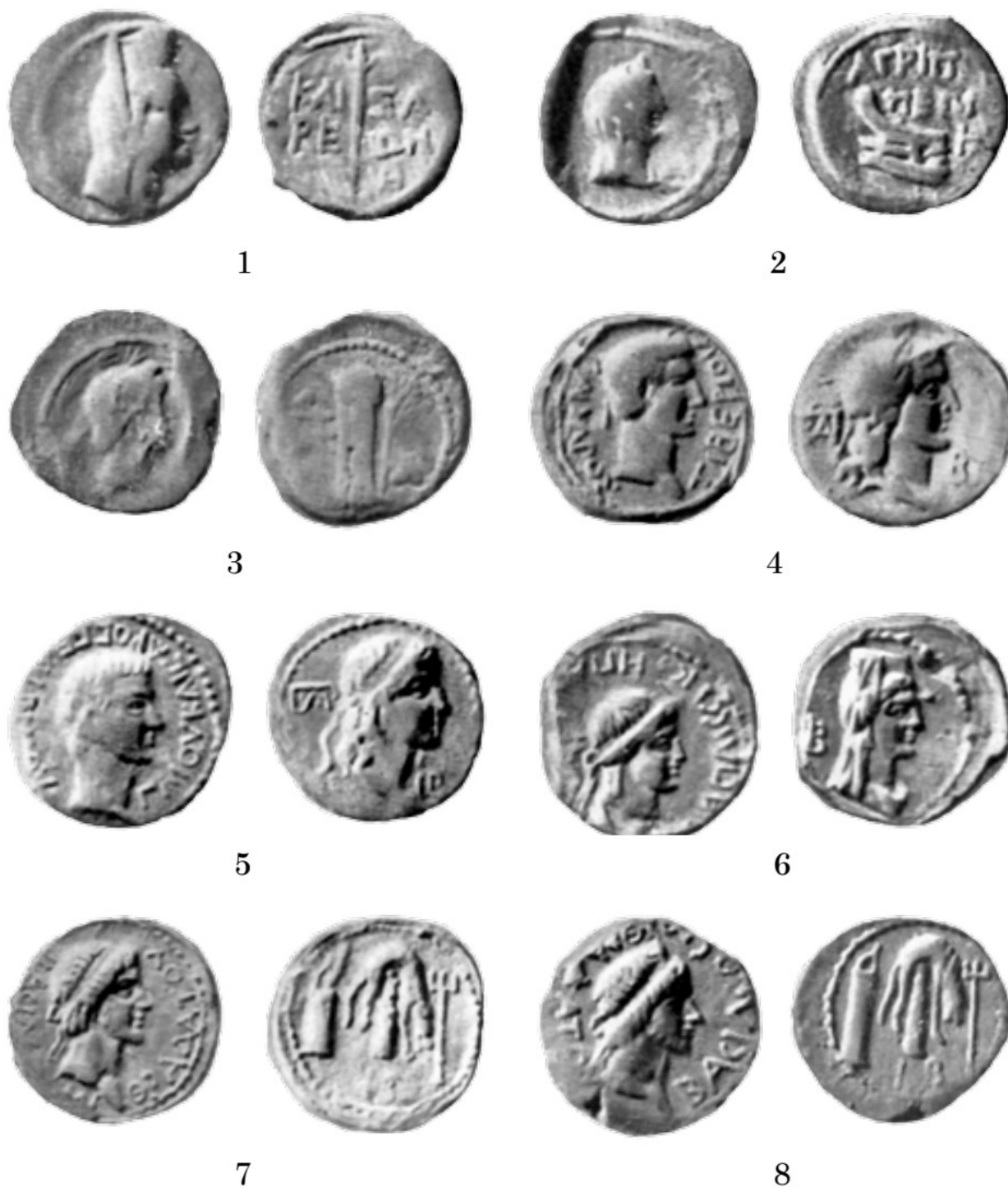

Рис. 2. Монеты клада из Сукко.

1) Кесария (Пантикапей), 14–8 гг. до н.э.; 2) Агриппия (Фанагория), 14–8 гг. до н.э.; 3) Неизвестный правитель (монограмма ВАЕ), конец 1 в. до н.э.; 4) Боспор. Аспург, 14–37 гг. н.э.; 5) Боспор. Аспург, 37 г. н.э.; 6) Боспор. Царица Гепеирия, 37–38 гг. н.э.; 7–8) Боспор. Царь Митридат III (VIII), 39–45 гг. до н.э. (Крушкол, 1978: вклейка к странице 61)

аспургиан, занимавшего часть Таманского полуострова, он попал в засаду и погиб.

После смерти Полемона на Боспоре на рубеже нашей эры происходит династическая борьба, о которой нам мало что известно. К этому времени относится одна монета из клада, на лицевой стороне которой имеется изображение головы Аполлона в венке, на оборотной – треножник и монограмма ΒΑΕ, принадлежащая неизвестному правителю Боспора (рис. 2,3).

В 15 г. с согласия Рима царём был провозглашён сын Динамии Аспург. Незадолго до этого он побывал в Риме, где не только получил статус «друга и союзника Римского народа», но и был официально усыновлён императором и с этого времени именовался Тиберий Юлий Аспург. Соответствуют такому статусу и две серии монет клада из Сукко, выпущенные при Аспурге. На них на аверсе помещены изображения римских императоров с соответствующими надписями: на 13 экземплярах, выпущенных при Тиберии, ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΤΙΒΕΡΙΟΥ (рис. 2,4); на 15 экземплярах, отчеканенных при Калигуле, ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ (рис. 2,5). На оборотной стороне обеих серий монет изображение Аспурга в царской повязке при отсутствии его имени и титулатуры.

Аспург оказался не только тонким политиком и дипломатом, но и хорошим военачальником. При поддержке Рима ему удалось подчинить большинство варварских народов, проживавших в Крыму и Приазовье.

После его смерти в 37 г. единовластной правительницей Боспора стала его жена Гепеирия. В составе клада из Сукко представлены две монеты, выпущенные за год её правления. По типу они резко отличаются от монет, отчеканенных при Аспурге. На лицевой стороне изображен бюст Гепеирии с царской повязкой на голове с надписью ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΠΥΡΕΩΣ. На оборотной стороне монет – голова Афродиты Урании (рис. 2,6). Какие-либо упоминания об императоре Каллигуле, при котором выпускалась эта серия монет, отсутствуют.

Аналогичными по типу являются и монеты сына Гепеирии Митридата III, правившего Боспором шесть лет до

45 г. Они составляют самую многочисленную группу в кладе из Сукко – две трети. На аверсе монет изображён бюст Митридата с диадемой на голове и надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ. На реверсе монет изображения палицы Геракла с наброшенной на неё львиной шкурой, трезубца и лука в горите (рис. 2,7-8).

Эти две последние серии монет клада из Сукко явно свидетельствуют о попытке правителей Боспора в какой-то степени восстановить суверенитет государства. Этот шаг был в значительной степени спровоцирован самим Римом. После смерти Асандра Калигула решил передать управление Боспором Понтийскому царю Полемону II. И, хотя эта попытка не удалась, и Калигула был вынужден подтвердить царский титул Митридата III, но трещина в отношениях с Боспором появилась.

В результате, когда брат Митридата III Котис заявил свои претензии на Боспорский престол, то Рим оказал ему не только дипломатическую, но и военную поддержку. В ходе разразившейся междоусобной войны Митридат III был вынужден оставить Пантикапей и закрепиться на азиатской стороне Боспора. Именно здесь, где-то на территории Синдики, он был окончательно разгромлен, бежал к царю аорсов Эвнону, к которому обратился с просьбой о содействии в примирении с римлянами. Эвнон же выдал им Митридата, и тот был отправлен в Рим.

Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что тазаврация клада из Сукко была осуществлена в ходе римско-боспорской войны. Тем более что основные её события проходили как раз на той территории, где клад был спрятан.

Следовательно, и на сей раз я оказался в нужном месте и в нужное время. В противном случае большая часть собранных нами монет клада была бы утеряна, либо разошлась по коллекционерам, а в руки специалистов-нумизматов попали бы крохи. Мы же поработали неплохо. В подтверждение сказанному остается добавить, что через несколько лет Сукко посетил местный краевед А. Салов, которому удалось получить всего две монеты, явно относящиеся к этому кладу.

Правда, в середине 1970-х гг. произошло новое его пополнение. Мой дипломник, заядлый нумизмат, собирался провести отпуск в окрестностях Анапы в селе Су-Псех. А так как само село расположено всего в нескольких километрах от Сукко, я посоветовал ему туда наведаться и попытаться выяснить, не имеются ли у его жителей в загашнике древние монеты. В результате ему удалось выкупить четыре монеты и доставить их в Саратов: монету Кесарии, Аспурга, отчеканенную при Тиберии, Гепеирии и Митридата III. Все монеты явно относятся к кладу 1963 года, о чём свидетельствует их прекрасная сохранность и наличие аналогичных монет, среди тех, которые были собраны нами.

А теперь настало время заметок на полях, посвящённых аспирантским и постаспирантским годам. Это был период становления меня как специалиста в области керамической эпиграфики. Мне удалось познакомиться с банком данных о керамических клеймах, обнаруженных к тому времени в Северном Причерноморье. В ходе обработки крупной коллекции оттисков, хранившихся в фондах Херсонесского музея-заповедника, удалось овладеть методами первичной фиксации клейменого материала. Наконец, началась проверка на практике существовавших в то время методик анализа распределения во времени и пространстве керамических клейм.

Несомненно, огромную помощь в выполнении этих задач оказали продолжавшиеся все аспирантские годы тесные контакты с профессором МГУ Б.Н. Граковым.

Борис Николаевич – личность поистине легендарная. Его феномен как учёного заключается в двуедином характере его научной деятельности. На протяжении первых трёх десятилетий, после окончания им классического отделения историко-филологического факультета МГУ, главным объектом его исследований были керамические клейма эпохи классики и эллинизма. В дальнейшем произошёл коренной поворот в тематике разрабатываемых Б.Н. Граковым проблем. Он занялся анализом памятников раннего железного века юга восточной Европы.

Рис. 3. Б.Н. Граков

Работа, проделанная Б.Н. Граковым по этим двум направлениям, оказалась настолько успешной, что уже в советский период специалисты стали считать его основателем двух российских научных школ: современной керамической эпиграфики и скифо-сарматской археологии.

Высокую оценку работам Б.Н. Гракова дали и его зарубежные коллеги. В 2010 году в Афинах мне довелось принять участие в работе симпозиума, посвящённого греческим амфорным клеймам. Во вступи-

тельном докладе один из организаторов конференции назвал двух учёных, работы которых стали фундаментом современной керамической эпиграфики: американку Вирджинию Грейс и Бориса Николаевича Гракова. При этом показательно, что первая из них оставила более сотни монографий и статей, посвящённых клейменому материалу, в то время как практически всем западным специалистам были известны всего две самые ранние работы Б.Н. Гракова по этой тематике⁴. Но именно эти работы, появившиеся ещё в 20-е годы XX в. стали определяющими при формировании основ современной керамической эпиграфики.

Обе они посвящены анализу двух крупных групп клейм, представленных в Северном Причерноморье, происхождение которых до того не было определено надёжно. В обширной статье рассматривались энглифические (вдавленные) оттиски на горлах амфор, а в появившейся через три года монографии – одна из серий астиномных клейм. Вполне аргументировано была проведена локализация этих оттисков: энглифические были отнесены Б.Н. Граковым к Геракле Понтийской, астиномные – к Синопе.

⁴ Граков Б.Н. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остро донных амфор // Тр. ГИМ. Т. 1. 1926. – С. 165-206; Граков Б.Н. Древнегреческие клейма с именами астиномов. – М.: РАНИОН, 1929. – 223 с.

Вместе с тем куда более значимой для дальнейшего развития керамической эпиграфики оказалась одна из глав монографии, посвящённая детальному анализу тех методов, которые необходимо применять при разработке хронологии клейм. При этом Б.Н. Граков на практике показал возможности этих методов, разделил гераклеийские и синопские клейма по нескольким последовательным хронологическим группам. В результате предложенная им методика применяется вплоть до настоящего времени. А получаемые узкие датировки позволяют использовать керамические клейма в качестве надёжного материала для определения времени бытования тех комплексов, в составе которых они зафиксированы.

Незадолго до начала войны Б.Н. Граков защитил докторскую диссертацию. В ней практически впервые была реализована возможность использования клейменной керамической тары в качестве надёжного источника для выяснения характерных черт античного керамического производства и внешней торговли.

Наконец, в 1943 г. по инициативе Б.Н. Гракова Учёный совет Института археологии принял решение финансировать работу по завершению и изданию Свода керамических клейм Северного Причерноморья. Идея его создания появилась ещё в конце XIX в. Он должен был стать III томом Корпуса греческих надписей Северного Причерноморья (IOSPE III), работа над составлением которого была поручена крупнейшему специалисту в области греческой эпиграфики В.В. Латышеву.

Василий Васильевич довольно быстро завершил работу над составлением и подготовкой к печати первых двух томов Корпуса, содержащих лапидарные памятники. Однако у него явно душа не лежала к клеймам, этим малоинформативным, с его точки зрения, письменным документам, поэтому он рекомендовал привлечь к составлению III тома молодого приват-доцента Е.М. Придика. Тот с восторгом принял предложение, тем более что оно неплохо оплачивалось, и обещал завершить работу через несколько лет.

Тем не менее Е.М. Придик переоценил свои возможности, он явно не учёл объём материала, который необходимо было

собрать. В результате для завершения работы ему не хватило не только нескольких лет, но и всей оставшейся жизни. Незадолго до смерти он передал в архив Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) обширную картотеку, включающую несколько десятков тысяч клейм. Для завершения работы над Сводом Б.Н. Гракову необходимо было сверить материалы картотеки, пополнить её неучтёнными Евгением Мартыновичем клеймами и подготовить к печати. Эта работа заняла у него более десятилетия.

Мне уже приходилось отмечать впечатляющие масштабы проведённой Борисом Николаевичем работы⁵. Основанием для этого заявления послужило знакомство с черновой рукописью Свода, хранящейся в архиве Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета. О том, как она оказалась в Саратове, поговорим попозже. Сейчас же отметим, что при доведении Свода «до ума» Б.Н. Гракову пришлось оформить более 10 000 карточек, в каждой из которых содержалась полная информация о клеймах, выполненных одним штампом (рис. 4). В результате в Свод было включено более 30 тысяч амфорных и черепичных оттисков, сгруппированных с учётом происхождения по разделам. Следует учитывать тот факт, что работа проводилась, как сейчас модно говорить, «на коленке». Даже обширное введение и вводные очерки перед каждым из разделов написаны от руки. Однако показательно, что в последующие десятилетия, несмотря на то что с появлением компьютеров существенно облегчилась работа по первичной обработке клейм и составлению списков оттисков, IOSPE III по охвату территории и объёму включённого в Свод материала остаётся уникальным.

К сожалению, ни докторская диссертация Б.Н. Гракова, ни IOSPE III не появились в печати. Но их рукописи были хорошо известны российским специалистам, успешно продолжавшим работу по обозначенным Борисом Николаеви-

⁵ Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ – Вып. XVIII. – Симферополь–Керчь, 2007. С. 89-91.

Рис. 4. Страница черновика IOSPE III

чем направлениям в изучении керамических клейм. Период 50–80-х гг. прошлого века может заслуженно считаться «золотым веком» советской керамической эпиграфики.

Впервые с Борисом Николаевичем я встретился ещё в студенческие годы. При сборе материала к дипломной работе возникла необходимость познакомиться с отчётами об археологических исследованиях Херсонеса, проводившихся здесь К.К. Косцюшко-Валюжиничем на протяжении двух десятилетий в конце XIX – начале XX вв. Отчёты находились в архиве ЛОИА, куда я и отправился. Мне повезло. Карл Каземирович был одним из немногих современных ему корифеев античной археологии, который скрупулёзно собирал обнаруженные в ходе раскопок керамические клейма. Так что поездка оказалась вполне успешной.

Естественно, что в ходе работы над клеймами, у меня возникли определённые затруднения, поэтому я решил на обратном пути получить консультацию у Б.Н. Гракова. Отловил его в старом здании истфака МГУ на Моховой у двери Музея Археологии, где Борис Николаевич проводил занятия. Прогуливаясь по коридору, он выслушал мою исповедь, а затем повёл в музейную аудиторию. Здесь в конце обширного зала шкафами был отгорожен уютный закуток с двумя рабочими столами. Открыв один из шкафов, на полках которого стояло десятка два объёмных папок, он произнёс: *«Сюда надо было ехать, а не в Ленинград»*. Так я впервые увидел ставший уже в то время легендарным Свод керамических клейм. Но времени у меня не оставалось, и я только облизнулся. Хотя в дальнейшем понял, что, если бы последовал совету Бориса Николаевича, то при отсутствии в то время у меня достаточных навыков работы с клеймами, просто утонул бы в материале.

Следующая встреча с Борисом Николаевичем состоялась через три с лишним года. Теперь я явился к нему в статусе аспиранта с просьбой разрешить работу со Сводом. О предстоящей встрече я не стал напоминать. Граков же, конечно, о ней просто забыл. Он явно колебался, но всё же дал согласие. В дальнейшем я понял причину такого холодного

приёма. Она была в моём руководителе. Борис Николаевич не слишком высоко оценивал работы Юлии Семёновны в области керамической эпиграфики и соответственно с определённым подозрением отнёсся к её аспиранту. Такие довольно натянутые отношения продолжались пару недель, но в дальнейшем мы как-то разговорились, Борис Николаевич узнал, что я из Саратова, что учился у Ивана Васильевича Синицына, старого его приятеля. Вспомнил, как со студентами работал в фондах Краеведческого музея и проживал в студенческом общежитии, где их донимали клопы. И отношения у нас наладились.

Интересно было наблюдать за графиком работы Гракова. Обычно у него было два присутственных дня в неделю. Являлся он поутру и проводил два-три занятия. Сидя за шкафами и работая со Сводом, мне удалось прослушать лекционные курсы по «Скифам» и «Железному веку», появившиеся в печати значительно позже.

Самое интересное начиналось после завершения лекций. Появлялись посетители. В основном это были аспиранты и молодые преподаватели, которые приносили на сверку осуществлённые ими переводы античных текстов, необходимых им для работы. Иногда, отпустив посетителя, Борис Николаевич с определённой долей хвастовства сообщал: *«три слова не знал»*. Учитывая то, что было сверено две-три страницы текста, это заявление впечатляло.

После окончания занятий начинали появляться студенты. И это были не только дипломники Бориса Николаевича, но зачастую и студенты с других кафедр. Начинались популярные у студентов-историков *«граковские посиделки»*, напоминающие чем-то экспедиционные вечерние встречи у костра. Несомненно, Граков скучал об экспедициях. Иногда зимой он мечтательно заявлял: *«Вот наступит лето, и отправимся мы с тобой копать Бельское городище»*. Это крупнейшее скифское поселение, где в те годы начал работы Б.А. Шрамко, особенно интересовало Бориса Николаевича.

Кроме того, он привлёк меня к работе над Сводом на завершающей стадии его оформления перед сдачей в архив

Института археологии. Когда работа была закончена, он посмотрел на гору папок с черновиками и задумчиво произнёс: «а жалко ведь выбрасывать». Я не смог допустить такого святотатства, на следующий день принёс объёмистый рюкзак и переправил все черновики в Саратов, где они находятся и в настоящее время.

Как всякий уважающий себя аспирант, я не представил в отведённый срок диссертацию. Но перед отъездом из Москвы договорился с Борисом Николаевичем, что он будет моим оппонентом на защите. Два года после окончания аспирантуры я проработал в Пединституте г. Борисоглебск, находящегося на полпути между Воронежем и Саратовом. Здесь закрывалось историческое отделение, и необходимо было довести до диплома два последних курса. А так как приходилось читать лекции и проводить семинарские занятия, в основном по новой и новейшей истории, то много времени отнимала подготовка к ним, а работал над диссертацией я только урывками. Поэтому завершил её уже в Саратове, вернувшись благодаря содействию Э.К. Путныня на родную кафедру, где и проработал более четырёх десятилетий вплоть до выхода на пенсию.

Как это часто случалось и ранее с важными переменами в моей жизни, не обошлось без досадных накладок и при организации защиты диссертации. Когда она была готова, отправился в Москву. Все предварительные процедуры прошли как по маслу. Работа была принята к защите Диссертационным Советом Московского областного Пединститута, и даже напечатан автореферат. Позвонил Борису Николаевичу, сообщив, что привёз работу. В ответ последовал вопрос: *«сколько там у тебя?»* Сказал, что три сотни страниц, скромно умолчав, что ещё две сотни составляет приложение. В ответ услышал: *«сам её и читай, привози автореферат»*.

Через пару дней дожидаясь Бориса Николаевича в Музее Археологии, где у него должна была, как обычно, состояться лекция. Перед её началом он передал мне несколько написанных от руки страниц – отзыв на диссертацию. Пока шли занятия, я ознакомился с его содержанием. Форма стандарт-

*Педагогическая практика. Обсуждение плана урока
(справа студент 5 курса В. Вдовин). Истфак, СГУ. 1975 год*

Подведение итогов педагогической практики. Истфак, СГУ. 1975 год

ная. Вначале несколько абзацев за здравие, а затем критические замечания. В основном они были правомерны, но одно вызвало недоумение.

В автореферате была дана оригинальная трактовка одного из пунктов закона о виноторговле, принятого на острове Фасос, а в ссылке указан номер документа по Своду надписей, обнаруженных в Греции. Не знаю, по какой причине, но Борис Николаевич перепутал Своды и решил, что эта надпись происходит из Причерноморья, снял с полки Корпус Латышева и обнаружил под указанным номером документ, совершенно другого содержания. В результате, вежливо отметив, что диссертант, конечно, имеет право на собственную трактовку, но в данном случае он глубоко заблуждается, оппонент дал блестящий анализ Причерноморского документа.

«Да, явно не то», – произнёс Борис Николаевич, почесав затылок. *«Слушай, печатай как есть. Жалко полторы страницы, а там всё равно никто ни хрена не смыслит».* Он имел в виду уважаемых членов Учёного Совета. И он знал, о чём говорил. На протяжении десятилетий сам был постоянным членом двух Диссертационных советов: Института Археологии и истфака МГУ.

Действительно существовавшая тогда и сохранившаяся почти без изменений практика присуждения научных степеней крайне архаична. По положению она должна быть результатом предварительной защиты. Мне приходилось участвовать в этой церемонии как в качестве оппонента, так и простого слушателя. И ни в одном случае проходившая *«защита»* не соответствовала её названию, так как на диссертанта никто не нападал.

Лояльных оппонентов обычно подбирал руководитель диссертанта. В целях создания видимости дискуссии он же советовал последнему раздать удобные для него вопросы группе поддержки. В результате всё шло по накатанной колее и заканчивалось успешно. Правда, иногда, но крайне редко, происходили сбои, и диссертант не получал необходимого количества положительных голосов членов Совета. Однако

лишь в единичных случаях причиной было низкое качество работы, чаще отрицательная оценка была результатом каких-либо подковёрных игр.

Пожалуй, наиболее резонансным примером по разделу керамической эпиграфики стала защита докторской диссертации несомненного лидера в изучении керамических клейм после смерти Б.Н. Гракова И.Б. Брашинского (рис. 5).

Он решил с учётом вновь появившегося клейменого материала и разработок в области локализации и хронологии отдельных групп оттисков продолжить начатый Б.Н. Граковым анализ распределения клейм во времени и пространстве теперь уже на территории всего Причерноморья. Результаты проделанной работы были оформлены И.Б. Брашинским в виде докторской диссертации. Но при предварительном обсуждении на секторе Античной археологии ИА было высказано большое число критических замечаний. В основном они сводились к тому, что характеризуя причерноморскую внешнюю торговлю, автор основной упор делает на анализ амфорного материала и, в первую очередь, клейм. По мнению оппонентов, в диссертации практически ничего не говорится об импорте других видов керамики, стеклянных изделий, бус и даже дерева. И.Б. Брашинский пытался объяснить, что в отличие от всех перечисленных товаров в настоящее время только статистический анализ распределения именно клейменных амфор, в которых поставлялись на рынки вино и оливковое масло, позволяет выяснить такие стороны внешней торговли, как объём и динамику импорта. Но эти заявления оказались *«гласом вопиющего в пустыне»*, диссертацию без доработки не рекомендовали к защите.

Если бы главной целью И.Б. Брашинского было получение искомой докторской степени, то, безусловно, он вставил бы несколько абзацев о «бусах и дереве» с общими фразами и ссылками на труды оппонентов. Но Иосиф Беняминович, обладавший достаточно жёстким и независимым характером, поступил иначе. Он положил практически готовую рукопись в стол, и не в фигуральном, а в прямом смысле. После смерти Брашинского А.Н. Щеглов попросил меня разобрать бума-

ги, хранившиеся в ящиках его стола, в одном из них и была обнаружена рукопись первого варианта диссертации и передана в архив ИИМК.

Сам же И.Б. Брашинский занялся написанием практически новой диссертационной работы, названной им «Методы исследования античной торговли». Труд должен был стать не только развёрнутым ответом на критику, прозвучавшую при обсуждении первого варианта диссертации, но и методической основой для дальнейшей работы по анализу клейменого материала.

На сей раз диссертация была рекомендована к защите, которая состоялась в Институте археологии в Москве в конце февраля 1982 г.

Заседание Учёного Совета шло согласно отработанному уже на протяжении десятилетий регламенту. Оппоненты, высказав ряд критических замечаний, высоко оценили представленную к защите работу, особо отметив её новаторский характер. Среди десятка присланных со стороны отзывов лишь один был отрицательный. В период обсуждения работы выступавших против вообще не было. Ничто не предвещало драматического завершения защиты. И тем более удивились присутствующие, когда были оглашены результаты голосования. Диссертация была отклонена. Говорят, что некоторые возмущённые итогами голосования члены Совета, в знак протеста подали заявления о выходе из его состава.

Причины такого неожиданного не только для Иосифа Бенъяминовича, но и для большинства специалистов в области античной археологии результата долгое время оставались непонятны. Лишь через четверть века после злополучной защиты правдоподобную оценку произошедшему дал Эдуард Давидович Фролов, один из оппонентов Брашинского.

Рис. 5. И.Б. Брашинский

Его, да и большинство присутствовавших, поразили озвученные итоги тайного голосования: ни один из членов Совета не проголосовал против, в то время как более трети воздержались. В результате чего диссертация не набрала положенных 2/3 голосов. Никаких публичных разъяснений не последовало. Только, когда И.С. Свенцицкая (второй оппонент) напрямую спросила у учёного секретаря, как могло случиться, что при единодушном одобрении оппонентов и отсутствии выступавших «против» диссертант не смог набрать нужного количества голосов – ей ответили, что члены Совета имели право прислушаться к тому письменному отрицательному отзыву, который был озвучен.

Как полагает Фролов, этот присланный с Украины короткий, небрежно составленный отзыв, в котором ставилась под сомнение научная значимость работы, не мог оказать существенного влияния на решение членов Совета. Кроме того, некоторые из них понимали, что его наличие не имеет никакого отношения к научным спорам, а являлся банальным сведением счётов.

По мнению Фролова, сам сценарий, предусматривающий провал диссертации, был подготовлен самим руководством Института, а режиссёром являлся его директор всемогущий в ту пору академик Б.А. Рыбаков, который по каким-то личным мотивам не жаловал И.Б. Брашинского. Кстати, антагонизм был взаимный.

Перипетии защиты Брашинского стали ярким примером несовершенства существовавшей системы присуждения научных степеней, когда, зачастую, учитывалась не столько научная ценность проделанной соискателем работы, сколько наличие или отсутствие у него административной поддержки.

Иосиф Бенъяминович перенёс удар внешне спокойно, но травма, нанесённая неудачной защитой, несомненно имела место. По возвращению в Ленинград он перенёс инфаркт. Вскоре он скоропостижно скончался. К чести его друзей и, в первую очередь, А.Н. Щеглова следует отметить, что проваленная диссертация их стараниями была опубликована

А.Н. Щеглов

А.И. Немировский

отдельной монографией⁶. Она стала достойным памятником этому незаурядному учёному.

Моя защита не была столь драматичной, но без приключений не обошлось. Для того, чтобы она состоялась, в состав Учёного Совета необходимо было ввести узкого специалиста. Была и удачная кандидатура – Ираида Борисовна Зеест, защитившая незадолго до этого докторскую диссертацию по керамической таре Боспора. Однако по так и оставшейся для меня непонятной причине, ВАК не утвердил это ходатайство. Пришлось воспользоваться другим вариантом.

За годы работы в Борисоглебске у меня сложились хорошие отношения с заведующим кафедрой «Истории древнего мира и средних веков» Воронежского университета А.И. Немировским. В один из летних сезонов он даже доверил мне руководство археологической практикой группы воронежских студентов в Западном Крыму на раскопках скифского укрепления Тарпанчи.

Вообще Александр Иосифович был одним из самых оригинальных людей, с которыми мне приходилось общаться. В научных кругах он был хорошо известен своими капитальными работами по истории раннего Рима. Любители поэзии высоко оценили его поэтические сборники. Но особой популярностью пользовались его художественные произведения на темы древней истории. По данным

⁶ Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (На прим. Сев. Причерноморья). – Л.: Наука, 1984. – 248 с.

всё знающего Интернета на начало нашего столетия было издано более шести миллионов экземпляров его книг.

Я позвонил в Воронеж и сообщил о своих злоключениях. В ответ последовало предложение организовать защиту в Воронежском университете. Прошла она стандартно, хотя и не принесла полного удовлетворения, тем более что на защиту не смог приехать Б.Н. Граков. Однако полагаю, что его отзыв оказал положительное влияние на утверждение решения Учёного Совета в ВАКе.

Итак, закончился мой период ученичества и вхождения в профессию. Следующие десятилетия прошли однотипно: аудиторные занятия сменялись ежегодно проводимой археологической практикой. Вот здесь-то мне игодились те навыки, которые я приобрёл ещё в Сибири в ходе походов со школьниками.

Выступление на конференции. Истфак, СГУ. 1974 год

Сюжет 3. Тарханкутская экспедиция

Во время моей преподавательской деятельности на кафедре истории Древнего мира Саратовского университета более четверти века мне пришлось руководить археологической практикой студентов 1-го курса. Преимущественно она проходила в Северо-Западном Крыму, на Тарханкутском полуострове в составе экспедиции Ленинградского отделения Института археологии, которой руководил А.Н. Щеглов (рис. 5).

С Александром Николаевичем, являющимся в то время сотрудником Херсонесского музея, я познакомился в середине 60-х гг., когда занимался обработкой клейменого материала фондов музея. С самого начала знакомства у нас сложились тёплые, дружеские отношения, сохранившиеся на протяжении четырёх десятилетий.

Несмотря на то, что Щеглов пришёл в археологию в довольно раннем возрасте, его путь в науке не был прямым и простым. После окончания 7-летней школы в г. Херсоне в связи с тяжелым материальным положением семьи он вынужден был начать зарабатывать на жизнь и продолжить образование в вечерней школе. И здесь Его Величество Случай привёл его в Буго-Днепровскую археологическую экспедицию, где он проработал два полевых сезона. Затем была служба в армии, после которой он, переехав в Крым, несколько лет работал в составе Тавро-скифской экспедиции вначале простым рабочим, а затем лаборантом. Именно руководителя экспедиции, Павла Николаевича Шульца, Щеглов считал своим учителем. По рекомендации Шульца Александр Николаевич, хотя он в то время не имел высшего образования, в начале 1958 г. стал научным сотрудником Херсонесского историко-археологического заповедника. А через два года, после поступления на заочное отделение исторического факультета Харьковского университета, был назначен заведующим Отделом раскопок Херсонесского музея.

С самого начала работы в Херсонесе А.Н. Щеглов создал Тарханкутскую экспедицию, задачей которой стало исследование античных памятников Северо-западной оконечности

Крыма – Тарханкутского полуострова. Как мне рассказывал А.Н. Щеглов, заняться археологическими исследованиями именно в этом регионе посоветовал ему как раз П.Н. Шульц, который не ограничился только советом. По его инициативе была совершена на машине экскурсия по Тарханкуту, в ходе которой Павел Николаевич познакомил Щеглова с теми археологическими объектами, которые были зафиксированы им в ходе разведок, проведённых ещё в довоенные годы. Систематические археологические раскопки в этом регионе практически не проводились, и к началу 60-х гг. он оставался наименее изученным районом Крыма.

Между тем согласно данным знаменитой присяги херсонеситов, в конце IV в. до н.э. в состав их государства входил некий город Калос Лимен и некоторые другие укрепления. Развалины Калос Лимена ещё в середине XIX в. были локализованы в районе Ак-мечетской бухты (совр. посёлок Черноморское). Здесь в послевоенные годы проводила небольшие раскопки совместная советско-польская экспедиция. Однако на момент начала работы Тарханкутской экспедиции не было известно, где находятся те крепости, которые отмечены в присяге, какие территории в этом районе контролировал Херсонес, какие отношения складывались у греков с местным варварским населением. Исследования Тарханкутской экспедиции должны были дать ответы хотя бы на часть этих вопросов.

Первое десятилетие работы экспедиции было посвящено разведкам и относительно небольшим раскопкам на отдельных памятниках района. С одной стороны, это объяснялось ограниченным бюджетом экспедиции, но с другой – твёрдым убеждением Щеглова, что выбрать достойный для широко-масштабных исследований объект удастся лишь после того, как будет составлена наиболее полная археологическая карта региона.

Как раз на этом этапе работы экспедиции я и познакомился с Щегловым. Он сообщил, что в ближайшие дни собирается отправиться в Черноморское на раскопки греческой усадьбы, находящейся в окрестностях посёлка у бухты Ветреная. В за-

пасе у меня оставалось несколько дней до отъезда, и я решил воспользоваться случаем, чтобы познакомиться с Тарханкутом. В дальнейшем мне десятки раз приходилось добираться из Евпатории до Черноморского на автобусе, но в этот первый раз я попал туда морем.

В херсонесской Карантинной бухте располагался опорный пункт, через который маяки, находившиеся на южном и западном побережье Крыма, снабжались необходимым оборудованием и припасами. Александр Николаевич договорился с начальством маяков, и рано утром мы, погрузив на палубу стоявшего у причала катера пару тачек, с комфортом расположились рядом, и катер отправился в плавание. Целый день мы шли вдоль Западного берега Крыма по пути херсонесских мореходов, делая небольшие остановки у маяков, пока не достигли Ак-Мечетской бухты. Уже на следующий день приступили к раскопкам усадьбы. Пару дней я с удовольствием катал тачки, сбрасывая с обрыва в море, полученный в ходе раскопок отработанный грунт. При прощании договорился со Щегловым, что на следующий сезон задержусь в экспедиции на более длительный срок.

I. Тарпанчи

Летом 1966 года я появился в Херсонесе уже не один, а в сопровождении нескольких студентов Воронежского университета, которых отправил со мной для прохождения археологической практики А.И. Немировский. Александр Николаевич предложил мне возглавить отряд для проведения относительно небольших раскопочных работ на поселении Тарпанчи. Такое название оно получило ещё в довоенное время от расположенного рядом одноименного села, впоследствии переименованного в Окунёвку. Пример неудачной, явно политизированной игры с топонимами. В Окунёвке мы пробыли пару недель и не обнаружили ни одного окуня даже в магазине. Старое же название Тарпанчи (в переводе с татарского – жеребёнок дикой лошади) звучит более поэтично.

Из Херсонеса Щеглов забросил нас на машине в Окунёвку. Среднее по размерам (около 2 гектаров) поселение даже на первый взгляд выглядело впечатляюще. В его центральной части располагалась небольшая (45 на 45 метров) скифская крепость (рис. 1,1). Хорошо читались оплывшие стены высотой около 2 м, защищённые с напольной стороны широким рвом.

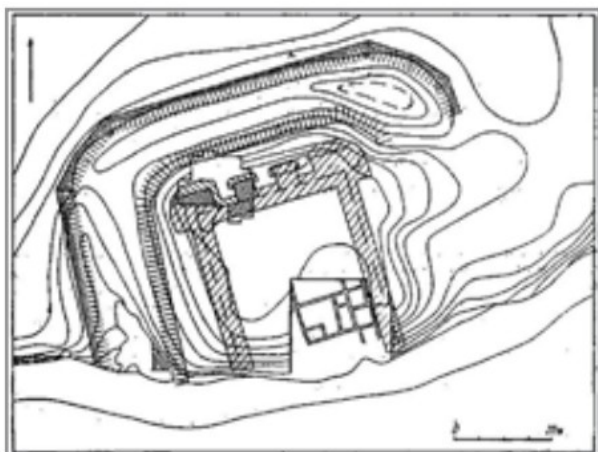
Однако поселение имело куда более сложную структуру. Александр Николаевич провёл экскурсию по памятнику (рис. 1,2), подробно рассказал о результатах тех раскопок, которые здесь им проводились до этого дважды, в ходе которых были определены основные этапы жизни поселения. Под скифской крепостью и за её пределами находился культурный слой, относившийся к поселению, существовавшему в период, когда данная территория входила в состав Херсонесского государства. Центром этого поселения, видимо, являлась укреплённая усадьба, в дальнейшем полностью перекрытая скифской крепостью. Однако следы греческого поселения в виде остатков стен каменных домов были зафиксированы на территории к западу и востоку от крепости.

На самой восточной его окраине была раскопана землянка (рис. 1,3), судя по встреченному здесь керамическому материалу, существовавшая в конце IV – начале III в. до н.э. Возможно, что это было жилище зависимого или полузависимого земледельческого населения.

При расчистке мусорной ямы, обнаруженной около землянки, было собрано около 3 тысяч образцов рыбьей чешуи. Щеглов передал её на анализ в Институт биологии южных морей, находившийся в Севастополе. Полученные результаты, заинтересовавшие не только историков, но и самих ихтиологов, немедленно появились в печати¹.

Оказалось, что чешуя принадлежит кефали. Сотрудники института в рыбколхозе, который находился рядом с Севастополем, методом случайной выборки получили аналогичное количество чешуек современной кефали. В результате прове-

¹ Щеглов А.Н., Бурдак В.Д. О промысле рыбы у берегов Тарханкута в античную эпоху // Рыбное хозяйство. 1965. № 3. С. 21-23.

1

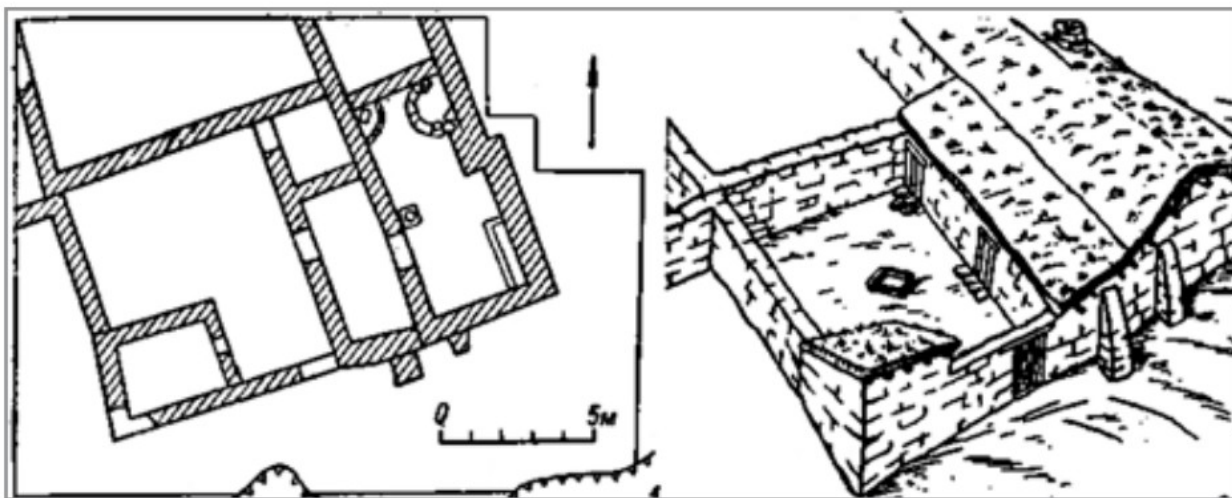
2

3

4

5 а

5 б

Рис. 1. Тарпанчи: 1) план скифской крепости (Щеглов, 1978: рис. 34); 2) экскурсия по памятнику; 3) реконструкция землянки (Щеглов, 1978: рис. 41); 4) крепостная стена (Щеглов, 1978: рис. 35); 5) «Дом с контрфорсами» – а) план; б) возможная реконструкция (Щеглов, 1978: рис. 42)

денного сравнительного анализа двух выборок выяснилось, что в современных уловах значительный процент составляет мелкая по размерам кефаль, в то время как в выборке из Тарпанчи она практически отсутствует.

Следовательно, древние рыбаки более серьёзно относились к проблемам экологии и восстановлению природных ресурсов. Ячейки их сетей были значительно крупнее, чем у современных. Кроме того, два тысячелетия тому назад кефаль набирала вес и приобретала соответствующие размеры значительно быстрее, чем современная, т.е. условия для её обитания были более благоприятны. Этот вывод являлся косвенным подтверждением того, что климат два тысячелетия тому назад был значительно теплее современного, что способствовало увеличению кормовой базы для рыбы.

Одновременно с раскопками землянки было проведено и исследование оборонительных сооружений скифской крепости, появившейся после гибели греческого поселения где-то во II в. до н.э. При зачистке рва в обоих обрезах его стенок были зафиксированы слои горелого зерна. Прирезка с внешней стороны рва прояснила ситуацию. Две большие кучи зерна находились на глинобитной площадке с лёгким навесом. Зернохранилище примыкало к башне и, вероятно, погибло во время нападения на крепость, которое произошло явно в конце августа, когда урожай был уже собран, обмолочен, и зерно сушилось на току, прежде чем его успели засыпать в зерновые ямы.

Александр Николаевич сообщил в музей, что обнаружено полтонны горелого зерна. На что шутники ответили, что он обратился не по адресу, так как музей не располагает элеватором. Действительно, палеоботаникам для всестороннего анализа хватило и килограмма. Результаты их удивили. Основную массу зерна составляла пшеница, но был и большой процент ржи. Между тем до этого считалось, что начальный этап выхода ржи в чистую культуру в Крыму наступил значительно позже.

Гибель зернохранилища, находившегося за пределами крепости, явно свидетельствует о факте её осады. Была ли

она захвачена – не известно, но сразу же после этого были начаты новые фортификационные работы, способствующие усилению оборонительной системы благодаря дополнительным сооружениям: башни были укреплены противотаранными поясами, и выкопан ров.

По-видимому, крепость подверглась ещё одной осаде в конце II в. до н.э., во время которой она была взята, о чём свидетельствуют следы пожара внутри неё. Не исключено, что эти события связаны с хорошо известным по письменным источникам походом в Северо-Западный Крым Диофанта, полководца Митридата Евпатора, когда он разгромил скифскую армию, которой командовал царь Палак².

В ходе одного из следующих полевых сезонов на Тарпанчи были проведены исследования одного из домов (названный Щегловым «Дом с контрофорсами») поселения, возникшего через несколько столетий на развалинах скифского укрепления (рис. 1,5). Дом неоднократно достраивался и перестраивался. Судя по количеству слоёв побелки на большом сохранившемся фрагменте штукатурки, покрывавшей внешнюю стену дома, он просуществовал около столетия на протяжении II-III в. н.э.

Затем в полуразрушенном строении поселились пернатые хищники, гнездо которых было обнаружено в одном из помещений дома. Археологи в лучшем случае только фиксируют факт такой находки. Щеглов же тщательно собрал находившиеся в гнезде и около него около 300 костей тех животных, которыми питались хищные птицы, что позволило специалистам определить видовой состав фауны пернатых, грызунов и пресмыкающихся Северо-Западного Крыма в указанное время. При этом оказалось, что фауна Тарханкута в первые века н.э. объединяла виды, характерные не только для степей, но и для лесостепи, которая в настоящее время на территории полуострова отсутствует. Несомненно, эта информация будет учитываться историками при их построениях.

² Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л.: Наука, 1978. – С. 25.

Практика обращения Александра Николаевича за консультацией к представителям естественно-научных дисциплин, зародившаяся на раннем этапе работы Тарханкутской экспедиции, активно реализовывалась и в дальнейшем.

После того как Щеглов, познакомив нас с памятниками Тарпанчи, наметил те задачи, которые мы должны были решить, он отбыл обратно в Херсонес. Нам предстояло исследовать несколько участков крепостной стены. Работа проходила успешно. Была расчищена одна из башен (рис. 1,4). В ходе раскопок был получен хорошо датируемый керамический материал, позволивший уточнить время появления укрепления. Оно возникло где-то в середине II в. до н.э. Среди керамических находок была практически целая круглая фляга. Естественно, мы её отмыли, отсолили и в дальнейшем стали использовать по назначению. Фляга, заполненная водой, благодаря пористому характеру глины, быстро отпотевала, и вода долгое время оставалась холодной.

При написании этого очерка я попытался выяснить, каково современное состояние того археологического объекта, который мы изучали. Обратился ко всё знающему интернету, но в текстовой части, посвящённой Окунёвке, информация по интересовавшему меня вопросу отсутствовала. На современном плане чётко видно, что село за шесть десятилетий значительно выросло, но отсутствует скифская крепость. При этом видно, что территория, на которой она находится, не была подвергнута застройке. Большая часть информации в интернете посвящена появившемуся в Окунёвке комфортабельному «Гостевому дому» с открытым бассейном, ухоженной территорией и парадной лестницей на пляж. Кстати, этот отель для отдыхающих назван «Тарпанчи».

За весь период нашего пребывания в Окунёвке на пляже мы ни одного отдыхающего не встретили. Да и жители села появлялись там крайне редко. С одной стороны, они до позднего вечера были заняты на полевых работах. С другой – большинство сельчан являлось переселенцами из степных районов Украины, появившихся в Окунёвке после депортации татарского населения. Они в соответствии со сложившим-

ся за много поколений менталитетом к морю относились либо равнодушно, либо с определённой опаской.

Из всех благ цивилизации в селе существовал один маленький магазинчик. Понимаю, что современной молодёжи трудно в это поверить, но в то время мы не располагали не только мобильными телефонами, но даже транзисторным радиоприёмником. Однако нам повезло, в двухстах метрах от нашего лагеря находилась пограничная застава, у начальника которой был телевизор. Как раз в эти дни в Англии проходил очередной чемпионат мира по футболу. Почти все члены экспедиции были заядлыми болельщиками. Установив контакт с владельцем телевизора, они каждым поздним вечером отправлялись на заставу. В связи с тем, что трансляция матчей проходила ночью, начальник заставы, не являвшийся болельщиком, уходил ночевать в казарменное помещение. А мне пришлось с учётом этих ночных бдений изменить график работы и начинать её на два часа позже.

Был и большой плюс в проживании в этой типичной для степного Крыма глубинке. Пожалуй, это была одна из немногих на моей памяти экспедиций, где традиционную утреннюю манную кашу дежурные готовили не на сгущёнке, а на цельном молоке и выдавали каждому ещё кружку молока в придачу. По сходной цене у местных крестьян мы приобретали и овощи. В результате сэкономили определённую сумму от того денежного довольствия, которое нам выделил Щеглов, и вечером последнего дня работы устроили приличную традиционную «отвальную». Гвоздём её стала бутылка шампанского, изготовленного в Абрау-Дюрсо. Кстати, когда мы её покупали в местном магазине, то продавщица была крайне довольна, что избавилась от этого элитного напитка. Оно не пользовалось спросом у местного населения, что было вполне понятно, так как в том же магазине на розлив продавалось местное сухое вино по гривеннику за стакан.

В середине следующего дня, как договаривались, приехал Щеглов. Я полагал, что мы сразу отправимся в Севастополь. Но Александр Николаевич сказал, что ему потребуется пол-

тора дня для составления планов раскопа и фотографирования. Я ему сообщил, что утром мы использовали последние продовольственные запасы. Послали в магазин дежурных, но по закону бутерброда, он оказался на учёте. Отправились на машине в соседние сёла, но и там магазины были либо закрыты, либо на полках было пусто. Поехали в райцентр Черноморское, до которого было километров 20. Но по пути заметили группу домиков, огороженных забором, за которым раздавались детские крики. Это оказался пионерский лагерь, организованный каким-то крупным предприятием Мурманска. Щеглов с шофером отправились на разведку, я же остался охранять машину. Где-то через полчаса оба появились с большими бумажными мешками за плечами. В мешках были буханки хлеба, макароны, овощи и пр.

Оказалось, что Щеглов с начальником лагеря заключил бартерную сделку, согласно которой нас снабдили продовольствием, а мы должны были провести экскурсии для пионеров. Весь следующий день Александр Николаевич занимался графическими работами, а мне пришлось выполнять обязанности экскурсовода. Побывало где-то с десятков групп. В результате все остались довольны. Школьники познакомились с живой археологией, начальство лагеря, несомненно, в отчёте поставило жирную галочку о проведённом воспитательном мероприятии, ну, а мы получили на халяву продовольствие.

Уже в середине следующего дня мы были в Херсонесе. Затем, как я и обещал с самого начала воронежцам, отправились в поход от Бахчисарая к Севастополю по «пещерным городам» Горного Крыма. Опыт, полученный в ходе первого прохождения этого маршрута, пригодился уже через несколько лет.

II. Панское I

На протяжении трёх последующих летних полевых сезонов мне не удалось вырваться в экспедицию. Два из них совпали с интенсивной работой по завершению диссертации,

а в летние месяцы третьего сезона я выполнял обязанности секретаря приёмной комиссии истфака СГУ. Однако связи с Александром Николаевичем не терял, и был в курсе тех перемен, которые произошли в его научной карьере. В 1968 г. он был избран по конкурсу младшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института археологии. Однако успешно начатые в Северо-Западном Крыму исследования он не собирался прекращать. Тарханкутская экспедиция не только сохранялась, но теперь она приобрела статус академической. Сообщил мне Александр Николаевич и о том, что он начал раскопки поселения и могильника у озера Панское. Но из краткого письма не совсем было понятно, что собой представляет этот памятник.

Не планировал я появиться в Тарханкутской экспедиции и летом 1970 г., так как вошедшее во вкус начальство отправило меня снова «секретарствовать» в приёмной комиссии. Но представитель Саратовского университета всё же принял участие в открытии этого полевого сезона Тарханкутской экспедиции. Это был студент вечернего отделения истфака Сергей Монахов.

Сергей, как и я в своё время, не набрал необходимого количества баллов для поступления на дневное отделение и был зачислен на вечернее. Здесь на 1-м курсе я проводил занятия, и неподдельный интерес Монахова к древней истории не мог не заметить. После успешной сдачи им экзамена, я предложил ему поехать поработать в Тарханкутскую экспедицию. Он согласился, а я в свою очередь согласовал его кандидатуру со Щегловым. Однако эта поездка по независящим от Сергея причинам оказалась крайне неудачной. Экспедиция только что начала работу, как на Украине и в Поволжье были зафиксированы случаи заболевания холерой и введены драконовские карантинные меры. Естественно, началась паника. Работу экспедиции пришлось свернуть, и Сергей вернулся не солоно хлебавши в Саратов. К этому времени уже был подготовлен приказ о переводе его на дневное отделение. Этому поспособствовали не только его успехи в учёбе, но и использование мною административного ресурса, так как к

тому времени я находился в должности заместителя декана по вечернему и заочному обучению.

Надо сказать, что я использовал своё служебное положение для подобной корректировки работы приёмной комиссии неоднократно. И результаты во всех случаях оказались положительными. По крайней мере, из трёх бывших вечерников, ставших в дальнейшем моими дипломниками, двое защитили кандидатские диссертации, а С.Ю. Монахов – докторскую, стал профессором и в настоящее время является заведующим кафедрой Истории Древнего мира и директором Института археологии и культурного наследия Саратовского университета.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Холерная паника к осени затихла, и Щеглов решил в октябре месяце продолжить работу экспедиции. Как раз к тому времени я завершил свои секретарские обязанности и находился в очередном отпуске. Естественно, что я поспешил на Тарханкут. Уже в первый день после приезда в лагерь Тарханкутской экспедиции, общего знакомства с памятником, обозначенным как Панское I, и разговора со Щегловым, мне стали понятны причины, по которым именно Панское I было выбрано им для проведения широкомасштабных работ. Здесь, как это часто случается, вмешался очередной случай.

Ещё осенью 1963 г. Александр Николаевич получил из Черноморского от своего хорошего знакомого бандероль, в которой находились фрагменты керамики и письмо. В письме сообщалось, что его автор был свидетелем того, как бульдозерист пропахал курган, находившийся на берегу Ярылгачского залива, вблизи озера Панское. Присланные же черепки автор письма как раз и собрал в образовавшейся траншее. Согласно уточняющей версии инициатором этого разгрома кургана был не бульдозерист, а некий охотник. Он преследовал лису, а та скрылась в норе, выкопанной в кургане. Тогда рассерженный охотник сбегал на ближайший пляж, где бульдозер сгребал песок в кучи, и попросил помочь выгнать лису из норы. Легенда умалчивает о том, что произошло с лисой, но варварский разгром кургана был налицо, когда летом

следующего года на это место проверить информацию своего корреспондента заехал Щеглов.

Большой курганный могильник (около 50 хорошо читаемых на поверхности насыпей) был зафиксирован П.Н. Шульцем ещё в 30-е годы. Однако в 200 метрах к юго-западу от могильника Александр Николаевич обнаружил хорошо прослеживаемые следы ранее неизвестного поселения. Им были сняты подробные планы некрополя и поселения (рис. 3). На поселении предварительно было определено 14 зданий, названных им усадьбами.

В итоге Щеглов пришёл к выводу, что Панское I является идеальным памятником для археологических исследований. Большим плюсом был его комплексный характер – наличие поселения и, несомненно, связанного с ним, могильника. При этом архитектура строительных остатков поселения чётко показывала, что оно было создано греками. В то время как захоронения под курганными насыпями обладали характерными чертами погребального обряда местного скифского населения. Большим плюсом была и сохранность памятника: ни поселение, ни могильник практически не были затронуты современной распашкой. Наконец, стратиграфический шурф, заложенный около стены одного из зданий, показал, что оно существовало на протяжении относительно небольшого временного промежутка в IV – начале III вв. до н.э. и погибло в пожаре. Последний факт для археологов всегда предпочтителен, так как позволяет получить наиболее полную картину жизни поселения до его гибели.

Однако возможности начать масштабные исследования Панского I появились лишь после того, как Тарханкутская экспедиция стала академической. В первую очередь значительно возросло её финансирование. И уже на следующий год после того, как Щеглов стал сотрудником ЛОИА, началось исследование этого памятника. Оно продолжалось без перерывов почти четверть века до 1992 г. И весь этот период саратовцы принимали в работе экспедиции непосредственное участие.

II.1. Раскопки поселения

А) Усадьба № 6 (У 6)

В первый сезон работы проводились параллельно как на поселении, так и на могильнике. Такая практика сохранялась и в дальнейшем. На поселении началось исследование крупного здания, отмеченного на плане как «Усадьба № 6» (У 6), у юго-западного угла которой в своё время был заложен стратиграфический раскоп. Было исследовано несколько помещений, одно из которых оказалось складом керамической тары, содержащим около тридцати херсонесских амфор.

В сезон, когда я появился на Панском, несмотря на не слишком благоприятные погодные условия, было раскопано ещё несколько усадебных помещений. Начал работу в составе экспедиции и отряд геофизиков. Появился он так же благодаря Его Величеству Случаю.

После окончания первого сезона работы на Панском I Щеглов заехал в Херсонес, где случайно познакомился со студентом Ленинградского горного института Владимиром Глазуновым. Тот совмещал отдых на юге с работой в одной из археологических экспедиций. Александр Николаевич поинтересовался, по какому направлению геологии тот специализируется. Оказалось, что по геофизике. Тогда Щеглов заметил, что Владимиру, уже имеющему опыт работы в археологии, следует подумать о более рациональном использовании своего потенциала. Он провёл своеобразный ликбез, начиная от широко известных в то время на Западе геофизических исследований археологических объектов до проведения самих раскопок. Следует отметить, что, когда появились первые публикации об успешном их применении, была предпринята попытка организовать геофизические разведки на одном из античных северо-причерноморских поселений. Но сам памятник был выбран неудачно, так как его культурный слой был заполнен развалами каменных стен. Кроме того, геофизики не имели опыта изучения находившихся на небольшой глубине объектов. В итоге положительные результаты не были

получены, и инициаторы проведения разведок сделали вывод, что там, на Западе, буржуи с жиру бесятся.

Щеглов же был иного мнения. Ещё в ходе раскопок усадьбы у бухты Ветреной по его инициативе были проведены небольшие разведочные работы на этом памятнике К.К. Шиликом, одним из пионеров в Союзе по использованию геофизики в археологии. Теперь же Александр Николаевич предложил Глазунову провести геофизические исследования на ещё не раскопанной большей части У 6 на Панском I. Тот согласился и в 1970 г. появился в экспедиции.

Оборудование, которое использовалось в то время для проведения симметричного электропрофилирования, не идёт ни в какое сравнение с современным (рис. 6,1). Это был деревянный брусок, в который вбили на расстоянии 50 см два латунных стержня. Они были соединены проводами с аккумулятором и прибором, фиксирующим показания. Ассистент, воткнув в землю штыри в отмеченном на плане полигона месте, подавал знак оператору рукой или голосом, а тот, включив ток, со шкалы считывал и записывал показания. В дальнейшем выполнялась трудоёмкая работа по их расшифровке. В результате получали геоэлектрические разрезы, позволяющие составить детальный план исследуемого строения. Эту работу Глазунов должен был проделать уже в стационарных

*Рис. 2. Поселение Панское I: слева У 6, справа У 7
(Panskoye I 2002: PL. 182 – фотография со спутника)*

Рис. 3. План поселения и могильника Панское I

Рис. 4. План центральной части поселения: I – поселение, II – некрополь, Д – древняя дорога. Внизу У 6; сверху У 7 (Panskoye I 2002: PL. 7). (Panskoye I 2002: PL. 7)

Рис. 5. Модель центра поселения (У 6 и У 7) последнего строительного периода (Panskoye I 2002: PL. 8)

условиях. Кроме того, для уточнения полученного плана он собирался появиться в экспедиции и в следующий сезон. В связи с этим я договорился с ним, что привезу ему помощника, одного из моих дипломников – Володю Рожкова.

Выбор кандидатуры был сделан не случайно. С Рожковым я познакомился во время работы в приёмной комиссии, когда просматривал документы абитуриентов, сдававших всего один экзамен по специальности.

Среди них оказался и Владимир, только что закончивший техникум «Электронных приборов» с отличием. Поинтересовался у него, почему, имея столь востребованную специальность, он решил потратить ещё пять лет на приобретение второй. Ответ оказался неожиданным. Владимир сообщил, что во время учебы в техникуме, он понял, что не туда попал. Хорошенькое дело, попал не туда, но техникум закончил с красным дипломом. Второй причиной являлась семейная традиция – отец у него был учителем истории. Именно кандидатуру Рожкова, учитывая его первую специальность, я и предложил Глазунову. Владимир в зимние каникулы побывал в Ленинграде, где лично познакомился со своим тёзкой и обсудил планы предстоящих исследований.

В июле 1971 года я впервые привёз в экспедицию для прохождения археологической практики группу студентов. После их успешной работы на Панском, отправился с ними в поход по Горному Крыму. С нами напросились в поход и несколько ленинградских студентов, работавших в экспедиции. Когда мы спускались с Мангупа, столицы средневекового княжества Феодоро, произошло ЧП. У одной из ленинградских студенток раскрылась сумочка, и выпали на землю все находившиеся в ней причиндалы. Помогли собрать потерянное и двинулись дальше. Однако, когда на следующий день были уже в Севастополе, оказалось, что подобрали не всё – в сумочке были ручные часы.

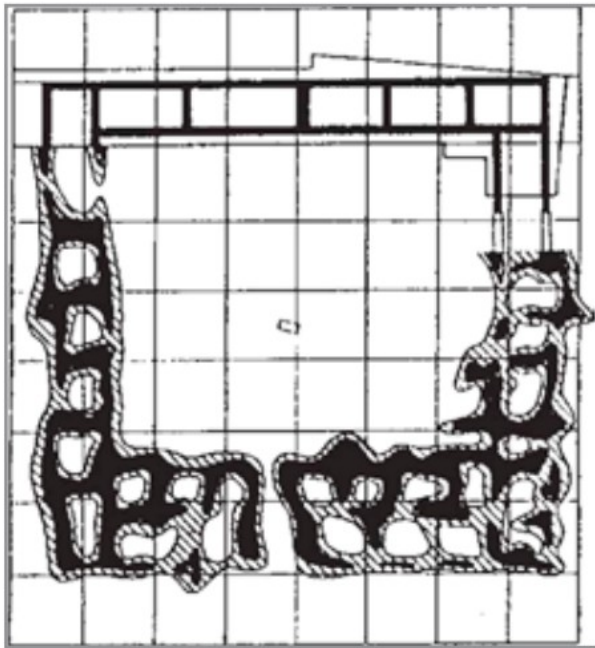
Через пару недель я оказался теперь уже в сопровождении Рожкова вновь в Горном Крыму. Мы должны были помочь Глазунову, находившемуся в лагере Горного института, расположенного в окрестностях села Куйбышево, доставить

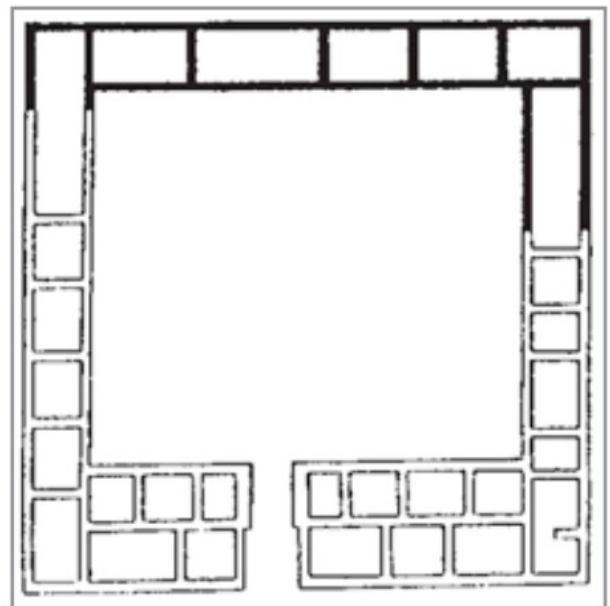
1

2

3

4

Рис. 6. Работа геофизического отряда В. Глазунова на У 6:

1) серийная электроразведочная аппаратура АНЧ-1;

2) снятие показаний (слева В. Рожков);

3) результаты электропрофилирования не раскопанной территории;

4) стены усадьбы, установленные по результатам электропрофилирования

в экспедицию необходимое оборудование. А так как Мангуп был недалеко от этого села, то предложил первоначально заглянуть туда и поискать пропавшие часы. Уже вечером мы оказались на знакомой тропе. Дошли до того валуна у тропы, где произошло ЧП. Разделились: Володя пошёл по правой стороне тропы, я – по левой. Ничего. Поменялись местами, и вот среди камней заметил ремешок и вытянул часы на божий свет. Грех было не подняться на плато. И здесь, сидя на крайнем «Дырявом мысу», мы наблюдали заход солнца. Впечатление было завораживающее. Но за всё приятное надо платить. С Мангупа пришлось спускаться уже в темноте, а дальше добираться по малознакомой дороге до Куйбышева. В итоге заявили в лагерь уже далеко за полночь.

На следующее утро, нагруженные катушкой с проводами и другим оборудованием, мы двинулись в обратный путь. Уже вечером автобус, который шёл по маршруту Евпатория – Черноморское, остановился перед КПП, находившимся за несколько километров до посёлка. В те годы он считался военной базой (в бухте стояла пара катеров), и въезд туда осуществлялся по пропускам. Естественно, что пропуска у нас отсутствовали, да и в Черноморском нам нечего было делать. От КПП напрямую под горку было километров 5 до лагеря, поэтому мы выгрузились из автобуса и двинулись по маршруту. Но прошли всего несколько сот метров, как нас нагнал газик с двумя милиционерами, которые потребовали, чтобы мы вернулись обратно. Оказывается, они заподозрили, что мы двинулись в Черноморское в обход. Когда же увидели нашу поклажу, то решили, что им повезло – поймали шпионов. Разбирательство было долгим. Пожалуй, самым веским аргументом в нашу пользу стало моё командировочное удостоверение, где было указано, что оно выписано старшему преподавателю СГУ. Сержант, старший на КПП, судя по учебнику истории на его столе, был студентом-заочником и к удостоверению отнёсся уважительно. В результате этой задержки в лагере мы появились уже затемно.

Вообще существовавшая система пропусков в запретные зоны была мало эффективна. Кроме того, она была крайне не-

удобна для рядовых граждан, приводила к дополнительным нагрузкам на местные бюджеты, да и отрывала доблестную милицию от своих прямых обязанностей. В первый год проведения археологической практики, я как законопослушный гражданин потратил несколько дней на оформление пропусков для студентов. В дальнейшем же отказался от этой бессмысленной траты времени.

До приобретения машины в экспедицию попадали в первые годы по тому маршруту, каким мы добирались с Глазуновым. Правда, наученный горьким опытом, прежде чем спускаться в лагерь, я представлялся старшему на КПП. В обратный путь мы отправлялись на автобусе из запретного Черноморского. За день до отъезда направлял тайными тропами лазутчиков в посёлок, и те покупали билеты на первый автобус. На следующий день ещё затемно пешочком осваивал 10 километров до посёлка по нижней дороге. С песнями проходили мимо КПП, где было пусто, так как милиция заступала к своим обязанностям только в 8 утра.

Но вернёмся к геофизике. В результате проведённой Глазуновом, при участии Рожкова, корректировки был построен по геофизическим данным окончательный план (рис. 6,3). В конце следующего сезона раскопки усадьбы были в основном завершены и появилась возможность сравнить полученный реальный её план с геофизическим. Полностью совместились на обоих планах 60% стен (рис. 6,4). Несовпадения оказались связаны с некоторыми методологическими просчётами, сопровождавшими как съёмку, так и построение плана. Кроме того, работы в ходе первого сезона проводились в крайне неблагоприятных условиях (заморозки, проливные дожди). С учётом полученного опыта Глазунов предложил более производительную и приспособленную к условиям аналогичных памятников методику, свободную от недостатков.

Проведённые на Панском геофизические исследования позволили обоим Владимирам успешно защитить дипломные работы. В дальнейшем они легли в основу кандидатской диссертации В.В. Глазунова. В настоящее время он работает в должности профессора в Петербургском горном институте.

Иначе сложилась научная судьба В.П. Рожкова. Ещё на последних курсах обучения на истфаке он заинтересовался философией. Закончил по социальной философии аспирантуру, защитил вначале кандидатскую, а затем докторскую диссертации, и в настоящее время является одним из ведущих преподавателей кафедры теологии и религиоведения СГУ. Надеюсь, что увлечение, несвязанное с этой магистральной линией, случившееся в студенческие годы, ему не повредило.

Полностью результаты исследования Усадьбы № 6, которое продолжалось на протяжении пяти сезонов, опубликованы³. Она представляла собой большую квадратную постройку, занимавшую площадь около 1200 кв. м (рис. 7,2). Стены толщиной 0,5 м были сложены из сырцовых кирпичей на каменных цоколях. Наружные стены здания были глухими. Расположенные на юго-западной стороне дома широкие (4 м) ворота (рис. 7,3) вели во внутренний хозяйственный двор, который занимал половину площади всей усадьбы. В центре двора находился вырубленный в скале прямоугольный колодец.

По сторонам двора располагались помещения. Первоначально 24 из них размещались вокруг двора в один ряд, но затем в результате развития хозяйства с юго-западной и юго-восточной сторон двора, а также в его северном углу постепенно возвели второй ряд помещений. Основания лестниц, следы обрушившихся потолочных перекрытий указывают на то, что дом был двухэтажным. Обычно помещения объединены в изолированные блоки по 2-3 комнаты с общим выходом во двор. Расположение помещений, а также набор вещей позволяют предполагать, что в здании жило несколько семей (12–15). Ясно, что все обитатели принадлежали одному хозяйству, входившему в состав херсонесского сельского поселения

В западном углу здания два помещения были заняты общими для всей усадьбы святилищами. Одно из них посвящено земледельческим божествам. В нём находились терракоты, изображающие богиню плодородия Деметру (рис. 8,1),

³ Panskoye I. Vol. I. The Monumental Building U6. Aarhus. 2002.

1

2

3

4

5

6

Рис. 7. Усадьба № 6:

1) панорамные съёмки; 2) общий вид (Panskoye I 2002: PL. 13-2); 3) ворота;
4) зачистка двора; 5) расчистка помещения (слева Д. Наман); 6) комната
№ 13 – развал амфор и остатки скелета (Panskoye I 2002: PL. 24,2)

1

2

3

Рис. 8. Материалы из святилища: 1) протомы Деметры;
2) килик с посвящением Дионису-Сабазию (Panskoye I 2002: PL. 71);
3) рельеф с изображением Геракла (Panskoye I 2002: PL. 143)

чернолаковый килик с посвящением Сабазию – одной из ипостасей бога виноделия Диониса (рис. 8,2). Другое помещение с каменным алтарём и известняковым рельефом с изображением стоящего Геракла (рис. 8,3), очевидно, было посвящено этому герою. Интересно, что в настоящее время известно в Северо-Западном Крыму ещё пять рельефов с его изображением. Видимо, Гераклу поклонялись как защитнику дальней хоры Херсонеса.

Таким образом, основные культы обитателей дома были связаны с двумя главными отраслями производства: зерновым хозяйством и виноградарством. При раскопках обнаружены различные сельскохозяйственные орудия труда и винный пресс. В здании были крупные склады амфор в основном херсонесского производства.

Здание погибло в результате сильного пожара в пределах первой трети III в. (где-то между 270–260 гг. до н.э.), вероятно, во время одного из скифских набегов. Разгром, очевидно, был так внезапен и силен, что не все жители смогли покинуть горящее здание. В помещении № 13 под развалом амфор, рухнувших со второго этажа, был обнаружен скелет женщины (рис. 7,5). Куда более драматичная картина нам открылась в ходе раскопок колодца, вырубленного в скале в центре двора (рис. 9,1).

Сверху находился каменный завал. Когда он был убран, стала поступать вода. Пока слой был ещё невелик, в 10–15 см ниже её уровня были найдены кости коровы, лежащие в анатомическом порядке. Далее на глубине 20–30 см были обнаружены остатки двух человеческих скелетов: женщины 18–20 лет и ребёнка 8–10 лет. Видимо, предварительно убитые, они были сброшены в колодец и придавлены сверху телом коровы.

а

б

Рис. 9. Раскопки колодца: а) В.И. Кац, б) А.М. Завадский

Напор поступавшей в колодец воды был настолько мощен, что пришлось выписать из Симферополя помпу. Одновременно выстроилась целая очередь желающих чистить колодец. Была надежда, что на его дне находятся ценные предметы или хотя бы монеты. Но, к сожалению, это предположение не подтвердилось, кроме нескольких черепков ничего не было извлечено. Однако появление колодца с водой, пригодной для мытья черепков на керамичке, существенно сократило затраты на поставку питьевой воды в лагерь.

Б) Посёлок У 7

Разбирая материал, поступивший на керамичку, я обратил внимание на то, что, хотя его основная масса относится к последним десятилетиям IV – первой трети III в. до н.э., т.е. к периоду существования У 6. Среди него встречается и керамика более ранняя, надёжно датированная первой половиной IV в. до н.э. Появиться же на У 6 она могла только с соседней территории, помеченной на общем плане поселения как «Усадьба № 7» (У 7).

В связи с этим Александр Николаевич до начала раскопок У 7 решил на этой площади провести уже хорошо зарекомендовавшие себя на Панском геофизические исследования. Он договорился с дирекцией Института земного магнетизма, находившегося в Ленинграде, о помощи в проведении этой работы. Руководителем группы геофизиков был назначен Г.А. Внучков, который для уточнения фронта работы появился на Панском, когда мы завершали раскопки У 6. При отъезде он обещал, что на следующий год приедет уже с группой геофизиков.

Однако в следующий полевой сезон сначала появился он один. Утром дежурные обнаружили у одной из палаток спящего в спальном мешке мужчину, рядом с которым лежал велосипед. Им оказался Жора. До этого он был в командировке, обслуживал геофизическое оборудование на научном корабле, бороздившем Атлантику. Когда судно пришло в Новороссийск, Внучков извлёк из трюма велосипед, с которым

не расставался, колеся по всему Союзу, и отправился на нём к нам. Расстояние ему пришлось преодолеть солидное – более четырёх сотен километров. Добравшись ночью до Панского, он не стал никого будить и завалился спать. С самого начала знакомства у нас завязались на почве любви к велосипедам самые дружеские отношения.

Кстати, значительно позже и мне пришлось так же совершить велосипедное турне по югу Украины и северному Крыму. За год до него меня впервые побеспокоило сердце. Знакомый кардиолог после проведённых анализов оказался в затруднении: *«не пойму с чем связаны перебои, то ли у тебя возрастные изменения, то ли что-то серьёзное»*. Велосипедное путешествие как раз и позволило уточнить диагноз.

Однажды в середине августа к нам на ночёвку заехала грузовая машина, перевозившая имущество ленинградской экспедиции К.К. Марченко, который закончил работу на Нижнем Дону и собирался продолжить её на поселении Козырка под Ольвией. Мы с Сергеем Монаховым решили воспользоваться случаем. Рано утром я забросил велосипед в кузов машины, там же мы с комфортом расположились на горе спальных и палаток и двинулись в путь. Во второй половине дня, преодолев три с половиной сотни километров, были на месте. Два дня потратили на знакомство с Ольвией и раскопками на острове Березань. Затем отправились обратно. Сергей – на автобусе, а я – на велосипеде.

Поздно ночью спокойно пересёк спящий Николаев, подремал в придорожных посадках до утра, днём был уже в Херсоне, а вечером – на Перекопе. Сидя на берегу Северо-Крымского канала, наслаждался арбузом, купленным на развале у дороги. Нужно было искать место для ночлега. Облюбовал стоящую вблизи от дороги группу деревьев. Однако, не успел даже полностью распаковать багаж, как налетела туча комаров. Пришлось так поспешно ретироваться, что оставил у кустов оставшуюся половину арбуза. С большим трудом нашёл возвышенное место, где дул ветерок, немного отгонявший комаров, и провёл остаток ночи в борьбе с ними.

На следующее утро проехал Армянск, а затем весь день колесил по Северо-Западному Крыму. День оказался жарким (далеко за 30 градусов). Спасало то, что через 15–20 км попадались ответвления Северо-Крымского канала. Мочил майку и бейсболку, к следующей остановке они уже высыхали. Поздно вечером добрался до лагеря. Как любит вспоминать Сергей, приехавший утром того же дня, он якобы соскребал меня с велосипеда. Подобная деталь в моей памяти не сохранилась, но то, что изрядно устал, это помню. Отказался от ужина и лёг спать. Утром, подводя итоги поездки, окончательно убедился, что сердечные неполадки за год до этого явно носили возрастной характер.

Пора теперь вернуться к геофизике. Через пару дней после появления Жоры на двух машинах появились его коллеги. Один фургон был наполнен различной аппаратурой, среди которой находился и мощный японский компьютер. Из второй машины были извлечены какие-то детали, из которых была собрана за пару часов немагнитная тележка (рис. 10,1). Она представляла собой деревянную раму, брусья которой были соединены бронзовыми болтами, поставленную на четыре большие пенопластовые колеса. На раме располагался магнитометр. При перемещении тележки на 0,5 м контакты, расположенные на одном из колёс, замыкали цепь, работал магнитометр, а показания по кабелю поступали на считывающую аппаратуру, находившуюся в фургоне (рис. 10,2). В дальнейшем по особой программе они обрабатывались компьютером, и на экране появлялось графическое изображение пройденного полигона. В экспедиции, по аналогии с луноходами, тележка получила прозвище «Внучёк I».

Всего за несколько дней с помощью этой оригинальной конструкции была проведена магнитная съёмка всей территории У 7. Затем были обобщены полученные результаты, и на столе Щеглова (к тому времени экспедиция уже обзавелась штабным вагончиком) появился предварительный геофизический план находящихся под землёй строительных остатков.

Расшифровка плана показала, что на данной территории зафиксированы фундаменты построек двух строительных пе-

1

2

Рис. 10. Геофизические исследования У 7: 1) «Внучёк I»;
2) оборудование фургона

риодов. К позднему из них относятся более десятка небольших домов иррегулярной планировки, составляющих посёлок (рис. 2,4). Он, судя по керамическому материалу, собранному на поверхности, был синхронен по времени усадьбе № 6. Вместе с тем на плане фиксировались и строительные остатки более раннего большого прямоугольного здания, которое было разрушено при создании посёлка. Наличие круглых башен по его углам (рис. 11,1-2) свидетельствует о том, что это было довольно мощное четырёх башенное укрепление – форт.

Ознакомившись с полученной информацией, Щеглов решил проводить раскопки на этой территории в два этапа. Первоначально полностью раскопать посёлок, затем разобрать все поздние стены, и лишь затем проводить исследование нижнего горизонта, содержащего строительные остатки форта.

Реализовать намеченную программу удалось лишь частично. Посёлок был исследован полностью. Кроме того, были раскопаны три башни форта и некоторые из его помещений, которые жителями посёлка были превращены в полуподвальные комнаты. К сожалению, запланированный отдельный том, в котором должны были быть опубликованы эти материалы, так и не вышел из печати. Однако, и та информация, которой мы располагаем, позволяет реконструировать основные этапы жизни поселения Панское I.

1

2

3

4

5

6

Рис. 11. Посёлок «Усадьба № 7»:

1) северо-западная башня ольвийского укрепления; 2) расчистка помещения У 7, над юго-западной башней ольвийского укрепления; 3) наземные дома, перекрывавшие ольвийское укрепление; 4) полуподвальное помещение; 5) расчистка двора, где были обнаружены останки погибших жителей; 6) надпись на амфорном черепке с упоминанием жертвоприношения богиням Мойрам

Здесь на рубеже V-IV вв. до н.э. было построено хорошо укрепленное поселение. Четыре его башни имеют круглую форму, что характерно для ионийских крепостных сооружений. Ближайшим ионийским полисом являлась в то время Ольвия. Поэтому было сделано предположение, что именно ольвиополиты основали посёлок на берегу современной Ярылгачской бухты. Косвенно об этом свидетельствует шестистрочная надпись, процарапанная на стенке черно-лакового сосуда. Хотя по поводу её содержания развернулась дискуссия, никто не отрицает, что в письме упомянуты ольвиополиты.

Несомненно, что укрепление погибло в пожаре где-то в конце третьей четверти IV в. до н.э.; в период, когда Херсонес интенсивно осваивал прибрежную полосу Северо-Западного Крыма. Затем форт был перестроен и перекрыт наземными домами. Несомненно, население поселения Панское I значительно выросло. Рядом с бывшим фортом появилось с десятков крупных усадебных комплексов.

Посёлок У 7, как и соседняя усадьба № 6 просуществовали около полувека и были уничтожены во время одного из скифских набегов в начальный период скифо-херсонесских войн. Было отмечено несколько красноречивых находок, иллюстрирующих последние минуты существования посёлка. В одном из полуподвальных помещений с внутренней стороны дверного проёма зафиксирована большая каменная ступа и корыто (рис. 11,4). Видимо, жители дома укрылись здесь и забаррикадировали дверь. Однако им это не помогло. Нападавшие выломали дверь и пленили скрывавшихся. Меньше повезло супружеской чете преклонного возраста, проживавшей в доме № 13. Их скелеты со следами насильственной смерти были обнаружены в одном из помещений дома (рис. 11,5).

II.2. Раскопки могильника

Одновременно с раскопками поселения проводилось изучение расположенного рядом курганного некрополя, который занимал прямоугольный участок около 4 га и был окружён невысокой земляной оградой. На план, составленный до на-

чала раскопок, было нанесено около 50 курганных насыпей. С самого начала исследовались не только они, но и межкурганное пространство, где так же были обнаружены могилы. Всего было раскрыто 34 кургана, а за все годы раскопок исследовано 144 погребальных комплекса. Материалы раскопок были опубликованы полностью⁴.

Основание насыпи каждого кургана окружала кольцевая ограда из известняковых камней и плит (рис. 12,3). Обычно с юго-западной стороны ставился один или несколько известняковых алтарей-жертвенников с чашевидным углублением и желобком для стока (рис. 12,6). Довольно часто встречаются типичные для Херсонеса антропоморфные надгробия (рис. 12,5). Обычно курганы располагались «гнездами» по две-три насыпи (рис. 12,2). Не исключено, что это были семейные участки некрополя.

По способу устройства погребальные камеры в курганах значительно различаются. Большинство из них являются простыми земляными ямами (рис. 15,1). Вместе с тем в 11 курганах встречены склепы из сырцового кирпича, которые сооружались непосредственно на уровне древней поверхности почвы. Интересно, что в других могильниках, зафиксированных в Северо-Западном Крыму, подобные погребальные сооружения практически неизвестны.

В связи с тем, что склепы находятся в насыпи курганов, первоначально удавалось зафиксировать только нижние ряды кирпичной кладки (рис. 13,1). Но после того, как Женя Рогов, руководивший раскопками могильника, побывал в экспедиции, работавшей в Туркмении, где на раскопках поселений сырцовые конструкции широко представлены, он использовал приобретённые навыки и на Панском. В результате удавалось ловить в насыпях курганов даже верхние ряды сырцовых кладок (рис. 13,2). В двух случаях такие наземные погребальные сооружения выполнены из камня (рис. 13,4).

Несомненный интерес представляют детские захоронения. Изредка детей хоронили вместе со взрослыми в земляных и

⁴ Panskoye I. Vol. II, Stolba V, Rogov E. The Necropolis. Aarhus. 2012.

1

2

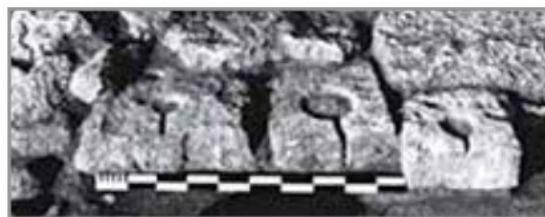
3

4

5

6

7

Рис. 12. 1) Общий вид некрополя; 2) «гнездо» из трёх курганов (площадь В-5);
3) раскопки кургана; 4) раскопки межкурганного пространства;
5) антропоморфное надгробие – курган № 36 (Panskoye I. Vol. 2. 2012 141: Са 13); 6) алтари-жертвенники – курган № 48; 7) детское погребение в амфоре – курган № 38 (Panskoye I. Vol. 2. 2012 117: fig. 6,55)

плитовых могилах, которые впущены в насыпи курганов. Вместе с тем, как и во многих других греческих некрополях этого времени, новорожденных и грудных детей, возраст которых едва ли превышал 1-2 года, хоронили в амфорах (рис. 12,7).

Очевидный интерес представляют 7 могил, которые не содержали захоронений. Большинство из них – это так называемые кенотафы – мемориальные гробницы, созданные

1

2

3

4

*Рис. 13. Наземные склепы: 1) курган № 39, могила 1 – сырцовый склеп;
2) курган № 34, могила 1 – сырцовый пустой склеп; 3) курган № 32,
могила 1 – сырцовый склеп (кенотаф) Panskoje I. Vol. 2. 2012 128: fig. 6,74);
4) курган № 48, могила 1 – каменный склеп*

в память тех, чьи останки по каким-либо причинам не было возможности поместить в могилу. Классическим примером такого рода памятников является курган К 32. Центральная могила в кургане – склеп из сырцового кирпича – содержала стандартный набор погребального инвентаря (амфору, черно-лаковый канфар, стригиль, молот-клевец, втулку дротика). Перед нами, несомненно, набор, характерный для погребения мужчины-воина. Причем вещи располагались в могиле таким образом, что они занимали ровно половину внутреннего пространства камеры, т.е. поместить погребенного в могиле заведомо не предполагалось. Рядом во впускной могиле была некоторое время спустя похоронена молодая женщина, видимо, его вдова.

Однако имеются и могилы, в которых отсутствовали не только захоронения, но и погребальный инвентарь. Наиболее показательным примером является сырцовый склеп, находившийся в центре кургана № 34. При его зачистке была обнаружена только скорлупа от 2-3 яиц. Сам курган, как и многие другие, создавался как семейная усыпальница. Первоначально на выбранном месте была сооружена каменная кольцевая ограда, а в центре создан сырцовый склеп для главы семьи. Долгое время он оставался невостребованным и открытым, хотя периодически и подновлялся – был изнутри дважды оштукатурен и побелён. В это же время в кургане было произведено 5 детских захоронений, при создании которых осуществлялись подсыпки насыпи, а склеп от разрушения был перекрыт деревянными плахами. Однако старшие члены семьи так и не были похоронены в подготовленном для них погребальном сооружении. Видимо, они покинули поселение. И это могло произойти после того, как оно было захвачено херсонеситами.

Материал, сопровождающий погребенных, встречен в половине могил. Для детских погребений он не был обязательным. Реже он встречается в могилах грунтовой части некрополя, нежели в курганной. Особенностью погребального обряда некрополя следует считать существование определенного набора керамики, сопровождающего умершего. В его со-

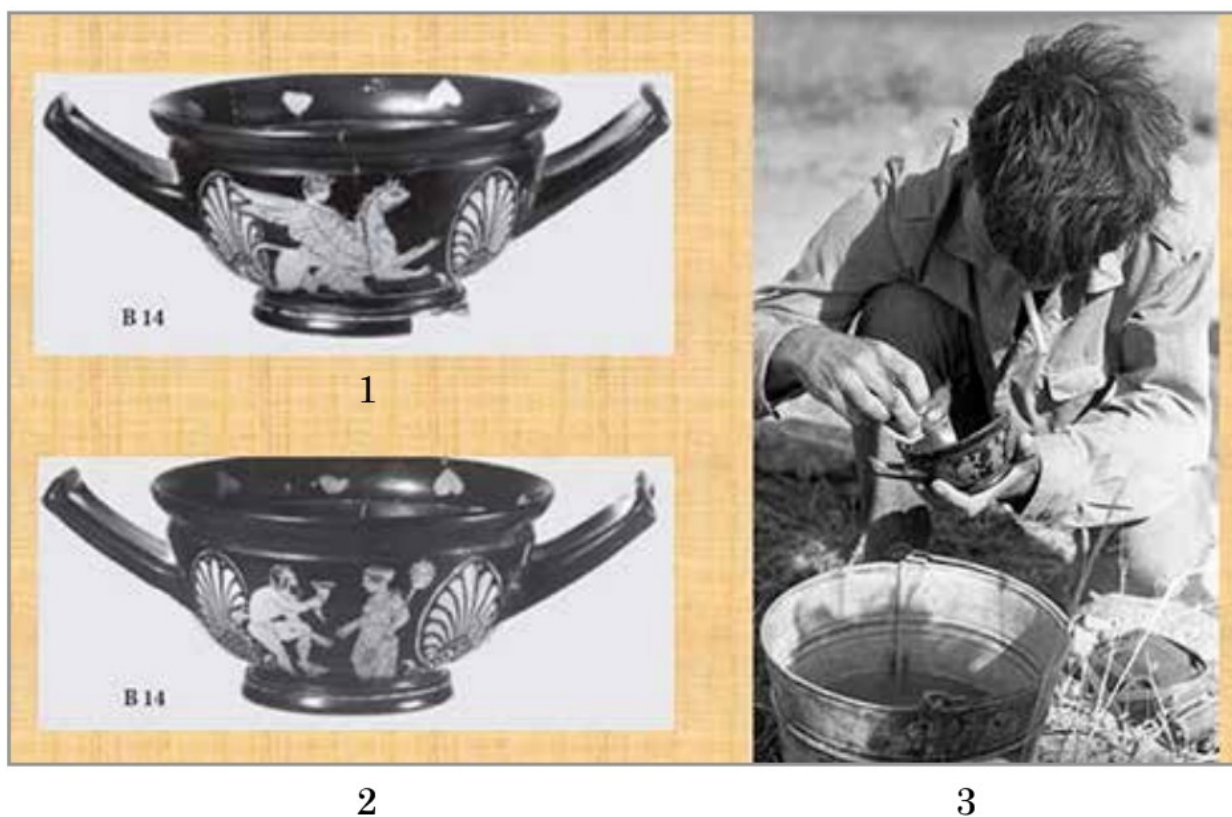

Рис. 14. Килик из могилы 04: 1) Дионис на грифоне; 2) Сатир, угощающий рогом с вином Менаду *Rapnskoje I. Vol. 2. 2012 Pl. 37, B 14*; 3) первое знакомство А. Щеглова с находкой года

ставе обязательно присутствует амфора, сосуд для питья вина (килик или канфар) и флакон для ароматического масла (лекиф или арибал). Среди двух последних категорий встречены высокохудожественные изделия. Это, прежде всего, краснофигурный килик из могилы 04 (рис. 14) и набор алабастров из могилы № 3 кургана № 43 (рис. 15,5-6).

Среди прочих предметов инвентаря на первое место после керамики без сомнения следует поставить находки оружия. Правда, в 11 могилах найдены лишь наконечники стрел (часто в наборах из нескольких экземпляров) и только в двух могилах иные предметы вооружения: 2 копья в одной и боевой топор-молот в другой. К числу редких находок, связанных с палестрическим бытом, относятся стригили. Все 5 экземпляров найдены в некрополе в обломках и их полную форму восстановить не всегда удавалось.

Рис. 15. Курган № 43, могила: 1) общий вид могилы; 2) бронзовое зеркало; 3) килик; 4) votивная корзиночка с хлебцами; 5-6) алабастры; 7) золотая бляшка с изображением рогатой львицы

Двумя десятками находок представлены предметы туалета и украшения: бронзовые зеркала, серьги и височные подвески, перстни. Правда, всего три из них изготовлены из благородных металлов (2 серьги из серебра и 1 пластинка из золота).

Самый богатый инвентарный набор встречен в могиле № 3, 43-го кургана (рис. 15), где была похоронена женщина с грудным ребёнком. Дно ямы было буквально засыпано астрагалами (около 350 штук) – позвонками барана, использовавшимися как в ритуальных целях, так и при игре в кости. В восточном углу могилы стояла гераклеяская амфора, рядом с которой находился чернолаковый килик. Справа от костяка находилось пять алабастров (3 – алебастровых, 1 – керамический и 1 – из финикийского стекла). Между ног костяка лежали зеркало, серебряная умбовидная бляшка, детская керамическая игрушка в виде корзиночки с наклепными хлебцами и золотая пластинка с изображением рогатой львицы. В ногах находилась вертикально поставленная плоская хорошо заглаженная известняковая плита.

В деталях погребального обряда, зафиксированного при исследовании некрополя прослеживаются как греческие, так и варварские элементы. Однако пока социальная и этническая интерпретация погребенных остаётся не вполне ясной, кроме одного момента – жители поселения по крайней мере на протяжении второго периода его истории входили в состав населения хоры Херсонесского государства и, вероятно, должны были находиться в политической и экономической зависимости от последнего.

Таким образом, удалось исследовать около двух третей площади, занятой некрополем.

К сожалению, в «лихие 90-е годы» группа «чёрных копателей», прибывших из Севастополя, разграбила те курганы, которые находились на неисследованной его части. Несмотря на это Панское I до настоящего времени остаётся одним из наиболее исследованных эталонных античных памятников эпохи поздней классики и раннего эллинизма в Северном Причерноморье.

III. Поселение Большой Кастель

Следы поселения в бухте Большой Кастель, расположенной в 10 км к югу от п. Черноморское, были зафиксированы А.Н. Щегловым ещё в 60-е годы прошлого века во время проведения разведочных работ в этом регионе. Через два десятилетия оно в ходе двух раскопочных сезонов было полностью исследовано отдельным отрядом Тарханкутской экспедиции. Зафиксировано два периода его жизни.

Возникло оно, как и многие другие поселения в прибрежной полосе Тарханкутского полуострова, в конце 30-х – начале 20-х гг. IV в. до н.э. в результате освоения данной территории Херсонесом. Первоначально здесь появилась хорошо укреплённая усадьба площадью около 600 кв. м (рис. 16,2-3) с мощной многоярусной угловой квадратной башней, сложенной из крупных, хорошо обработанных, известняковых блоков (рис. 16,4). Типичное для херсонесских укреплений сооружение. Узкий вход, расположенный рядом с башней (рис. 16,5), вёл в центральный двор, вокруг которого шёл один ряд хозяйственных помещений. Жилые комнаты, видимо, располагались на втором этаже, о наличии которого свидетельствуют остатки многочисленных лестниц (рис. 16,6).

В 70-е гг. III в. до н.э. здание было частично разрушено. Аналогичный разгром мы наблюдали и на поселении Панское I. Однако в отличие от последнего, где-то в конце III в. до н.э. в бухте Большой Кастель вновь появились жители. Они не только восстановили усадьбу, но и с восточной части здания пристроили небольшой (10,5 на 13,4 м) дом с прилегающим двором (рис. 16,7). Посёлок просуществовал ещё несколько десятилетий и окончательно был уничтожен, видимо, в ходе войн Херсонеса со скифами во второй половине II в. до н.э.

Видимо, развалины массивной башни сохранялись на протяжении многих столетий. Не случайно современное название бухты присутствует на средневековых итальянских картах (портуланах). Кастель же по латыни обозначает замок.

К сожалению, из материалов, обнаруженных в ходе исследования поселения, были упомянуты в печати только керамические клейма.

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 16. Большой Кастель: 1) снятие плана поселения до начала раскопок; 2) общий вид поселения после раскопок с напольной стороны; 3) общий вид поселения через бухту; 4) прямоугольная башня; 5) вход во двор; 6) лестница, ведущая на второй этаж башни; 7) дом второго строительного периода

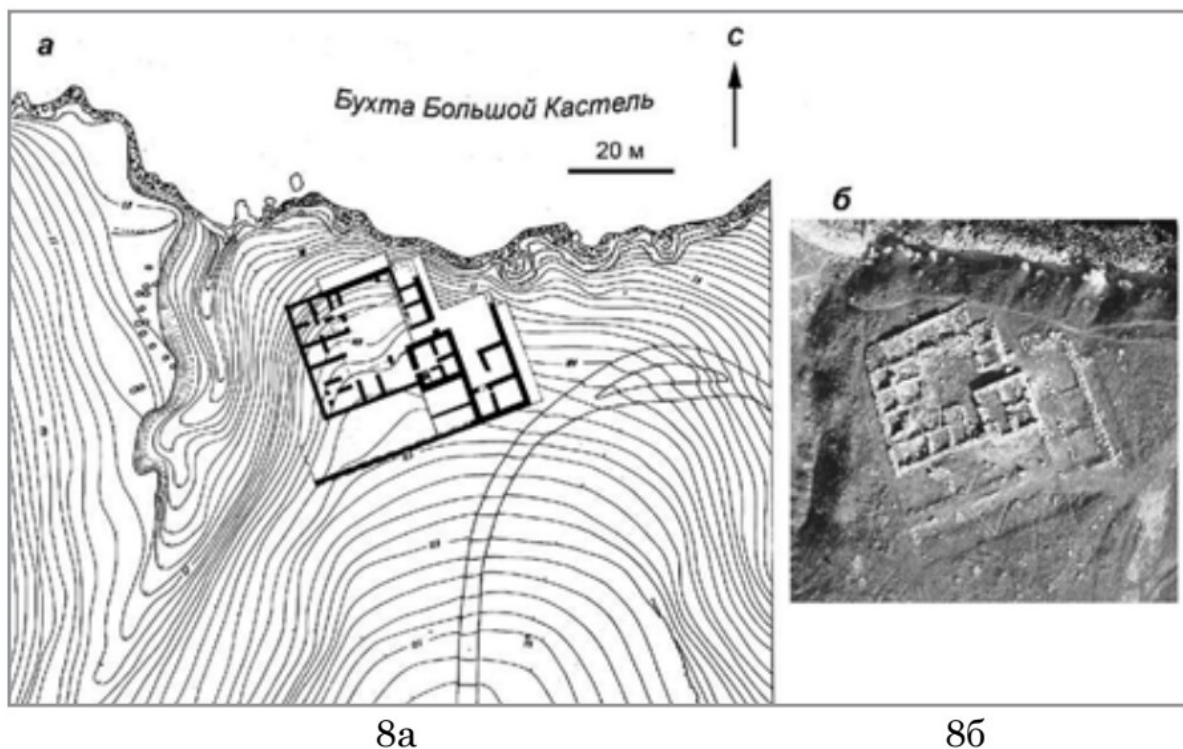

Рис. 16. Большой Кастель: 8а – план усадьбы (по А.Н. Щеглову);
8б – снимок из ресурса Google Earth (Смекалова – рис. 11)

IV. Святилище Джангуль

Где-то в начале 80-х гг. А.Б. Колесников, сотрудник археологической экспедиции МГУ, работавшей в окрестности Евпатории, передал А.Н. Щеглову несколько амфорных черепков с фрагментами граффито – греческими надписями, процарапанными по внешней поверхности сосудов. По его словам, они были обнаружены в южной части урочища Джангуль, когда москвичи были там на экскурсии.

Джангуль заслуженно считается самым живописным природным памятником Тарханкутского полуострова. Он включает в себя четырёхкилометровую прибрежную полосу, протянувшуюся в юго-западном направлении от бухты Большой Кастель. Сложенный из известняка берег шестидесяти-метровой высоты в некоторых местах резко обрывается в море (рис. 17,1). В связи с тем, что под известняковым массивом находится слой глины, здесь довольно часто, особенно в дожд-

1

2

*Рис. 17. Урочище Джангуль: 1) общий вид береговой полосы;
2) раскопки святилища*

ливые годы, глина размягчается, и возникают оползни. Где-то в 30-е гг. прошлого века в результате такого оползня вниз сполз полукилометровый участок берега. В результате колоссальных оползней кое-где между обрывом и морем образовались высокие террасы. На тропинке, сбегавшей по одной из таких террас, и были обнаружены черепки.

Выезд на место показал необходимость срочного исследования памятника, так как на нём начались грабительские раскопки, а интенсивная абразия берега могла привести к его полному уничтожению в ближайшие годы. На следующий сезон Щеглов предложил мне попытаться поискать в этом месте другие следы явно находившегося в этом месте какого-то поселения. Желающих принять участие в этой миниэкспедиции было предостаточно. Отобрал сотрудника нашей кафедры Женю Смыкова, в очередной раз проводившего в экспедиции свой отпуск, и одного из студентов.

На протяжении трёх дней проводились поиски. С самого начала работы стало ясно, что от поселения сохранились лишь незначительные на площади 12 м² остатки золистого культурного слоя, насыщенного керамикой, большая часть которого попала в трещину в скале. Вся территория, где нам предстояло работать, была завалена огромными известняковыми глыбами. Приходилось доставать обломки керамики из расщелин между глыбами, или подкапывать землю под ними. Женя даже посетовал, что мы не располагаем взрывчаткой, которая позволила бы избавиться от глыб. Худо-бедно, но работа продвигалась, на божий свет было извлечено более 6000 обломков керамических изделий. Большая часть из них принадлежала херсонесским и родосским амфорам, но были и фрагменты «мегарских» чаш, чернолаковых, краснолаковых и простых сосудов. Кроме того, в составе комплекса находились известняковый алтарь, votивные глиняные «хлебцы», лепные votивные чашечки, что показывало, что мы имеем дело не с простым поселением, а святилищем, функционировавшим во II в. до н.э.

Наиболее веским аргументом, подтверждающим такой вывод, оказались находки около 50 керамических фрагмен-

тов, главным образом амфорных, содержащих граффити, в которых упомянуты имена тех, кто приносил жертвы, и имя божества, в честь которого они осуществлялись.

О предварительных итогах анализа материала А.Н. Щеглов своевременно сообщил в докладах на двух научных конференциях. Тезисы сделанных им докладов появились в печати⁵. Здесь же отмечалось, что божество, указанное в большинстве посвящений носило явно негреческое женское имя Тарга, и его культ зафиксирован впервые. После консультации со специалистами А.Н. Щеглов высказал предположение о скифском или сарматском происхождении имени богини. Вместе с тем большинство имен посвятителей характерны для херсонесской ономастики, что даёт возможность предположить их херсонесское происхождение.

Относительно недавно С.Ю. Сапрыкин осуществил полное издание граффити из Джангульского святилища⁶. В основном подтвердились предварительные выводы А.Н. Щеглова. В дополнение к ним С.Ю. Сапрыкин отметил, что посвящения Тарге делали в основном херсонесские мореходы, которые активно использовали древний морской путь плавания из Херсонеса, пролегавший вдоль побережья Северо-Западного Крыма.

В нескольких километрах от святилища находится Караджинская бухта, первая после Керкинитида (современная Евпатория) удобная стоянка для кораблей, плывущих вдоль побережья Северо-Западного Крыма. При подходе к бухте приходилось огибать самую западную точку Крыма мыс Тарханкут. Этот район и сейчас считается одним из самых опасных для мореплавания, в связи с чем моряки называют

⁵ Щеглов А.Н. Работы Тарханкутской экспедиции (1983–1986 гг.) // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Суздаль, 1987. С. 293-294; Щеглов А.Н. Большой Кастель и святилище II в. до н.э. в урочище Джангуль // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Ч. 3. Симферополь. 1988. С. 273-275.

⁶ Сапрыкин С.Ю. Памятники «малой» эпиграфики из Северо-Западного Крыма античной эпохи // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XIV. 2014. С. 7-24.

прилегающую к мысу территорию «кладбищем кораблей». Не случайно мыс Тарханкут облюбовали современные дайверы, один из которых передал в музей посёлка Черноморское целую мендеевскую амфору IV в. до н.э., поднятую с 50-ти метровой глубины и, видимо, принадлежащую грузу одного из потерпевших крушение кораблей.

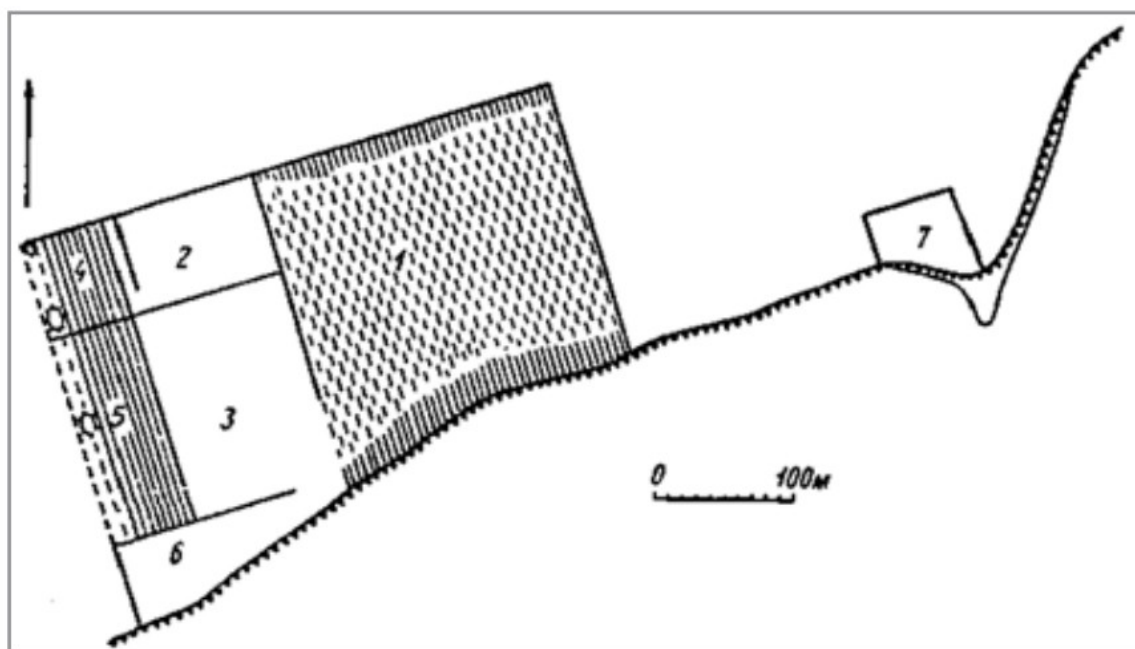
Херсонеситы в конце IV в. до н.э. создали в глубине Караджинской бухты поселение, которое по площади лишь немногим уступало центральному греческому поселению этого региона городу Калос Лимену. В экономике обоих поселений доходы, поступавшие от обслуживания заходивших в их бухты судов, несомненно занимали достойное место. Видимо, именно во время стоянки судна в бухте Караджинского поселения моряки посещали находившееся рядом святилище, чтобы принести жертвы богине Тарге, под владычеством которой, как они полагали, находилась прилегающая территория, в том числе и мыс Тарханкут. Те из них, которые плыли с юга и уже его обогнули, благодарили богиню, те же, которым эта опасная операция ещё только предстояла, стремились заручиться поддержкой божества.

Как мы видим, материалы, полученные в ходе этой мини-экспедиции, дали в руки историков совершенно неожиданную информацию о религиозных традициях греков, проживавших на территории Тарханкута. Кроме того, само пребывание в этом природном заповеднике с его живописными скалами, причудливыми обвалами, чистейшим морем оставило неизгладимые впечатления.

V. Земельный надел и усадьба у мыса Ойрат

В середине 70-х годов в один из выходных дней по инициативе Щеглова мы с Сергеем Монаховым и несколькими студентами отправились на исследование земельного надела у мыса Ойрат.

Он был обнаружен Александром Николаевичем ещё в период проведения им разведок на Тарханкуте. Тогда были зафиксированы плохо сохранившиеся остатки сельской усадь-

1

2

Рис. 18. 1) Общий план земельного надела (Щеглов, 1978: 100, рис. 55): 1-6 – участки (1 – виноградник; 4-5 – сад; 7 – усадьба); 2) остатки усадьбы

бы, большая часть которой была уничтожена в ходе абразии берега (рис. 18,2), хорошо читались на поверхности почвы следы ограды всего надела и шесть участков различной величины (рис. 18,1). Современная площадь надела около 9 га, но учитывая скорость абразии берега, можно полагать, что первоначально она составляла около 13 га.

Участок имеет все основные черты внутреннего устройства наделов, расположенных в окрестностях Херсонеса на Гераклейском полуострове. При его создании первоначально вся его площадь очищалась от камня. Если бы подобная работа проводилась сейчас, то с помощью техники весь камень

был бы вывезен за пределы надела. Херсонеситами же была разработана куда более рациональная система. Часть полученного камня шла на сооружение оград участков, основная же масса укладывалась в параллельные стены, проложенные через отдельные участки. Если он был предназначен для выращивания винограда, то расстояние между стенами составляло 2 м, если же участок планировалось занять садом, расстояние увеличивалось до 5 м. Такие плантажные стены одновременно являлись своеобразными конденсаторами влаги, передающими затем её корневым системам растений. По подсчётам Щеглова для очистки всей площади надела у мыса Ойрат от камня и сооружения оград и плантажных стен по-

1

2

3

4

5

Рис. 19. 1) Зачистка виноградного плантажа (слева А. Щеглов, второй справа С. Монахов); 2) участок виноградного плантажа (Щеглов, 1978: 111, рис. 60); 3) садовый плантаж (Щеглов, 1978: 111, рис. 61); 4) вид с воздуха; 5) биолокация (В.И. Кац)

требовалось удалить из почвы и уложить в стены более 5,5 тысяч куб. м камня. На эту работу надо было затратить как минимум более 1100 человека-дней или 3-4 месяца самой напряжённой работы для 10 человек⁷.

Надел на мысе Ойрат расположен на плодородных каштановых почвах, в которых камни встречаются значительно реже, чем на территории Гераклеяского полуострова. Поэтому в отличие от наделов последнего, здесь визуально фиксируется только садовый плантаж, стены которого хотя и разрушены, но выходят на поверхность (рис. 19,3). Стены же виноградного плантажа высотой не более 0,2 м были утоплены в почву и зафиксированы только после проведения зачистки одного из участков (рис. 19,1-2).

Когда мы проводили работы на наделе, на экскурсию явилась группа из экспедиции биологов МГУ, база которой находилась в соседнем селе Морское. Экспедиция изучала миграцию дельфинов в районе Тарханкута. Так как финансировали её военные, оснащена она была капитально. В их распоряжении находились не только яхта, но и вертолёт.

Интересно, что наибольшее впечатление на гостей произвёл не сам археологический объект, а показанные на его примере возможности биолокации. В то время я был увлечён возможностью фиксации археологических объектов с помощью двух металлических рамок (рис. 19,5). После тренировки удавалось получать удовлетворительные результаты. Вот и здесь, мне завязали глаза, я пересекал виноградный плантаж, и через каждые два метра рамки перекрещивались. Тут же подобную операцию попытались проделать и некоторые из гостей. Кое-кому это частично удавалось, а вот у командира вертолёта ничего не получалось. Но он настолько был впечатлён биолокацией, что Щеглову удалось воспользоваться подвернувшейся возможностью и сделать снимки надела с высоты (рис. 19,4).

⁷ Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л.: Наука, 1978. – С. 110.

VI. Организация экспедиции. Быт

Успешная работа Тарханкутской экспедиции на протяжении 70-х – начала 90-х годов во многом объясняется теми оптимальными организационными принципами, которыми придерживался её создатель Александр Николаевич Щеглов. Прежде всего, ему удалось сформировать работоспособный руководящий квартет. В первые годы Щеглов сам руководил всеми раскопочными работами, а я занимался обработкой и фиксацией полученного материала. В дальнейшем у нас появились помощники – Женя Рогов и Сергей Монахов. Со временем они стали заменять Щеглова на раскопах. А Сергею даже было доверено руководство отдельным отрядом, проводившим раскопки усадьбы Большой Кастель. Кроме того, Сергей активно участвовал в работе на керамичке.

*Рис. 20. Руководящий состав Тарханкутской экспедиции:
А.Н. Щеглов (1933-2006 гг.); Е.Я. Рогов (1951-2001 гг.); В.И. Кау; С.Ю. Монахов*

Не менее важным было наличие в составе экспедиции среднего звена, обладавшего навыками проведения раскопочных работ. Это экспедиционное ядро частично рекрутировалось из ленинградских и саратовских студентов-дипломников. Однако в его составе находились и люди, не имевшие отношения ни к археологии, ни вообще к истории. Появившись в экспедиции зачастую чисто случайно, они в дальнейшем из года в год приезжали на Тарханкут. Им вполне можно

было доверить руководство двумя-тремя новобранцами. А некоторые из них стали незаменимыми сотрудниками. Таким, например, оказался мастер одного из ленинградских ПТУ Алик Заславский. Будучи человеком чрезвычайно контактным и предприимчивым, он на протяжении ряда лет был идеальным завхозом, не мог пройти мимо того, в чём нуждалась экспедиция.

Как-то мы с Аликом на машине поехали в Черноморское. Закупив необходимые продукты, возвращались к машине. Когда проходили по главной улице посёлка, Алик заметил около райкома абрикосовое дерево, усыпанное зрелыми плодами. Пройти мимо такого бесхозного продукта он просто не мог. В результате на глазах изумленных сотрудников райкома мы обтрясли абрикос и на несколько дней обеспечили членов экспедиции обеденным компотом.

Конечно, иногда в экспедиции появлялись и случайные люди. Так ещё в первый год моей работы на Панском, когда пришлось завершать экспедицию в октябре месяце, в лагере появился молодой человек с гитарой. По профессии он был программист и, получив очередной отпуск, по совету одного из знакомых Щеглова отправился в Крым. Так как в лагере оставалось всего несколько человек, то лишние рабочие руки оказались кстати. Пришельца обеспечили местом в палатке и спальником, который он долго рассматривал, а затем полез в него головой вперёд. С утра он поступил в моё распоряжение в качестве «дворового мальчика». Мы как раз проводили зачистку усадебного двора.

Не могу судить о его профессиональном уровне, но о древней истории и о греках он имел весьма смутные представления. А так как оказался человеком любознательным, то что ни день делал открытия. Попалась ему стенка сосуда, с внешней стороны которой был рельефный орнамент. Тут же последовал вопрос: *«А как этот орнамент появился?»* Я объяснил, что при изготовлении сосуда была использована прессформа. В следующий раз притащил на лезвии ножа фрагмент серебряной проволоки – обломок серьги. Опять вопрос: *«Как этот предмет был изготовлен?»* Разъяснил, что существовали во-

лочильные доски с отверстиями разного диаметра. Но окончательно он зауважал греков после того, как обнаружил стенку чернолакового сосуда с остатками процарапанной надписи. От неё осталась единственная буква – ломаная сигма. Реакция на находку была впечатляющей: *«Неужели греки уже знали знак суммы?»* Через неделю этот случайный пришелец покинул экспедицию и в дальнейшем здесь не появлялся.

Основной неквалифицированной рабочей силой в экспедиции были студенты-практиканты, поэтому уже в Саратове для желающих отправиться на Тарханкут проводился цикл занятий по ознакомлению с памятником, на котором им предстояло работать, и условиями проживания. Уже на этом этапе происходил отсев, а у тех, кто попал на практику в Крым, по их собственным позднейшим оценкам, эта поездка оставила неизгладимые впечатления.

Одним из спорных моментов в организации археологических экспедиций является возможность присутствия в них детей. Мне известны многие экспедиции, где появление детей находилось под запретом. У нас же сложилась иная практика. Обычно некоторые сотрудники приезжали со своими детьми и не только школьного, но иногда и детсадовского возраста. Этот контингент оказывал посильную помощь, работая под присмотром родителей на раскопах, помогая на кухне или занимаясь мытьём черепков на керамичке. По моим наблюдениям, а экспедицию прошли не только мои дочери, но и внуки, эти поездки оказали на них самое благотворное влияние. По крайней мере, в дальнейшем, став взрослыми, они спокойно относились ко всяким бытовым неурядицам.

График работы на Панском существенно отличался от того, которого придерживалось большинство других экспедиций. Там трудились с перерывом на обед на протяжении дня, а вечером желающие отправлялись в кино или на танцы в соседние посёлки. Мы же располагались на отшибе и лишены были этих благ цивилизации. Поэтому начинали работу поутру, делали большой перерыв в самые жаркие часы, а завершали трудовую деятельность вечером.

Такого же графика работы я пытался придерживаться и в дальнейшем, когда археологическая практика проводилась на Таманском полуострове. В 1993 она проходила в экспедиции, осуществлявшей раскопки Северо-Зеленского городища. Добрались до г. Тамань, где оставил студентов отдыхать на местной археологической базе, а сам с начальником экспедиции О.В. Богословским отправился на рекогносцировку. Побывали на памятнике, где уже работал отряд студентов Московского областного пединститута, затем отправились в посёлок Волна, где они проживали. Палатки были поставлены на пыльном школьном дворе. В сотни метров от него располагался магазин с полным набором спиртного. Рядом находился клуб, который, как я знал по собственному опыту, в посёлках являлся не только центром культурного досуга, но и криминогенным очагом. Поэтому заявил, что проживать мы будем в лесополосе, которую заметил, когда мы были на месте раскопок. Это решение вызвало искреннее недоумение у Богословского, ведь там отсутствовали какие-либо блага цивилизации. Но это как раз и было к лучшему. Мы без всяких происшествий прожили в лесополосе, а пребывание москвичей в Волне завершилось дракой с местной молодёжью, закончившейся поножовщиной. Было заведено уголовное дело.

Надо сказать, что произошедшее событие меня не удивило. Руководитель группы москвичей уже до этого события потерял контроль над своими подопечными. Вели они себя вызывающе, а иногда и просто хамски. Когда шофёр автобуса, который обслуживал экспедицию, сделал одному из студентов, закутившему в салоне, замечание, то услышал в свой адрес ругательство и угрозы. Да и работали москвичи из рук вон плохо. Привозил их автобус только в девятом часу. Проработав ни шатко ни валко часа три, когда наступала жара большинство из них забиралось в тень и дремало, пока не приходил автобус и не забирал их на обед. На этом их трудовой день заканчивался.

Мы же придерживались тарханкутского графика. Работали в начале дня и вечером с сиестой в самую жару. В этот перерыв желающие могли после обеда отправиться автобусом с

москвичами в Волну, правда, обратно к 17 часам им приходилось добираться своим ходом. Однако многие предпочитали пешую прогулку с купанием на мыс Панагия. Место изумительное по красоте. Так что студенты практически постоянно были под ненавязчивым контролем. В результате практика закончилась без происшествий.

Важным элементом существования экспедиции была организация быта. Вообще-то, условия проживания были явно спартанские. Располагались в палатках далеко не первой молодости, в которых днём было жарко и душно, а в непогоду они безбожно протекали. Как раз с палатками, вернее с одной из них, связано серьёзное ЧП. В один из сезонов в экспедицию приехал Костя Сокол, мой старый с аспирантского времени приятель. Обстановка в экспедиции его полностью устраивала, исключая то, что многие её участники нарушали незыблемое правило противопожарной безопасности – курят в палатках. Он неоднократно напоминал, что палатка горит всего 30 секунд.

При отъезде, учитывая напряжённую обстановку с жильём, Костя оставил нам свою палатку с условием, что на обратном пути ленинградцы передадут ему её на вокзале в Курске, где он проживал. Немедленно палатку оккупировали две ленинградские девицы. Где-то через неделю после отъезда Кости, когда мы после перерыва на завтрак, приступили к работе на усадьбе, кто-то из нас заметил, что над одной из палаток появился дым, а затем и языки пламени. Пока мы бежали к лагерю, всё было кончено. Палатка сгорела начисто. К счастью, расстояние между соседними палатками было значительное, и был штиль. Поэтому другие палатки не пострадали. Причиной пожара стал не затушенный окурок.

Урон, нанесённым погорельцам был существенный. Практически сгорела вся одежда. Одна из пострадавших осталась в одном купальнике, при этом отечественного производства, в то время как два импортных и шикарная синтетическая куртка расплавились. Обгорели паспорта. Интересно, что меньше всего пострадали блоки сигарет, но сами сигареты настолько пропитались дымом, что уже были негодны к употреблению.

Итогом этого эпизода стала телеграмма, отправленная Косте: «Твоя палатка горела ровно 30 секунд». Были сделаны и организационные выводы. По крайней мере, в этот сезон практика курения в палатках прекратилась. А всех прибывающих новичков при заселении в палатки обязательно информировали о случившемся ранее пожаре.

В начале каждого экспедиционного сезона приходилось «танцевать от печки» – создавать этот ключевой элемент кухни. В первые годы её конструкция была самой примитивной. На дневную поверхность ставились три плоских камня, перекрывали их чугунной двухконфорочной плитой, а для создания тяги ставилась полуметровая труба (рис. 21,3). Печь работала исправно, но были и минусы. Так как использовались большие 15–20-литровые кастрюли, которые со всех сторон обдувались ветром, уходило много времени, пока вода в них закипала. А главное, был велик расход дефицитных дров. В дальнейшем Щеглову в военной части, расквартированной в Черноморском, удалось получить в аренду полевую кухню (рис. 21,4). На протяжении двух сезонов мы беды с приготовлением пищи не знали, но затем опять возникла печная проблема.

На сей раз я предложил расположить печку в нише, выкопанной в береговом обрыве рядом с кухней. Теперь кастрюли были с трёх сторон прикрыты от ветра. Но для успешного функционирования такой конструкции требовалась как минимум полутораметровая труба. Одной из таких труб и посвящён сюжет устного экспедиционного фольклора, получивший название «миномёт».

Как обычно, вначале одного из полевых сезонов возникла трубная проблема. Решена она была довольно быстро. Мне необходимо было попасть в село Межводное. На трассу, идущую из Черноморского, я пошёл напрямик через недавно убранное поле. Здесь мне попала большая двухметровая труба довольно оригинальной конструкции. В сечении она была прямоугольной с закруглёнными углами, а с одной стороны закрыта заглушкой. Вернувшись в лагерь, я отправил за трубой двух практикантов. Заглушку мы легко удалили и

1

2

3

4

5

6

Рис. 21. 1-2) Лагерь экспедиции, 3) печка; 4) прибыла полевая кухня;
5) борьба с ветром; 6) надвигается смерч

7

8

9

*Рис. 21. 7) закат; 8) обсуждение сценария «капустника»
(в центре Е. Рогов; справа В. Игнатъев – зав. ГОРОНО Аткарского района;
9) боги Олимпа, посетившие экспедицию в день археолога*

водрузили трубу на положенное ей место. Печка на протяжении всего сезона работала безотказно. Но история трубы на этом не закончилась.

После нашего отъезда место лагеря посетили ребята из Межводного, обнаружили трубу и доставили её в местную школу. Здесь учителем географии был незаурядный человек. По совместительству он заведовал и баней, которая работа-

ла дважды в неделю. Однако, видимо, краеведение было его призванием. По крайней мере, он создал школьный музей, который пополнялся раритетами как обнаруженными им самим, так и принесёнными его учениками. Правда, однажды результатом этого увлечения стал полученный им выговор с занесением в личное дело. В школе появилась инспекторша из ОБЛОНО, которая чисто случайно заглянула в музей и была крайне возмущена тем, что среди его экспонатов присутствуют два татарских надгробия. После выселения татар пятисотлетнее их пребывание в Крыму предпочитали замалчивать, а из всех памятников этого времени упоминался только Ханский дворец в Бахчисарае. И то, видимо, по той причине, что его фонтан был воспет Пушкиным, а в одной из комнат находилась кровать, в которой изволила почивать Екатерина II в период путешествия по Тавриде.

Вполне естественно, что ребята принесли трубу в школу. Учитель внимательно осмотрел её и изрёк: *«миномёт»*. Почему он именно так определил находку, непонятно. Даже, если он не служил в армии, то по иллюстрациям в книгах, по фильмам должен был иметь представление о том, что миномётные трубы всегда имеют круглую форму. Но в итоге труба была помещена на видное место в музее с соответствующей этикеткой: *«Миномёт, найденный ленинградскими археологами»*. Но и на этом история с трубой не закончилась. Где-то весной один из школьников затащил в музей отца, работавшего в совхозе механизатором. Увидев «миномёт», он вначале выругался, а затем сообщил, что потерял эту деталь комбайна, когда убирал пшеницу. Пришлось учителю помимо пресловутых татарских надгробий изымать из экспозиции музея и «миномёт».

Несколько слов относительно питания в экспедиции. Сыты были, хотя какие-либо разносолы отсутствовали, что и понятно, так как финансировалась экспедиция по минимуму. Студентам-практикантам выделялось по 50 копеек суточных. В пределах этой суммы осуществлялись затраты и на питание остальных членов экспедиции.

Как-то к нам приехал профессор МГУ, научный руководитель экспедиции дельфинщиков. После знакомства с памят-

ником, он поинтересовался, как организовано питание членов экспедиции. Сообщил ему стандартное меню: на завтрак манная каша на сгущёнке; в обед салат из свежей капусты, щи или суп с тушёной (по потребности); на ужин макароны с тушёной. Он удивился скудности такого рациона и прочитал нам лекцию о вкусной и здоровой пище. В ответ я сообщил профессору, что большинство из тех, кого он видит на раскопе, саратовцы, и их вполне устаивает такое питание. Попутно рассказал анекдот, который в то время был популярен в Саратове.

К нам приехали побратимы из Братиславы. Когда кортеж следовал по центру города, гости увидели стоявшую у дверей гастронома большую очередь. Поинтересовались, какой продовольственный продукт вызвал такой ажиотаж. Сопровождающие сбегали и сообщили, что народ стоит за водкой. Побратимы удивились: *«Разве вы не боритесь с пьянством?»* Сопровождающие опять сбегали куда-то и, вернувшись, сообщили: *«Боремся, мы закуску не продаём»*. Профессор посмеялся и извинился, что в доме повешенного упомянул о верёвке.

Вообще Тарханкутская экспедиция стала одним из брендов Черноморского района. Приезжающее в Черноморское областное начальство часто посещало раскопки. В один из дней рядом с У 6, где шла зачистка двора, остановилась чёрная Волга. Из неё вышли два пассажира, одетые явно не по погоде в тёмные костюмы, белые рубашки с галстуками. Один из них секретарь райкома партии появлялся у нас и ранее. Вторым явно был чиновником более высокого ранга. Первоначально они попытались прогуляться по уже расчищенной части двора. Пришлось их затормозить и направить на безопасный для памятника путь. Далее всё шло по уже отработанному сценарию. Лекцию о памятнике приезжий выслушал с интересом, задал много толковых вопросов. Затем поинтересовался, какие трудности испытывает экспедиция? Я не преминул упомянуть пресловутые 50 копеек. На что собеседник посоветовал обратиться в Президиум Академии Наук с просьбой об увеличении финансирования. Пришлось познакомить его с очередным анекдотичным случаем.

Институт Археологии в послевоенные годы ютился в маленьком особнячке на задворках Тверской улицы. Как мне рассказывал Б.Н. Граков, когда сотрудники только осваивали это помещение А.Б. Брюсов, известный археолог, заведовавший Отделом полевых исследований, потирая руки, сообщил коллегам: *«А ведь в молодости мы с братом Валерием посещали иногда этот особняк. Правда, тогда при входе горел красный фонарь»*. В дальнейшем дирекция Института неоднократно обращалась в Президиум с просьбой предоставить более приспособленное для работы помещение. Но решение вопроса долго откладывались. Наконец, для размещения Института Археологии и Этнографии был предложен вновь построенный пятиэтажный корпус. Повезло. Какому-то Институту здание не подошло, и передали его археологам, которые всегда финансировались по остаточному принципу.

В заключение нашего общения собеседник порекомендовал секретарю райкома оказать экспедиции помощь. Здесь уж я заступился за секретаря, так как посильную поддержку райком оказывал нам и ранее. Машина отправилась в лагерь, где в вагончике работал Щеглов. Затем она появилась у курганов, Александр Николаевич принял экскурсионную эстафету. Когда мы вернулись в лагерь после завершения работы, он сообщил, что нас посетил второй секретарь обкома. Честно говоря, этот визит меня впечатлил. От саратовских коллег я слышал, что их экспедиции посещали в лучшем случае рядовые райкомовские инструктора, выпускники истфака, навещавшие своих однокашников.

Довольно тесные отношения у нас сложились с начальником порта, расположенного на противоположном берегу озера Панское. Порт строился на наших глазах. Вначале появилась партия геодезистов, которые рассказали, что планируется соединить каналом озеро с открытым морем, очистить от ила само озеро, построить на территории, где мы уже проводили раскопки портовые сооружения и предприятие по изготовлению платформ, предназначенных для проведения на шельфе бурения газовых скважин. Щеглов немедленно отправился в Одессу, где находился проектный институт. Сообщил проек-

тировщикам, что согласно закону об охране археологических памятников, строительные работы на запланированной ими территории возможны лишь после того, как памятники будут полностью изучены. Представил смету на несколько миллионов, которые необходимо будет затратить на проведение археологических исследований. Но не эта сумма произвела впечатление, а информация о том, что эти работы будут продолжаться не менее десятилетия. Затягивать на столь долгий срок начало строительства заказчик не был готов. Поэтому решено было сооружать порт на противоположном берегу.

В ходе его строительства, при прокладке дороги были затронуты развалины стоящей на берегу одиночной усадьбы (Панское III). Большая её часть оказалась затопленной, сохранившаяся была исследована. Вторая усадьба (Панское IV) была зафиксирована на дне самого озера в 150 м от берега. Здесь при работе землечерпалки с трёхметровой глубины были извлечены известняковые блоки и керамика. Эти находки подтвердили итоги проведённых ранее палеогеографических исследований данного района. Они показали, что в IV-III в. до н.э. уровень Чёрного моря был метра на четыре ниже современного, и конфигурация берега была совершенно иной. Озера Панское не существовало. На его месте находилась приморская низменность, пересечённая балками, затопленные устья которых образовывали далеко вдающиеся в сушу заливы. В устье одной из таких балок и возникло поселение Панское I, а на низменности располагались усадьбы Панское III и IV.

Отношения между нами и портом сложились вполне дружеские. Именно благодаря распоряжению начальника порта к нам перегнали большой кран и Щеглову удалось сделать панорамные снимки раскопанной к тому времени У 6 (рис. 7,1-2). С другой стороны, видимо, в программу посещения порта вышестоящими начальниками был включён пункт о знакомстве с археологическими объектами. Мне запомнилась одна из таких экскурсий. В отличие от секретаря обкома вновь прибывшего мало интересовали раскопки. Он в ходе экскурсии явно скучал, видимо, с нетерпением ожидая продолжения банкета на пляже. Когда прощались, портовый на-

чальник достал из багажника машины бутылку сухого вина без этикетки, налил стакан и протянул мне. Отказываться было невежливо, да и день был жаркий. После дегустации последовал вопрос: *«Ну и как?»* Я сообщил, что вино, хотя и рядовое, но отменного качества, изготовлено из мускатных сортов винограда на евпаторийском заводе и даже назвал номер партии. Глаза у начальника округлились: *«Это что, вторая специальность?»* Пришлось его разочаровать. У нас в лагере это вино уже было известно и по достоинству оценено.

В заключение несколько слов о том, как проводили члены экспедиции свой досуг. Большинство из них в обеденный перерыв, когда было особенно жарко, находились на пляже. Правда, всех вновь прибывших предупреждали, чтобы они осторожно входили в море, так как скаты имели обычай зарываться в песчаное дно у берега, а когда их тревожили, немедленно пускали в ход своё оружие – острый шип, находившийся на длинном хвосте. Иногда определённые неудобства возникали при массовом появлении у берега медуз. Но всё это были мелочи. На пляже были идеальные условия для полноценного отдыха: песчаный берег, чистая вода.

При отсутствии телевидения вечером после ужина обычно устраивались «вечерние посиделки». В отличие от других экспедиций, где они проводились у костра, мы не могли при дефиците дров позволить такую роскошь, так что костёр заменяла луна. Несколько раз такой канал общения я использовал как эффективное средство проведения воспитательной работы со студентами-практикантами.

Несколько сезонов принимал участие в работе экспедиции дипломник Щеглова Джабраил Наман. Личность колоритная: сириец по гражданству, айсор по национальности. Кстати, именно от него я впервые узнал о существовании такого этноса, который вёл своё происхождение прямоком от воинственных ассирийцев, а в настоящее время исповедует христианство несторианского толка. Один из родственников Габби (так мы его называли) был священником, сам же он участвовал в деятельности какой-то молодёжной коммунистической организации (их в то время в Сирии было несколько).

Именно поэтому он очень хотел поехать учиться в Союз, что в то время в Сирии не очень приветствовалось. Тогда Габби пошёл на хитрость. Оформил документы на обучение в Испании, а сам в Софии, где самолёт делал промежуточную посадку, сбежал из аэропорта и обратился в Советское посольство. Там ему помогли: переправили в Москву, где его встретили, поселили в гостиницу «Юность» и забыли. Через пару дней у Габби кончились деньги. И здесь ему повезло. На улице он заметил какого-то чернявого паренька и завязал с ним разговор. При этом он в то время ни слова не понимал по-русски, а парень, естественно не знал арабский. Но он сообразил, что этот иностранец, видимо, студент, и спросил его: не учится ли он в университете имени П. Лумумбы. Об университете Габби знал и радостно закивал головой. Парень не только довёз Габби до университета, но попутно накормил его пирожками. Ну, а после того, как там он встретил своих земляков, всё наладилось. В результате он был зачислен на подготовительное отделение истфака Ленинградского университета.

Грех было не воспользоваться возможностью, поэтому я устраивал пару раз после ужина интернациональные встречи. Студенты отнеслись к ним вполне положительно. Многие из них, проживая в Саратове, который в то время был закрытым городом, ни одного иностранца в глаза не видели. Здесь же можно было вживую пообщаться со своим зарубежным ровесником.

Так как экспедиция располагала машиной, то в воскресные дни для тех, кто впервые появился на Тарханкуте, устраивались обзорные экскурсии по знакомству с природными и археологическими памятниками полуострова (рис. 22). Иногда с несколькими энтузиастами мы отправлялись для проведения плановых работ на некоторых памятниках. Так в одно из воскресений посетили надел у мыса Ойрат и провели зачистку участка виноградного плантажа (рис. 19). Тогда же попутно заехали на поселение Джан Баба. Высокий берег здесь подвергается сильной абразии (рис. 22,4-5). На краю обрыва обнаружили и затем передали в Черноморский музей хорошо сохранившуюся зернотёрку. В ходе другой поездки провели

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Рис. 22. Природные и археологические памятники Тарханкута: 1-2) поселение Беляус; 3) Кульчукское городище; 4-5) поселение Джан Баба; 6) урочище Айрат; 7) усадьба «Гроты»; 8-9) поселение «Маслины» (с. Виноградное)

съёмку плана укреплённой усадьбы в бухте Большой Камень (рис. 16,1), где собирались начать раскопочные работы.

Не всегда такие поездки давали положительные результаты. Как-то один из жителей села Оленевка, носившего ранее татарское название Караджа, сообщил нам, что в результате обрушения высокого берега обнажилась конструкция какой-то большой печи, высотой более 2 м и диаметром около 3 м. Эта информация особенно заинтересовала Сергея Монахова. Он в то время как раз занимался изучением амфорного производства Херсонеса, и у него появилась идея, что изготовление керамической тары в этом центре носило децентрализованный характер. По его мнению, она могла производиться в мастерских, расположенных не только в окрестностях самого города, но и на его дальней хоре. Находка гончарной печи такого крупного размера на Тарханкуте служила бы неоспоримым подтверждением этой гипотезы. Он даже рассчитал с учётом полученной о размерах печи информации то количество амфор, которые в неё могло быть помещено для обжига.

Естественно, что в ближайшее воскресенье мы отправились Оленевку. Нашли указанное место в береговом обрыве. Действительно здесь была печь, сохранились не только три её глинные стены, но и часть свода, которые в некоторых местах оплавились до глазури. Провели расчистку пола. После снятия слоя мусора появилась и первая находка – немецкий шлем с шишаком времён Первой Мировой войны. Ниже лежал мощный слой обожжённого известняка. Стало очевидно, что печь использовалась для получения извести и функционировала в начале XX в. Гипотеза о децентрализованном керамическом производстве не подтвердилась.

В настоящее время практически во всех экспедициях отмечается «день археолога». Когда появилась эта традиция неизвестно. Говорят, что где-то после войны в одной из экспедиций поспорили два известных археолога: какое вино лучше – белое или красное. В этот спор, вернее в дегустацию обоих сортов вина, были вовлечены и остальные члены экспедиции. В результате консенсус так и не был достигнут, но 15 августа, когда состоялось это событие, был объявлен профессиональ-

ным праздником. К сожалению, в большинстве экспедиций потребление винной продукции является гвоздём праздничной программы.

У нас на Тарханкуте сложилась другая традиция, гвоздём являлся «капустник». Подготовка его начиналась заранее, при этом душой мероприятия и активным его участником являлся Женя Рогов. Составлялся сценарий (рис. 21,8), выбирались участники, проводились репетиции. Само сценическое действо проходило перед праздничным ужином (рис. 21,9). На следующий день приходилось начинать работу на час позже. В некоторых других экспедициях в лучшем случае приступали к работе только в середине дня.

Оглядываясь назад, я понимаю, что моё, в какой-то степени случайное, знакомство в аспирантские годы в Херсонесе с Александром Николаевичем Щегловым оказалось судьбоносным. Благодаря этой встрече на протяжении следующей четверти века я принимал активное участие в работе руководимой им Тарханкутской экспедиции, главным образом по исследованию могильника и поселения Панское I. К сожалению, целиком осуществить задуманное А.Н. Щегловым не удалось. Пожалуй, наиболее благоприятно обстоит дело с могильником. Полностью исследована большая его часть. Важно, что весь полученный материал опубликован. Неплохо изучен второй, херсонесский период жизни поселения. Опубликованы полностью материалы раскопок У 6 и частично посёлка У 7⁸.

В дальнейшем в начале 2000-х гг. была проведена магнитная съёмка, охватившая всю основную часть поселения, свободную от раскопов и отвалов земли, а также распаханное поле к востоку от усадеб. В результате выявлены каменные стены построек, а на распаханном поле хорошо видна южная граница земельного участка со стенами виноградного плантажа⁹.

⁸ К сожалению, подготовленный к печати III том из серии Panskoye I, посвящённый изданию материала раскопок посёлка У 7, так и не увидел свет.

⁹ Смекалова Т.Н. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в Северо-Западном Крыму. // Материалы к археологической карте Крыма. – Вып. V. – Симферополь: Доля, 2011. С. 10-12, 91-95, рис. 6-9.

Итогом всей проведённой работы могильник и поселение Панское I заслуженно считается эталонным памятником эпохи поздней классики и раннего эллинизма в Северном Причерноморье. Вместе с тем было бы желательно продолжить археологическое его изучение. Прежде всего, необходимо провести исследование раннего строительного горизонта территории У 7, содержащего развалины четырёхбашенного форта.

Научная конференция по итогам ежегодной Тарханкутской экспедиции. Крайний справа в среднем ряду В.И. Кац

Флаг Тарханкутской экспедиции

Сюжет 4. Горный Крым

На первый взгляд содержание данного сюжета не имеет прямого отношения к археологии, да и детективная составляющая в нём практически отсутствует. Однако я уверен, что походы по Горному Крыму сыграли в профессиональном становлении студентов не меньшую роль, чем их участие в работе археологической экспедиции.

С самого начала при разработке программы практики было запланировано после окончания работы в экспедиции несколько дней посвятить знакомству с другими археологическими и историческими объектами Крыма. Обычно это был Херсонес и памятные места Севастополя и его округа. Затем – вишенка на торте – пеший поход по «пещерным городам» Горного Крыма. Маршрут был детально разработан и многие годы востребован. Были известны источники питьевой воды, около которых можно было остановиться на отдых, скальные навесы и гроты, где можно было укрыться в случае непогоды или переночевать. Обычно после знакомства с музеем, расположенном в ханском дворце Бахчисарая, и «пещерным городом» Чуфут-Кале мы отправлялись на городище Тепе-Кермен, а далее к Сюйреньскому укреплению, рядом с которым на поляне у пещерного монастыря ночевали. На следующий день знакомились с Мангупом и Эски-Керменом, где устраивали вторую ночёвку. В середине следующего дня были уже в Инкермане, откуда на катере добирались до Севастополя.

Естественно, что при предварительной подготовке какие-либо накладки происходили крайне редко. Однако пара чрезвычайных происшествий в Горном Крыму всё же произошла. Первое из них случилось в самом начале моего знакомства с Горным Крымом, и участником его оказался мой первый дипломник Христофор Тадтаев, в настоящее время уважаемый преподаватель одного из саратовских вузов.

Весной в период преддипломной практики Христофора мы с ним отправились в Херсонес для работы в фондах музея. В одно из воскресений, когда фонды не работали, я предложил ему посетить Бахчисарай. Побывали в Ханском дворце.

Херсонес Таврический

Бахчисарай. Ханский дворец

Тепе Кермен

Эски Кермен

У кассы заметил объявление о том, что пещерный город Чуфут-Кале закрыт для посетителей. Естественно, что Христофор расстроился. Но я его успокоил тем, что можно было попытаться найти лазейку и попасть на городище. Добрались до южных ворот, через которые обычно запускали экскурсантов. Действительно закрыты. Прошли ещё несколько сот метров к оконечности скалистого мыса, где нашли расщелину, по которой удалось подняться на плато уже за пределами городища. На эту довольно большую территорию, покрытую сочной травой, вероятно, в случае осады загонялся скот. В данный же момент увидели в нескольких десятках метров косулю и благородного оленя с метровыми ветвистыми рогами.

Косуля тут же подбежала к нам. Видимо, она привыкла к подачкам со стороны туристов. К сожалению, мы не могли её ничем порадовать. Двинулся в нашу сторону и олень. Христофор попросил меня подойти к нему поближе, так как я не попадал в кадр. Однако сделать снимок он не успел. Олень нагнул рога и бросился на меня. Я успел схватиться за один из рогов, подоспевший на помощь Христофор ухватился за второй. Когда олень начал напирать на нас, мы, уже стоя на коленях, воткнули рога в землю. Не сдаваясь, олень попятился. Нам пришлось с коленей переместиться на животы, и где-то с десятков метров он протащил нас по траве. Тогда я предложил попытаться, напирая на рога, направить оленя к ближайшим кустам. Когда до них оставалось несколько метров, мы сиганули в кусты. Олень же подскочил на метр и дал дёру в сторону городища.

После ставшей легендарной «битвы с оленем», вид у нас был затрапезный – спереди куртки и штаны были покрыты зелёными пятнами. Но основная цель была достигнута, мы попали на плато и отправились на городище, где я провёл для Христофора экскурсию. В ходе неё у колодца мы вновь встретились с оленем. На сей раз никаких агрессивных поползновений с его стороны не последовало.

В Бахчисарае мы выяснили причину такого поведения оленя. Оказалось, что он забрёл из Крымского заповедника на городище не один, а в сопровождении подруги. Экскур-

Христофор Тадтаев. Благородный олень

Рис. 1. У западных ворот Чуфут-Кале

Рис. 2. На пути к с. Куйбышево

Рис. 3. Плато Мангуна. Святилище

санты же так напугали её своим вниманием, что она упала с обрыва. После этого олень стал нападать на отдельных туристов. За день до нашего появления он так покатал одну из посетительниц, что та попала в больницу. После этого случая городище и было закрыто для посетителей. В результате встречи с оленем я стал в ходе проведения со студентами занятий по технике безопасности предупреждать их, что в случае встречи с любыми парнокопытными, даже домашними, следует обходить их стороной.

В дальнейшем подобные эксцессы не случались, но произошло ЧП, о возможности которого я не мог предположить и которое, естественно, не попало в инструкцию. Мне, честно говоря, надоело, как белка в колесе, крутиться по одному маршруту, и я решил попробовать попасть в Горный Крым через Южное побережье. Доехали на автобусе до Фороса, а оттуда по старой дороге дошли до подножья «Чёртовой лестницы», где и заночевали.

«Чёртова лестница» — известный объект. Ещё в римское время через неё проходила дорога, связывавшая Херсонес с крепостью Харакс, расположен-

Рис. 4. Подъем на плато Кыз-Куле. 5. Спуск в осадный колодец на Эски-Кермене

ной около современного «Ласточкина гнезда». В дальнейшем вплоть до того, как была проложена дорога через Байдарские ворота, по этому маршруту осуществлялась связь Южного Берега с долиной Чёрной речки. Именно по этой дороге добирался до Севастополя А.С. Пушкин, как он написал в одном из писем из Крыма, преодолевал крутой подъём, держась за хвост татарской лошади.

Мы не располагали не только лошадью, но и ослом, при этом сами были нагружены рюкзаками. Несмотря на это, относительно легко преодолели «Чёртову лестницу» и оказались на одной из вершин, на поляне, покрытой густой травой, с колодцем посередине. Картина с обрыва открывалась потрясающая. Под ногами, как на ладони, Южный берег от «Ласточкина гнезда» до мыса Ласпи.

Сели передохнуть и позавтракать. Затем стали спускаться к селу Родниковое. По дороге моё внимание привлёк один из практикантов. Он явно был не в себе. Его качало из стороны в сторону, и он плевался зелёной слюной – явные признаки отравления. Остановились, принесли флягу с водой. После того как пострадавший прочистил желудок, он настолько ослабел, что его далее пришлось спускать под руки.

Когда подошли к окраине села, то выяснилось, что передовая группа куда-то пропала. Пошёл её разыскивать, а когда вернулся минут через 10, то увидел, что лежит уже второй –

Рис. 6-7. «Чертova лестница»

Саша Черных – с теми же симптомами. Побежали в село за фельдшерницей, она сделала пострадавшему укол и вызвала карету скорой помощи из Балаклавы. Здесь уже пришлось провести детальное расследование.

Оказалось, что инициатором всего произошедшего был как раз Черных. Именно он нашёл гриб (как выяснилось в дальнейшем, это был ложный поддубовик или сатанинский гриб, второй по ядовитости после бледной поганки) и в ходе завтрака на глазах изумлённых товарищей съел с аджикой его часть, заявив, что такие грибы он в сыром виде употреблял неоднократно. Его примеру последовал и первый пострадавший. Однако выяснилось, что участие в пиршестве принимали ещё двое. Между тем прошло уже много времени, а у них не наблюдалось никаких признаков отравления. Правда, один из них заявил, что он принципиально не притрагивался к грибу, а второй признался, что только пожевал ножку, но она не показалась ему съедобной, и он от неё тут же избавился. Такое похвальное здравомыслие и осторожность, можно сказать, стали залогом их карьерного роста: один ушёл в отставку в чине подполковника милиции, а второй стал ректором одного из престижных саратовских вузов.

Через два дня, когда мы вернулись из Горного Крыма в Севастополь, любители сырых грибов были уже в полном здравии. Пришлось, учитывая этот случай, в ходе организации следующих походов, особое внимание акцентировать на запрете употребления грибов в сыром виде.

В дальнейшем, когда я случайно встречался со своими бывшими студентами, некоторые из них с гордостью сообщали, что недавно они познакомили своих домочадцев с теми памятными местам Горного Крыма, где когда-то побывали. Правда, добирались они туда уже на личных автомашинах. Что поделаешь, комфорт вытеснил у них романтику.

Организовывая походы, я рассчитывал на иное. Надеялся, что приобретённый опыт позволит выпускникам при работе в качестве учителя истории организовывать и проводить аналогичные путешествия школьников. Но мне известны лишь единичные примеры, когда это было реализовано на практи-

ке. И причина не столько в учителях, сколько в сложившейся системе организации внеклассной работы со школьниками по истории.

Главный принцип, исповедуемый школьным начальством – «как бы что-либо не случилось». Несколько лет тому назад на факультет заглянула наша бывшая студентка, работавшая учителем в одной из сельских школ. Я поинтересовался у неё, посещала ли она со школьниками один из интересных археологических объектов, расположенный в десятке километров от их села. Оказалось, что сама она там побывала, но организовать туда поход со школьниками не удалось, так как директор наложила вето, и поход не состоялся. Иногда эти запреты граничили с откровенным маразмом.

В нашем университетском «Институте археологии и культурного наследия» создан небольшой, но насыщенный археологическим материалом музей. В одной из комнат находятся экспонаты, полученные в ходе раскопок местных памятников от эпохи камня до позднего средневековья, а в соседней – расположена экспозиция античного материала тех памятников, в изучении которых принимали участие саратовские археологи.

С момента открытия музея я стал проводить в нём занятия со студентами, у которых вёл курс «История Древнего мира». Настоятельно рекомендовал и нашим выпускникам приводить своих школьников в музей. Я уверен, что здесь должны ежегодно побывать все пятиклассники города, которые знакомятся с древней историей исключительно по материалам учебника и архаичным картинам, которыми в своё время любовались не только их родители, но и родители родителей. Однако такой возможностью воспользовались лишь единицы.

Имеются и объективные причины этому. В институте отсутствует штатный экскурсовод и, хотя его сотрудники принимают заявки на экскурсии, но возможности их ограничены. Штатную единицу экскурсовода могла бы выделить такая организация, как «Институт повышения квалификации учителей». Но руководители этого солидного учреждения привыкли работать по старинке, и данный музей выпадает из

налаженной десятилетиями схемы. Да я и не уверен, что они о нём знают. Однако имеются и препятствия, совершенно необъяснимые с позиции здравого смысла.

Одна из наших выпускниц, работающая учителем в городе Энгельсе, расположенном на противоположном берегу Волги, договорилась о посещении музея со своими пятиклассниками. Помимо знакомства с экспозицией им обещали устроить просмотр фильма об археологических раскопках. Половина класса выразила желание поехать на экскурсию. Одна из родительниц согласилась оказать помощь в организации поездки. Рядом со школой находилась остановка междугородного автобуса, конечная же остановка в Саратове расположена в нескольких шагах от музея. Осталось получить формальное согласие директора школы. Но вместо согласия последовал решительный запрет. Указывая пальцем в потолок, директриса сообщила, что свыше последовало распоряжение, запрещающее перевозить группы школьников общественным транспортом. Для экскурсии нужно нанять специальный автобус, договориться с ППС о выделении машины сопровождения с мигалкой. Так, не начавшись, закончилась эта экскурсия.

Окончательно деградировало это воспитательное направление работы со школьниками и в многочисленных пионерских лагерях. Ещё в начале 60-х гг. прошлого века на экранах появился фильм «Добро пожаловать или посторонним вход запрещён», талантливо показывающий все прелести лагерной жизни. И что является главным? Правильно – дисциплина и ещё раз дисциплина. В дальнейшем мне много раз приходилось бывать в Евпатории и Анапе, признанных всесоюзных *«пионерских республиках»*. Внешние изменения были значительны: появились двух- трёхэтажные корпуса, спортивные площадки и т. п. Но дух остался прежним. Достаточно было понаблюдать за организацией купания пионеров. Один из вожатых заходил по пояс в море, отмечая границу, куда можно было заплывать, а на берегу вторая вожатая лихо радочно считала головы барахтающихся на мелководье пионеров. Один к одному картина из «Добро пожаловать...».

Обычно в Евпатории мы со студентами заходили к коллегам, проводившим раскопки поселения «Чайка», через дорогу от которого находился большой пионерский лагерь. Иногда оттуда приходила на экскурсию группа пионеров в сопровождении вожатых. Однако чаще на отвалах маячили одиночные единомышленники героя «Добро пожаловать» Кости Иночкина, сбегавшие от лагерной скуки и внимательно наблюдавшие за работой экспедиции. Никому из руководства лагеря не пришло в голову воспользоваться благоприятной возможностью договориться с археологами, чтобы создать при лагере кружок и направлять желающих поработать на раскопках. Воспитательный эффект на порядок был бы выше, чем простое посещение раскопок с экскурсией.

Где-то через два десятилетия после появления фильма несколько специализирующихся по нашей кафедре студентов, имевших экспедиционный и походный опыт, должны были отправиться для прохождения пионерской практики в лагерь «Кабардинка». Мы с ребятами ознакомились с литературой и наметили ряд памятников в окрестностях Геленжика, куда можно было организовать однодневные походы. Когда студенты вернулись с практики, я спросил их: *«А как походы?»* *«Какие походы, – прозвучало в ответ. – Один раз доставили автобусом пионеров на опушку леса. Окружили поляну кордонами из вожатых, поиграли в мяч пару часов и возвратились в лагерь».*

Зато в тот же месяц, когда проходила практика, лагерь справлял какой-то юбилей, и там появилась команда телевизионщиков. С их подачи извлекли со склада новенькие рюкзаки, снарядили ими отряд пионеров, и те с песнями промаршировали по лагерю. За кадром ведущий восторженно вещал, что пионеры отправились в поход. Правда, он не сообщил, что поход закончился в столовой.

Я ещё застал расцвет краеведческой работы в школах, когда в результате участия в экспедициях и в походах создавались школьные музеи, которые, несомненно, были существенным подспорьем в обучении истории и проведении воспитательной работы. Сейчас же многие из этих музеев

прекратили существование. Учителя-энтузиасты либо ушли на пенсию, либо вообще в мир иной. На месте музеев в духе времени появились компьютерные классы.

Обычно после проведения археологической практики оставшееся каникулярное время я проводил, обрабатывая керамический материал, в различных археологических экспедициях, занимавшихся исследованием античных памятников. Одновременно с этим продолжал с переменным успехом разрабатывать различные проблемы керамической эпиграфики.

Однако это однообразное существование иногда прерывалось, когда мне по воле случая приходилось вторгаться в исторические, но чужие сферы. Именно таким случаям и посвящены следующие сюжеты.

Мангуп

Сюжет 5. Реабилитация «религиозной фанатички», «генерала» и «дилетанта» от археологии¹

Информацией о своеобразии работы археологов в той или иной степени обладают практически все, хотя бы благодаря просмотру некоторых телевизионных передач. Конечно, приключения «знаменитого археолога» Индианы Джонса мало что дают, но научно-популярные передачи вполне адекватно отражают специфику работы в поле, обработку и анализ полученного материала. Правда, практически не представлена ещё одна важная сторона – работа в архивах. Между тем каждый археолог, прежде чем начинать раскопки того или иного памятника, обязан как минимум познакомиться со всеми отчётами об археологических исследованиях, проводившихся ранее как на самом памятнике, так и на аналогичных памятниках региона. К архивным данным ему приходится возвращаться неоднократно и в дальнейшем в первую очередь в поисках необходимых аналогий обнаруженному материалу. Так что архивные изыскания являются обычной практикой.

Однако при таком достаточно узком, целенаправленном поиске нередко остаётся невостребованной содержащаяся в архивах информация, не имеющая прямого отношения к заявленной теме. Между тем она, как мы увидим ниже, зачастую содержит данные, позволяющие значительно уточнить, а иногда коренным образом изменить уже сложившиеся представления. Кроме того, удаётся скорректировать традиционную оценку деятельности тех археологов, которые работали в прошлом. Именно последней теме и посвящён нижеприведённый сюжет.

Впервые я познакомился с архивными материалами где-то на третьем курсе, когда проходил архивную практику в

¹ Приведенные в данном сюжете материалы частично были опубликованы в 1988 и 2014 гг.: Кац В.И. Записка графини П.С. Уваровой о Херсонесе // ПИАСХ. Севастополь, 1988. – С. 58-60; Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом // Stratum plus. 2014, №3. С. 353-364.

областном архиве согласно учебному плану. Там каждому из нас выдали папки с документами, которые необходимо было описать и дать им историческую интерпретацию. Насколько я помню, мне досталась папка, содержащая полицейские донесения о крестьянских беспорядках 1905 года в одном из уездов Саратовской губернии. Надо сказать, что особого интереса эта работа у меня тогда не вызвала. Вкус к работе в архивах я приобрёл позже, когда в ходе подготовки дипломного сочинения отправился в Ленинград знакомиться с отчётами о дореволюционных раскопках в Херсонесе.

Они находились в архиве Ленинградского отделения Института Археологии. В период перестройки этому учреждению было возвращено первоначальное, данное при его создании вскоре после революции название – Институт истории материальной культуры (ИИМК). Найти институт труда не составило. Он располагался в самом престижном районе города, на Дворцовой набережной, как раз напротив Петропавловской крепости в бывшем дворце Великого князя Михаила.

Археологи занимали и сейчас занимают часть этого дворцового комплекса. Три большие с высокими потолками комнаты бывших служебных помещений дворца отведены под рукописный архив. В двух из них на высоких стеллажах размещены папки с материалами, в третьей – вдоль стен расположены каталожные ящики, а в центре большой овальный дубовый стол, за которым работают посетители. Именно здесь я впервые познакомился с архивным археологическим материалом, и это первое знакомство привило мне на всю жизнь вкус к архивным изысканиям.

Да и как было не увлечься! Приносят тебе толстую папку, где собраны документы за один из полевых сезонов раскопок в Херсонесе. Прежде всего, тебя интересуют клейма, и ты быстро находишь необходимую информацию. Сейчас я понимаю, как мне повезло в том, что знакомство с херсонесским клеймёным материалом я начал с отчётов К.К. Косцюшко-Валюжинича. В отличие от большинства своих современников он тщательно фиксировал обнаруженные в ходе раскопок клейма. При этом они были не только описаны и сгруппи-

рованы по местам производства, но значительная часть из них была проиллюстрирована прекрасными эстампажами (рис. 1), позволяющими осуществить проверку предложенного восстановления надписей в повреждённых экземплярах. Однако обычно знакомство с находящимися в папке материалами одними клеймами не ограничивалось. Чего только в ней нет. Здесь и обширная переписка руководителя раскопок с различными учреждениями и частными лицами, вырезки из подвалов газет, где с продолжением печатается очерк о раскопках Херсонеса с претенциозным названием «Русская Троя»², документы финансовой отчётности и т. п. Время командировки ограничено, но разве можно удержаться и не выяснить по квитанциям, сколько, например, в 1888 году стоил фотоаппарат «Кодак». Конечно, эта информация в основном не носит принципиального характера, но среди неё зачастую попадаются настоящие «жемчужные зёрна». С некоторыми из них мы в дальнейшем познакомимся подробно.

Рис. 1. Эстампажи с клейм, изготовленные К.К. Косцюшко-Валюжиничем:

1-3) Синопа, 4) Родос, 5) Херсонес, 6) «Колхида»³

С одним таким «жемчужным зерном» я встретился уже в ходе первого появления в архиве. Естественно, что работу я начал со знакомства с материалом первого года систематических раскопок в Херсонесе, начавшихся в 1888 г. Однако отчёту о самих работах, проведённых в этом году, предшествовал набор документов за предыдущий год, объясняющих причины начала самих раскопок. Первым из них являлась доклад-

² Половцев А.В. Русская Троя // Московские Ведомости. 1900. – № 215, 216.

³ РА ИИМК РАН. Ф.1. Д. 1894 г. № 24. Л. 162.

ная записка председателя Московского Археологического общества (МАО) графини П.С. Уваровой⁴, которая появилась на столе кабинета императора Александра III в Гатчине в начале июня 1887 года. Документ был прочитан императором крайне внимательно, о чём свидетельствуют многочисленные пометки, оставленные им на полях.

Начинается записка чрезвычайно пафосно. *«Древнейшая святыня земли Русской – город Корсунь или Херсонес... Здесь на берегу Чёрного моря равноапостольный князь Владимир венчался и принял святое крещение. Отсюда свет христианского учения распространился по всей России. Святыня эта должна быть дорога всякому русскому сердцу, должна быть известна всей грамотной России, должна служить основанием при изучении русской архитектуры и русского искусства, но не то мы видим на самом деле. Вашему Императорскому Величеству угодно было прошлым летом посетить древний Херсонес и нам нет надобности распространяться ныне на счёт того запустения, в котором Херсонес предстал перед Августейшими глазами Вашими»⁵.*

На поле напротив последнего абзаца рукой императора начертано: *«верно, действительно был поражён этим безобразием»*. Да и как было не возмущаться, если посещение императором Херсонеса закончилось *«скверным анекдотом»*, как называли произошедшее некоторые газетные фельетонисты.

После завершения традиционного при визите в Херсонес ритуала – торжественной службы в храме святого Владимира – император пожелал ознакомиться с вновь открытыми на городище памятниками. Сопровождал его и давал объяснение иеромонах, руководивший в последние годы раскопками. Александр III уже был наслышан о том, что недавно были обнаружены развалины небольшого храма с хорошо сохранившимся мраморным мозаичным полом. Когда подошли к храму, то оказалось, что вокруг его остатков в целях сохранности была сооружена стена из тёсаного камня, сделана деревянная дверь с большим висячим замком. Однако попасть

⁴ Письмо графини П.С. Уваровой к императору Александру III // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1887/1. Д. 22. Л. 16-24.

⁵ Там же. – Л.16.

в храм не удалось, у сопровождавшего императора чичероне не оказалось ключа. Побежали искать отца-ключаря, но так и не нашли. Покрутились император со свитой у закрытой двери и удалились ни с чем. Дошлые репортёры выяснили, что если бы даже справились с замком, то с искомой мозаикой познакомиться бы не удалось. Стену то построили, но забыли соорудить крышу и поставить сторожа. В результате однажды ночью какие-то злоумышленники перелезли через стену, выломали и унесли мозаику.

Но вернёмся к докладной записке. Далее Уварова подробно описывает раскопки, проведённые в 1853 году по распоряжению «Комиссии для исследования древностей» в Херсонесе её покойным мужем, графом А.С. Уваровым. Было исследовано несколько отдельно расположенных могил и склепов на некрополе, а на городище вскрыт полностью самый крупный в Херсонесе храм, который с того времени получил название «Уваровская базилика» (рис. 2).

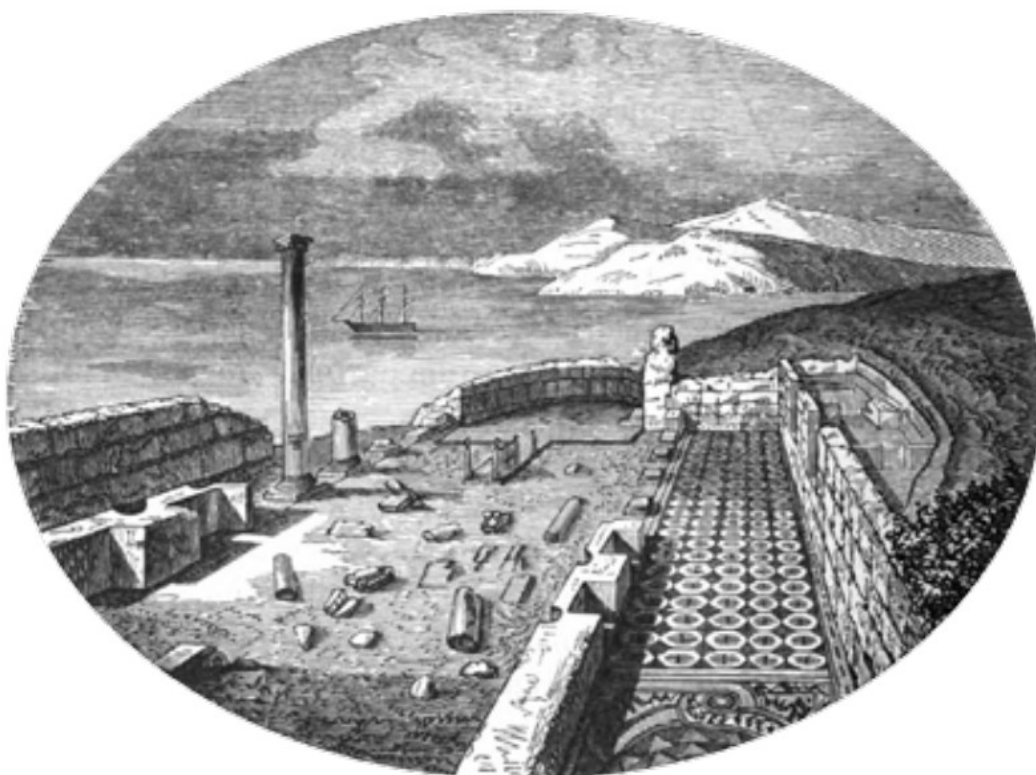

Рис. 2. «Уваровская» базилика⁶

⁶ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды: Крат. ист. очерк. – 2-е изд., пересмотр. – Киев: Типо-литография. С.В. Кульженко, 1914. IV. С. 68.

«Крымская война помешала графу продолжить раскопки. Мозаика и колонны храма были засыпаны землёй». Здесь графиня не совсем точна. В связи с начавшейся войной с Турцией министр внутренних дел граф Л.А. Перовский, обеспокоенный сохранностью херсонесских памятников, доложил Николаю I об открытии базилики с мозаичным полом. Император повелел немедленно перевезти его в Эрмитаж. В начале мая 1854 года доставка мозаики была поручена А.С. Уварову. Она была разобрана, отреставрирована на Петергофской гранильной фабрике и уложена в одном из залов Эрмитажа (ныне II зал античного отдела).

Заинтересовал Александра III и следующий пассаж в докладной записке:

«Французские войска заняли Херсонес и устроили в нём свою Главную Квартуру, при ней находились французские учёные, приехавшие, как после сами сознавались, с целью вскрыть несколько древних могил, с типом и вещами которых они познакомились по трудам графа Уварова. Но могилы эти остались немые и не открыли своих сокровищ»⁷.

Однако в этом вопросе графиня ошибалась. Во-первых, о результатах раскопок Уварова французские учёные ничего не могли знать, так как информация появилась в печати уже после Крымской войны. Во-вторых, судя по документам, французы никаких научных раскопок не проводили, был откровенный грабёж, осуществлявшийся рядовыми солдатами и офицерами. Были растащены древности, находившиеся в незадолго до того созданном в Херсонесе монастыре. Разобраны на сувениры находки, обнаруженные при строительстве на городище траншей и батарей⁸.

⁷ Письмо графини П.С. Уваровой к императору Александру III // ИИМК. Ф. ИАК, 1887 г. Д. 22.– Л. 22.

⁸ Два десятка лет тому назад мне было передано с десятков протирок с амфорных клейм, находящихся в фондах Лувра. Большинство из них содержат имена херсонесских астиномов, контролировавших керамическое производство в городе. В Средиземноморье, где французские археологи проводили исследование античных памятников, херсонесские клейма практически не известны. Вероятнее всего, луврские оттиски являются частью «боевых трофеев», захваченных в Севастополе. Не исключено, что в запасниках музея хранятся и другие херсонесские древности.

Вся отмеченная выше информация составляла своеобразную вводную частью докладной записки. Основой же её стала безрадостная характеристика современного состояния памятников Херсонеса. *«Но, что судьба спасла от иностранцев, то должно было погибнуть от рук тех, которые более других должны были дорожить первыми христианскими древностями народа русского. Всем известно, как архимандрит здешнего монастыря Евгений расхищал Херсонес и, нагружая ночью полные барки, сбывал свою добычу на фабрику шипучих вод в Севастополь. С тех пор прошло много десятков лет, а положение Херсонеса всё более и более ухудшается, ... храмы и могилы расхищены, город и могильники стоят не ограждёнными, раскопки проводятся полуграмотными монахами без всякого контроля и научного плана, древние стены выламываются и употребляются на нужды монастырские.*

Легко предвидится время, когда от древней Корсуни останется одна груда камней, никому не нужных, ничего не говорящих, никого более не привлекающих. Не того следовало бы ожидать от столь громадного и могущественного государства»⁹.

На полях против этого абзаца пометка – «Да!!!»

«Повели Государь и древний Херсонес станет русской Помпеей, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечёт к изучению своих древностей не только русских учёных, но и путешественников из Западной Европы. Труден и тернист путь, по которому пойдут первые работники и исследователи испорченного хищениями Херсонеса, но вера и надежда на лучшее будущее, на поддержку Вашего Императорского Величества направит, поддержит их силы и даст возможность довести дело до счастливого результата»¹⁰.

На полях против абзаца – «с радостью поддержу их».

«Эту трудную и на первых порах неблагодарную задачу возможно возложить на одно из археологических Обществ

⁹ Письмо графини П.С. Уваровой к императору Александру III // ИИМК. Ф. ИАК, 1887 г. Д. 22. – Л. 24.

¹⁰ Письмо графини П.С. Уваровой к императору Александру III // ИИМК. Ф. ИАК, 1887 г. Д. 22. – Л. 23.

(на полях рукой императора начертано – кому именно?), требуя от него устройства на месте отдельной археологической станции со своим хозяйством, инспектором и консерватором, со своими стражами и работниками. Устроив подобную станцию, следовало бы, сократив монастырь, обязать новых хозяев содержать священнослужителей для постоянного служения в местной церкви. На содержание же археологической станции следовало бы отдать ей те земли, которыми пользуется теперь монастырь, а именно 400 десятин каменистой степи вокруг Херсонеса и земли в Мелитопольском и Бердянском уездах. Таким образом, не расходуя ничего нового, Правительство могло бы требовать и ожидать от учёного общества того, что следовало бы дать Херсонесу уже много лет тому назад»¹¹.

Мы не знаем, какое впечатление на Александра III произвело предложение закрыть монастырь, но мне оно врезалось в память уже тогда, когда я впервые в студенческие годы познакомился с этим документом.

Адресат, которому была отправлена докладная записка, конечно, был мне знаком. Правда, в учебниках обычно его характеризовали в резко отрицательных тонах: консерватор и даже реакционер, тормозивший развитие России. Однако знакомство с теми замечаниями, которые оставил Александр III на полях записки графини Уваровой, по крайней мере, для меня, очеловечило эту явно незаурядную личность.

Что же касается автора записки, графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, то мне она была вообще незнакома. В учебниках археологии она не упоминалась. Спустился на первый этаж в библиотеку, открыл Большую Советскую Энциклопедию тридцатых годов, но и там графиня Уварова не упоминалась. Так что в дальнейшем приходилось собирать информацию по крохам, при этом она оказалась крайне противоречивой.

Высокую оценку деятельности супружеской четы Уваровых, прежде всего в организации музейного дела и краеве-

¹¹ Письмо графини П.С. Уваровой к императору Александру III // ИИМК. Ф. ИАК, 1887 г. Д. 22. – Л. 23.

дения в России, я нашёл в дореволюционной историографии. Правда, появлялись и критические замечания. Так, в начале XX в. увидела свет статья А.А. Спицына о раскопках А.С. Уварова курганов на Владимирской земле, где они оценивались, как методически несовершенные, в сущности бесплодные для науки и приведшие автора к ошибочным выводам¹². Именно это заявление стало отправной точкой и главным аргументом для оценки в советской историографии А.С. Уварова как дилетанта от археологии.

Так, еще в 1930 г. В.И. Равдоникас утверждал, что Уваров был типичным дилетантом. К археологии «относился как к охоте, к балету, к разведению породистых лошадей, к карточной игре»¹³. С ним был солидарен и А.В. Арциховский, по учебнику которого постигали в 50-е голы археологию студенты. Практически он повторил оценку, данную А.А. Спицыным: Уваров своими «даже для своего времени возмутительными»¹⁴ раскопками на Владимирской земле загубил для науки 7000 курганов и оставил кучу дилетантских сочинений, сейчас никому не нужных¹⁵.

Значительно позже в том же архиве ИИМК мне чисто случайно попала в руки рукопись статьи (видимо не опубликованной) украинского археолога К.Г. Болтенко «А.С. и П.С. Уваровы»¹⁶. Статья написана в соответствии со сложившейся в советской историографии разоблачительной оценкой деятельности этой супружеской четы. Но, если автор и признаёт кое-какие заслуги графа Уварова в развитии российской археологии, то для Прасковьи Сергеевны у него не нашлось ни одного доброго слова. И копать она не умела, и на археологических съездах выступала крайне неудачно, глав-

¹² Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия ИАК. СПб., 1905. – Вып. 15. – С. 84-90.

¹³ Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК, 1930. Т. VII. Вып. 3-4. С. 36.

¹⁴ Арциховский А.В. Введение в археологию. М.: Изд-во МГУ, 1947. С. 194.

¹⁵ Арциховский А.В. Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.; Л., 1955. С. 530.

¹⁶ Болтенко К.Г. А.С. и П.С. Уваровы // Архив ИИМК. Фонд 2. Д. № 165. – Л. 51-52.

ным образом рассказывая о заслугах своего покойного мужа, и, наконец, она была «религиозной фанатичкой», стремившейся по мере сил своих служить православию. Если первые два критических заявления можно было с определёнными оговорками принять, то последнее вызвало у меня откровенное недоумение.

Вспомнился заключительный раздел приведённой выше докладной записки графини, которая осталась для Болтенко явно не известной. Интересно, если бы автор был с ней знаком, смог ли бы он интерпретировать предложение П.С. Уваровой закрыть монастырь как факт «оголтелого религиозного фанатизма»?

Становилось ясно, что в советский период проходило не только сознательное замалчивание, но и целенаправленное искажение заслуг супружеской четы. И причина этому оказалась банальной. В той же рукописи Болтенко содержалась хлесткая фраза: «А.С. Уваров был достойным наследником своего отца – мракобеса С.С. Уварова», одного из крупных политических деятелей николаевской эпохи, оставившего заметный след в истории русской культуры. Он одно время занимал пост президента Императорской Академии наук, а позже на протяжении 15 лет был министром народного просвещения. Именно С.С. Уваров сформулировал как главную идеологическую опору России знаменитую триаду: православие, самодержавие, народность. В принципе он пытался обосновать необходимость сочетания широкого западноевропейского просвещения с сохранением национальных российских традиций. Естественно, что в советской историографии С.С. Уваров характеризовался резко отрицательно, а рикошетом это отозвалось на оценке деятельности его сына и невестки.

Отрезвление наступило в годы «оттепели». В книге А.А. Формозова, вышедшей в 1961 г. и посвящённой истории русской археологии, впервые после долгого перерыва была дана взвешенная оценка заслуг А.С. Уварова в формировании этой науки в России¹⁷. В дальнейшем появился ряд ста-

¹⁷ Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 85-88.

Рис. 3. Супруги Уваровы. 1) А.С. Уваров. Масло, 1885 г., автор Н.Е. Рачков (по: Уварова 2005: цветная вклейка); 2) П.С. Уварова. Масло, 1916 г., автор И.С. Куликов (по: Уварова 2005: цветная вклейка)

тей, в которых он был реабилитирован как археолог. Действительно, при раскопках Владимирских курганов не оправдан был размах работ. Практически не имевший опыта полевых исследований 26-летний археолог проявил неуместную торопливость и небрежность как в их проведении, так и в обработке полученного материала. Но говорить о «возмутительной методике» неправомерно. Раскопки были проведены на уровне своего времени.

В 1990 г. Муромский историко-художественный музей, вобравший в себя часть коллекций из уваровского имения Карачарово, провел первые «Уваровские чтения». Они стали постоянными, и к настоящему времени проведено уже 11 заседаний. В последние годы «Уваровские Таврические чтения», посвящённые Древностям юга России, проводит Херсонесский музей-заповедник. Была восстановлена на кладбище Новодевичьего монастыря могила учёного, сравненная с землёй в 1930-х годах.

Параллельно с этим шла также переоценка заслуг перед российской археологией супруги А.С. Уварова. Этому способ-

ствовали не только архивные материалы, но и опубликованные в постсоветской России её мемуары¹⁸.

Графиня П.С. Уварова, урождённая княжна Щербатова (1840–1924 гг.), родилась в родовом имении Бобрик Лебединского уезда Харьковской губернии¹⁹ 28 марта 1840 года²⁰ в небогатой, но одной из самых родовитых семей России. Детство и юность провела там же. Юную княжну хорошо учили и славно воспитывали. Её мать, урожденная княжна Святополк-Четвертинская, сама прекрасно образованная дама, старалась найти дочери лучших учителей. Русскую словесность преподавал профессор Ф.И. Буслаев, музыку – Н.Г. Рубинштейн, живопись – А.К. Саврасов. Прасковья Сергеевна знала три языка.

Осень и зиму 1856 года Щербатовы провели в Москве, где во время знаменательного для России события – торжественных дней коронации императора Александра II – проводились многочисленные концерты и балы, в просторечье получившие название – *«ярмарки невест»*. В Москве семейство Щербатовых приезжало в зимние месяцы следующих двух лет. Казалось, что молодую провинциалку целиком с головой захватил водоворот светской жизни с её праздниками и балами, *«которые полюбила, которыми увлеклась и, вероятно, потому была на всех из них не последней единицей»*²¹.

На этих балах княжна неоднократно встречалась с Львом Толстым, молодым, но уже ставшим популярным писателем. Он явно пытался за ней ухаживать, о чём свидетельствует одна из записей в его дневнике: *«со скукой и сонливостью поехал к Рюминым, и вдруг окатило меня. П.Щ. – прелесть. Весело целый день»*.

Совершенно иные впечатления об этих встречах сохранились у Прасковьи Сергеевны. *«Появился среди наших кавалеров и граф Л.Н. Толстой. Он усердно танцевал, знакомил-*

¹⁸ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: ГИМ, 2005. – С. 144.

¹⁹ Во многих работах ошибочно указано Бобрики Лебединского уезда [ред.].

²⁰ Здесь и далее все даты даны по старому стилю.

²¹ Уварова П.С. Былое... – С. 48.

ся, ухаживал, носился сам с собой и искал везде и во всех, по собственному признанию, героев и героинь для будущих своих произведений. Много мазурок просидела я с ним, спорила без конца о его героях и героинях, о суете мирской, о призвании человека, о соблазнах, вносимых в народные массы нашей роскошью и балами и ...остаюсь при своём мнении, что у него на чердаке уже и тогда не всё было в порядке»²².

И как в воду глядела, никто из литературоведов не сомневается, что симпатичный образ Кити Щербацкой, одной из героинь «Анны Карениной», списан с Параши Щербатовой.

В начале зимы 1857 года переселился в Москву из Петербурга граф Александр Сергеевич Уваров, назначенный на должность товарища попечителя Московского учебного округа. Прасковья Сергеевна так описывает свои впечатления о первых встречах с графом. Он «стал посещать балы и концерты знакомиться с нами молодёжью и оказывать мне внимание – мужская молодёжь стала негодовать на приезжего петербуржца. Мне же, которая не увлекалась зелёной молодёжью и льстивыми ухаживаниями Льва Толстого, мне нравилась та ласковая осторожность, с которой подходил ко мне новоприезжий, которого, если он искал себе жену, пугали, вероятно, и моя молодость, и моё кажущееся увлечение балами и удовольствиями»²³.

Александр Сергеевич, несомненно, казался «белой вороной» среди окружения княжны, он был столь интересен, так много знал и так увлекательно рассказывал о разных древностях, что любознательная девушка едва ли могла устоять перед его умом. Знакомство закончилось бракосочетанием в 1859 году.

Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884 гг.) родился 28 февраля 1825 г. После окончания отделения словесности философского факультета Петербургского университета Алексей Сергеевич начал службу в Министерстве иностранных дел. Однако карьера дипломата мало его привлекала. Ещё в студенческие годы он увлёкся зарождающейся в то время

²² Уварова П.С. Былое... – С. 46-47.

²³ Там же. С. 48.

новой исторической дисциплиной – археологией. Это был «антикварный» период развития археологии, когда интересы археологов в России были сосредоточены главным образом на изучении древностей Причерноморья. Отдал дань этому направлению и Уваров. Он является одним из учредителей появившегося в 1846 году Петербургского Археолого-нумизматического общества, вскоре переименованного в Императорское Русское Археологическое общество (РАО), которое ставило своей целью изучение классических древностей и нумизматики. Воспользовавшись командировками за границу по службе, Уваров завершил образование, прослушал курс лекций в Берлинском и Гейдельбергском университетах.

На одном из первых заседаний РАО был рассмотрен вопрос о необходимости пополнить сведения о памятниках древности, сохранившихся на берегах Чёрного моря. С этой целью было решено командировать в южные районы страны одного из членов общества. Но для такой поездки требовались значительные денежные средства, которые у общества отсутствовали. Тогда 22-летний граф А.С. Уваров предложил поручить ему это учёное путешествие, которое он был готов совершить за собственный счёт²⁴. Предложение было принято с благодарностью, а летом и осенью 1848 г. Уваров объехал территорию от Дуная до Тамани. Материалы путешествия вошли в первый археологический труд А.С. Уварова²⁵. Хотя его попытки в нём решить спорные вопросы исторической географии чаще всего оказались неудачными, он первым из членов РАО занялся описанием памятников, съёмкой планов древних городищ и курганов на местности.

В дальнейшем А.С. Уваров в начале 50-х гг. XIX в. проводил археологические исследования уже по распоряжению

²⁴ Более подробная информация содержится в фундаментальной работе И.В. Тункиной, в которой детально, с использованием новых архивных документов, освещены вопросы организационного оформления и функционирования классической археологии, в том числе деятельности Императорской Академии наук: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб: Наука, 2002. – 676с. – С. 248 сл.

²⁵ Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Чёрного моря. Вып. I-II. – СПб, 1851, 1856.

«Комиссии для исследования древностей». Это первое в России государственное учреждение по проведению археологических изысканий и контролю над ними было создано по инициативе министра внутренних дел графа Л.А. Перовского – страстного любителя археологии. Первоначально комиссия функционировала при министерстве внутренних дел, а с 1852 г. при Кабинете Его Императорского Величества.

В 1851-1852 гг. А.С. Уваровым были проведены уже отмеченные выше широкомасштабные работы по исследованию курганов во Владимирском и Суздальском уездах²⁶. А в следующем году – раскопочные работы в Ольвии, Неаполе Скифском и Херсонесе²⁷.

В 1855 г. умирает отец графа, а затем в следующем году и его покровитель Л.А. Перовский. «Комиссию для исследования древностей» вскоре переименовали в «Императорскую Археологическую комиссию (ИАК)», и возглавил её С.Г. Строганов, с которым у Алексея Сергеевича были довольно прохладные отношения. Поэтому служить под его началом он не захотел. От активной деятельности в археологии Уваров был тем самым оттеснен. Теперь ничто не удерживало его в Петербурге, и он перебрался в Москву, где получил должность помощника попечителя Московского учебного округа. Вместе с тем к этому времени он был уже хорошо известен в научных кругах Западной Европы как один из ведущих археологов России. Вскоре после женитьбы Алексей Сергеевич вообще ушел в отставку в придворном чине камергера и отправился с Прасковьей Сергеевной на два года в свадебное путешествие за границу.

Именно в ходе этого путешествия Прасковье Сергеевне стали близки и понятны занятия мужа. А.С. Уваров деликатно способствовал формированию её научных интересов. *«Как ученый и археолог, он незаметно руководил моим внимани-*

²⁶ В дальнейшем А.С. Уваров использовал часть полученных в ходе раскопок материалов при написании монографии «Меряне и их быт по курганным раскопкам». М. 1872.

²⁷ Уваров А. С. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических раскопках в 1853 г. СПб., 1855.

ем, останавливая его на более выдающихся зданиях, их архитектурных подробностях и объясняя причины тех разнородных и разновременных влияний, которые вызывали во мне замечания.

Передо мной открылся совершенно новый, чудный мир, с новыми взглядами не только на историю и искусство, но, откровенно говоря, и на всю жизнь. Стали близки и понятны занятия мужа, его увлечения»²⁸.

Стремясь глубже понять археологию Европы и быть компетентной и достойной женой своего мужа, Прасковья Сергеевна в ходе поездки отводила много времени на знакомство со специальной научной литературой. Надо сказать, что зачастую это вызывало удивление европейских коллег А.С. Уварова. В мемуарах графиня приводит свой диалог с известным французским историком Эрнестом Ренаном, заставшим её за чтением книги по истории искусства: *«Отвечая на его удивление, я сказала, что смолоду не привыкла к романам, так как мне их не давали, а теперь, что муж у меня археолог, мне некогда ими заниматься, так как имеющиеся книги интереснее романов и должны мне помочь дорасти до работ и научных интересов мужа»²⁹.*

После возвращения в Россию начался новый наиболее плодотворный период в жизни А.С. Уварова. Он окончательно обосновался в Москве. В это время у него появился интерес к изучению наиболее ранних памятников, находившихся на территории России и относящихся к каменному веку, а также к славянским древностям. Соответствующее предложение развивать эти направления было направлено в Петербургское археологическое общество и Археологическую комиссию. Но руководство этими организациями не откликнулось на призыв. Там продолжали считать, что только греческие и скифские древности заслуживают внимание археологов.

Тогда у графа Уварова возникла идея сделать именно Москву своеобразным археологическим центром России, для чего необходимо создать новое археологическое общество.

²⁸ Уварова П.С. Былое... С. 48-49.

²⁹ Уварова П.С. Былое... С. 50.

Предложение было встречено сочувственно известными московскими любителями и исследователями старины. Официально Московское археологическое общество (МАО) открылось 4 октября 1864 г. Был принят устав, согласно которому общество должно было выполнять три задачи: 1) заняться археологией, преимущественно славяно-русской, 2) проводить популяризацию этой области знания в широких кругах с тем, чтобы *«возбудить в обществе сочувствие к археологии»*, 3) организовать и проводить археологические съезды.

Следует иметь в виду, что термин археология в тот период понимался более широко, в него включалось не только исследование археологических объектов, но и изучение истории древней архитектуры, археография и чисто исторические темы, если они касались не политических событий, а быта людей.

Первый съезд МАО открылся в Москве 16 марта 1869 г. При его подготовке был разработан вопросник, ответы на который должны были, так или иначе, содержаться в докладах. Так делалось и в дальнейшем. Благодаря этому заседания шли не стихийно, а по заранее намеченной программе. До начала I Мировой войны состоялось 15 съездов. При этом, если первоначально они проводились в Москве, то в дальнейшем были задействованы и другие города европейской части России. Кроме того, подготовительные комитеты к съездам проводили раскопки близ тех городов, где намечалось их проведение, и участники их выезжали в поле, доследовали памятники и обменивались мнениями. В этом проявилась сильная сторона организаторской деятельности Уварова. К изучению древностей России привлекалась широкая масса провинциальных любителей, а сами съезды способствовали развитию краеведения в различных регионах.

В промежутке между съездами члены МАО, находившиеся в Москве, регулярно собирались на научные заседания, где читали и обсуждали те или иные доклады. А.С. Уваров в этом отношении был очень активен. За 20 лет, пока он состоял председателем общества, им было сделано более 70 до-

кладов на самые разные темы – от каменного века до русской нумизматики, иконописи и архитектуры.

Активнейшее участие в работе МАО принимала и графиня Уварова. Именно она координировала подготовку археологических съездов, была председателем их подготовительных комитетов, участвовала в составлении программы, вела переписку, выезжала на места, знакомилась и поддерживала связи с местными учеными, краеведами, представителями власти.

Она стала незаменимым сотрудником и сотоварищем Алексея Сергеевича. Не случайно он посвятил жене свою книгу «Каменный период», на титульном листе которой оставил запись: *«Ты всегда участвовала во всех моих путешествиях и постоянно содействовала мне в моих изысканиях»*. Одну из своих наград, медаль, поднесенную ему на Тифлисском съезде археологов, граф подарил Прасковье Сергеевне с гравированной надписью: *«Любимому сотруднику»*.

Несомненной заслугой Уварова перед российской исторической наукой стало его участие в создании Исторического музея в Москве. Он не только был инициатором его строительства, на осуществление которого им были пожертвованы значительные денежные суммы, но под его руководством проходило обсуждение принципов оформления экспозиции музейных залов. Фактически он был и первым директором музея.

В марте 1883 года в период коронационных торжеств Александр III посетил незадолго до этого открытый Исторический музей. В вестибюле его ждали Алексей Сергеевич с супругой. Именно он познакомил императора с экспозицией музея, который не мог не отметить принципиальную разницу в её оформлении от той, которая с детских лет была хорошо известна ему по залам Эрмитажа. Там выставляли главным образом отдельные раритеты, здесь же стремились представить все периоды истории Российского государства с древнейших времен.

Последний съезд, на котором уже больным председательствовал Уваров, состоялся в августе 1884 г. в Одессе. После

его окончания участники съезда переехали в Крым, где провели осмотр разных памятников. Побывали они и в Севастополе, где в первую очередь совершили экскурсию в Херсонес. Алексей Сергеевич как никто другой смог оценить нависшую над древностями Херсонеса опасность, и, видимо, поделился своими впечатлениями с графиней, которая ждала мужа в Ялте. Однако смерть помешала графу вмешаться в дела Херсонеса. Эту задачу, как мы видели выше, попыталась решить Прасковья Сергеевна, написав докладную записку на Высочайшее Имя. Предварительно она лично посетила Херсонес, уже после смерти мужа в 1886 г.

Знакомясь с запиской графини, Александр III, несомненно, знал и о кончине графа и о казусной истории, случившейся при выборе нового председателя МАО. Собралось правление, на заседании которого наиболее приемлемой кандидатурой была названа Прасковья Сергеевна, на протяжении двадцати лет активно помогавшая мужу в организации работы Общества. Но, к удивлению многих присутствующих, оказалось, что графиня не являлась членом Общества. Несмотря на свои новаторские начинания в организации археологического изучения России, Алексей Сергеевич в отдельных вопросах оставался типичным консерватором. Так, в частности, он был решительным противником присутствия в Обществе *«дамского элемента»* и в этом вопросе не сделал исключения даже для ближайшего сподвижника и сотрудника – своей супруги. Из создавшейся патовой ситуации правление вышло с честью. На том же заседании Прасковья Сергеевна была избрана почётным членом Общества, а через три месяца его Председателем, факт даже для европейской науки редчайший, а для России – вообще из ряда вон выходящий.

Следует отметить, что она восприняла оказанную честь с определённой долей юмора, заметив, что при выборе учитывался и тот факт, что, *«если я окажусь неспособной, то всегда легче и для них покойнее ...свалить вину на слабую неспособную женщину»*³⁰. Таким образом, представленная на Высо-

³⁰ Уварова П.С. Былое... С. 159.

чайшее Имя докладная записка должна была стать одним из дебютных шагов графини на новом поприще. В апреле 1887 года состоялось заседание Правления МАО, на котором была заслушана и одобрена записка Уваровой, а через полтора месяца с ней познакомился уже Александр III.

В результате вверху титульного листа документа он начертал распоряжение статс-секретарю: *«Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров. Поговорите об этом деле, с кем следует, и представьте мне заключение и как можно скорее, чтобы спасти всё, что можно спасти»*³¹.

Итак, громоздкая и неповоротливая (именно так её характеризуют многие классики русской художественной литературы XIX в.) бюрократическая имперская машина заработала, выполняя монаршую волю.

Прежде всего, с докладной записки немедленно было сделано несколько копий, которые были разосланы заинтересованным лицам. Уже в середине июня в руках Александра III появился первый отклик на записку Уваровой – заключение, составленное по результатам совещания министра народного просвещения И.Д. Делянова с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым и помощником председателя Санкт-Петербургского Русского Археологического общества А.Ф. Бычковым.

После краткого перечисления основных этапов изучения Херсонеса, в общих чертах подтверждающих выводы графини Уваровой о необходимости принятия экстренных мер для спасения памятника, в заключении рекомендуется:

«1) объявить, что производство дальнейших раскопов на местности древнего Херсонеса строго воспрещается и будет преследуемо (пометка Александра III на полях – *главное, чтобы действительно выполнялось, теперь же строго запретить монахам производить раскопки и продавать найденные вещи*);

2) возложить на Императорскую Археологическую комиссию, совместно с Одесским обществом истории и древ-

³¹ Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1887 г. Д. 22, Л. 16.

ностей ежегодно в определённое время проводить раскопку в Херсонесе;

3) для предметов найденных и имеющих быть найденными в Херсонесе устроить музей иверить его охранение заслуженным ветеранам-воинам, под управлением специалиста археолога;

4) на всё это назначить достаточную сумму денег в размере, впрочем, не свыше 3-5 тысяч ежегодно».

Несомненный интерес представляет и заключительный абзац докладной записки:

«Что касается предложения графини Уваровой обращения в приходскую церковь монастыря и отнятия у него назначенной ему земли, то это едва ли может быть признано уместным». Высказанные пожелания были одобрены императором – на полях пометка: «хорошо»³².

Вторая копия записки Уваровой была отправлена в ИАК с просьбой дать заключение. Председателя Комиссии А.А. Бобринского в Петербурге не было, он проводил отпуск на Украине в своём родовом имении Смела. Получив по почте копию записки, он телеграммой отдал распоряжение барону В.Г. Тизенгаузену, замещавшему его в Комиссии: *«Начать подготовку раскопок (в Херсонесе – В.К.), вне зависимости от хода обсуждения, сделать всё, чтобы задержать окончательное решение вопроса до начала работ, если не удастся, то стремиться доказать, что ни одно археологическое общество, будучи частной организацией, не способно вести раскопки в Херсонесе. Сделать всё, чтобы контроль был сохранён за Комиссией. Ссылаться на стремление её уже в этом году начать раскопки»*³³.

Здесь мы впервые встречаемся с новым лицом, сыгравшим одну из ключевых ролей в изучении Херсонеса в дореволюционный период – графом Алексеем Александровичем Бобринским (1859–1927 гг.). Он принадлежал к известному в России роду Бобринских, основателем которого был побочный

³² Арх. ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 22. Л. 11-14.

³³ Арх. ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 22. Л. 15.

сын Екатерины II Алексей Григорьевич. Некоторые из его потомков оставили заметный след в истории России.

Особенно был известен его сын Алексей Алексеевич. Он первым в России серьёзно занялся появившейся в Западной Европе фотографией, разработал и на практике применил новый метод изготовления фотографических отпечатков. Во многом благодаря его инициативе и финансовым вливаниям появилась в России первая железная дорога. Но главным его достижением стала организация производства в России сахара из сахарной свеклы. Если до него этот продукт привозили из Индии, и продавался он в аптеках по цене два рубля за фунт (457 г.), что немногим уступало в то время стоимости коровы. То к концу его жизни, когда уже работало несколько десятков заводов, производивших сахар, его цена упала до 13 копеек за фунт. Первые заводы были организованы в Бобринках, родовом имении под Тулой. В дальнейшем они были переведены в имение Смела, находившееся в Киевской губернии, где природные условия для произрастания свеклы были более благоприятные. Именно это имение, по территории занимавшее более 40000 гектаров, получил по наследству Алексей Александрович.

К этому времени молодой граф как раз окончил Петербургский университет и начинал чиновничью карьеру. Прогресс по службе проходил столь успешно, что в 1886 г. в 27-летнем возрасте он получил предложение возглавить Императорскую Археологическую комиссию. А так как он со студенческих лет интересовался археологией, то, не раздумывая, принял это предложение.

Разбирая бумаги своего предшественника, Алексей Александрович натолкнулся на переписку ИАК с организаторами «Кружка любителей истории и археологии Крыма», созданного незадолго до этого в Севастополе. Познакомился он и с другими документами, находившимися в архиве Комиссии, прежде всего, с теми, которые были посвящены раскопкам в Херсонесе, проводившимися в предшествующие два десятилетия. Неприглядная картина состояния археологических памятников Херсонеса для него стала очевидна.

Рис. 4. А.А. Бобринский в 1915 г.³⁴

Регулярные раскопки в Херсонесе начали осуществляться ещё с середины 70-х гг. XIX в. Относительно небольшие средства на их проведение выделялись Министерством Народного просвещения Императорскому Одесскому обществу истории и древностей (ИООИД). Однако, последнее передоверило проведение раскопок местному монастырю, не осуществляя постоянный контроль над проводимыми работами. Принципы организации и результаты этих работ довольно скоро стали объектом суровой и, в основных

чертах, заслуженной критики, исходящей как со стороны научных кругов, так и широкой общественности. Переломным оказался 1884 год. С одной стороны, возникли трудности с финансированием дальнейших раскопок, проводимых монастырём. С другой – Военное ведомство запланировало крупные строительные работы на городище, руководство которыми было поручено инженер-полковнику А.Л. Бертье-Делагарду. Предварительное археологическое исследование района, где должно было осуществляться строительство батарей, вообще не планировалось. Правда, в какой-то степени Херсонесу повезло. Бертье-Делагард был известным коллекционером и знатоком древностей Крыма. Ему удалось наладить сбор археологического материала, встреченного строителями в ходе уничтожения культурного слоя на городище. Все обнаруженные находки (среди них одних монет насчитывались более 800) были препровождены в ИООИД. Правда, в научный оборот находки не были введены, видимо, затерялись в фондах Одесского музея и оказались депаспортизированы.

³⁴ Бобринский А.А. [Электронный ресурс] – URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/2/26/Alexey_Alexandrovich_Bobrinskiy2.jpg/1280px-Alexey_Alexandrovich_Bobrinskiy2.jpg.

Показательна в связи с раскопками Херсонеса в этот период полемика, развернувшаяся весной 1884 года на страницах газеты «Севастопольский листок» между редакцией, в составе которой находились активные члены «Кружка любителей истории и археологии Крыма» и вице-президентом Одесского общества В.Н. Юргевичем³⁵. Последний в письме, присланном в газету, оценил как неудовлетворительные результаты раскопок, проводимых обществом в Херсонесе, когда, затратив несколько тысяч рублей, *«мы не получили, хотя бы малоценной вещи»*. Основной причиной неудачи он считал противозаконную, по его мнению, деятельность севастопольских любителей, скупавших похищенные солдатами, занятыми на раскопках, древности.

В комментариях к письму редактор газеты (один из инициаторов создания Кружка) К.К. Косцюшко-Валюжинич резонно указал на то, что уважаемый профессор путает причину со следствием. Нельзя получить от раскопок, проводимых без надлежащего надзора, хороших результатов. Да и чего можно было ожидать, *«когда этим делом заведовали лица, хотя и достойные всеобщего уважения, но взявшиеся за археологические изыскания не сочувствуя им»*. В заключении отмечалось, что *«нужно только радоваться, что большинство расхищенных в Херсонесе предметов попало в руки честных любителей и украшают теперь коллекции местного музея»*.

Для Алексея Александровича стало ясно, что ИАК должна поставить под свой контроль проведение раскопок в Херсонесе. Это стало первым серьёзным мероприятием, затеянным новым председателем Археологической комиссии.

В конце января 1887 г. он направил ходатайство на имя И.Д. Петрова – министра императорского двора, в подчинении которого находилась Комиссия³⁶. В нём сообщалось, что в последнее время в ходе строительных работ, проводившихся Военным ведомством на территории херсонесского городища, были уничтожены многие интересные памятники древности.

³⁵ Севастопольский листок. 1884. № 14 и № 26.

³⁶ Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 22. Л.6.

Комиссии об этом стало известно только тогда, когда работы были закончены. В связи с этим Комиссия признаёт необходимым ежегодно производить систематические раскопки в Херсонесе.

Работы планировалось начаться летом 1887 г., были проведены предварительные переговоры с Бертье-Делагардом. А 24 апреля Бобринский отправил ему письмо, в котором сообщалось: *«Считаю долгом воспользоваться изъясненной Вашим Высокопревосходительством готовностью заняться в нынешнем году исследованием некоторых частей древнего Херсонеса, ИАК назначила в Ваше распоряжение на производство этих работ аванс в 2,5 тысячи руб. Для ближайшего и окончательного обсуждения на месте подробностей плана раскопок в мае месяце приедет в Севастополь член ИАК профессор Н.П. Кондаков, которым будут прикомандированы к Вам в помощь два студента Новороссийского университета, имеющие находиться при раскопках...»*³⁷.

Таким образом, общее руководство планировалось возложить на члена Комиссии, известного историка византийского и древнерусского искусства, профессора Н.П. Кондакова. Однако, в связи с тем, что последний не являлся археологом, было решено привлечь в качестве наблюдателя над проведением раскопок Бертье-Делагарда, на что тот, как мы видим, дал своё согласие.

Однако в последний момент, как свидетельствует запись, оставленная, видимо, Бобринским красными чернилами под письмом от 24 апреля, раскопки *«по независящим от Комиссии причинам не были произведены в 1887 г. в связи с военными работами в Херсонесе по данным телеграммы Кондакова»*³⁸ и перенесены на следующий год. Имеется и иная версия: раскопки не состоялись *«вследствие командирования за границу профессора Кондакова»*. Об этом упоминается в письме старшего члена Комиссии барона Тизенгаузена Бертье-Делагарду от 27 июля.

³⁷ Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 22. Л.6.

³⁸ Там же. – Л.6.

Именно в этот момент в руках Бобринского оказалась Записка графини Уваровой.

Познакомившись с ней, он понял, что МАО было бы не прочь получить право на проведение раскопок в Херсонесе. Но допустить это он никак не мог. Отсюда и понятен его совет, содержащийся в телеграмме, отправленной Тизенгаузену: *«Сделать всё, чтобы контроль (над раскопками в Херсонесе – В.К.) был сохранен за Комиссией»*.

Дело в том, что соперничество между ИАК и МАО началось ещё при графе Уварове, задолго до того, как Бобринский возглавил Комиссию. Слишком разными по составу и целям были эти две организации. ИАК являлась государственным учреждением и была элитарной организацией. Когда Бобринский начинал деятельность на посту её Председателя, полноправных членов комиссии было всего несколько человек. Правда, это были известные специалисты в области археологии и истории искусства. МАО с самого начала было подлинно общественной организацией, двери которой были открыты для всех любителей древности.

Интересно посмотреть, какие претензии предъявляли ИАК и МАО друг другу. В этом отношении несомненный интерес представляет рапорт А.А. Бобринского от 18 ноября 1899 г. о поездке на юг России, в ходе которой он посетил очередной съезд МАО, проходивший в августе в Киеве³⁹.

«Впечатление, вынесенное мною из съезда, было самое неудовлетворительное. Научное отношение к делу было вытеснено дилетантизмом, популярничаньем, дешевым блеском, и не удивительно, если принять во внимание состав съезда. Членом съезда имеет право быть всякое лицо, уплатившее 4 рубля за билет. В результате на несколько сот членов съезда можно было насчитать не более двух десятков археологов – все остальные являются случайными людьми и любителями. Понятно, что от подобных собраний нельзя ожидать серьёзных постановлений».

Что касается председателя съезда гр. П.С. Уваровой, то

³⁹ Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1889. Д. 10. Л.19.

наблюдается «нетерпимость к какому бы то ни было иному археологическому учреждению. К ИАК же гр. Уварова относится прямо враждебно, протестуя против её права и законов, установленных к упорядочению дела раскопок и реставрации.

Кроме того, в области археологии, как и везде, существуют лица, готовые воспользоваться всякой смутой для личных выгод. Этим лицам в настоящее время открыто свободное поле деятельности. Посему является необходимым точно определить предел власти каждого из вышеупомянутых ведомств.

Для МАО, как вообще для всех наших археологических обществ, следует установить определённый район действий, в пределах коих можно предоставлять обществам самостоятельность. Но они не должны иметь права распоряжения в других частях империи без разрешения Правительства».

Действительно, определённые резоны в оценке Бобринским деятельности МАО существовали. Среди её членов были не только случайные люди, но и те, кто занимался откровенным кладоискательством, уничтожая по ходу дела археологические объекты. Да и раскопки, проводимые энтузиастами археологами-любителями при отсутствии у них соответствующей подготовки, зачастую приводили к тем же результатам.

Стремясь поставить археологические исследования под контроль государства, А.А. Бобринский добился введения уже на третий год своего председательства в Комиссии так называемых «Открытых листов». По идее проводить археологические раскопки могли теперь лишь обладатели таких листов, и они были обязаны предоставлять в ИАК отчёты о проведённых работах. Однако такая система распространялась только на государственные, городские и крестьянские земли. Помещичьи земли находились вне юрисдикции государства. Поэтому проводить здесь археологические исследования можно было только с согласия владельца. В результате, например, несколько десятилетий не удавалось начать систематические раскопки Ольвии, так как владельцы земли, на которой находилось городище, не давали согласие на проведение на нём

раскопок. Зачастую сами помещики организовывали массовый снос курганов, находившихся на их землях, в поисках раритетов, которые поступали либо в их коллекции, либо на антикварный рынок. Ни один из законов не запрещал такую практику.

Положение, по крайней мере, в юридической плоскости, коренным образом изменилось после революции. Вся земля была объявлена государственной собственностью, а практика выдачи «Открытых листов» на проведение археологических исследований была распространена на всю территорию Советского Союза. В уголовном кодексе даже появилась статья, предусматривающая наказание за самовольные раскопки.

Однако реально она попала в разряд деклараций о добрых намерениях. По крайней мере, мне неизвестны случаи, когда кто-то был серьёзно наказан за нарушение этого закона. В результате на протяжении многих десятилетий в ходе хозяйственной деятельности он просто игнорировался. Ярким примером является судьба андроновского могильника у с. Кытманово, описанная в первом сюжете.

Но вернёмся к вопросу о противоречиях между ИАК и МАО. У членов Московского общества также были претензии к Комиссии. Наиболее чётко они сформулированы в одном из писем некоего Палькина, которое находится в архиве Херсонесского музея-заповедника⁴⁰. Автор побывал на Кавказе, где, по его мнению, гибнут памятники археологии. Главной причиной этого, с его точки зрения, является позиция, занятая «генералами от археологии». Несомненно, в первую очередь, имелся в виду граф Бобринский.

«Они («генералы» – В.К.) боятся подпустить к древностям любителей и требуют диплома, а между тем эти то любители работают для науки более дипломных археологов. Другое дело — это ограбление древностей нашей археологической комиссией. Что за презрительное отношение к провинции. Чуть что нашли интересное, клад-ли, стелу, скульптуру и пр. – подавай сюда к показу в Петербург, провинция не доросла и черепком будь довольна. Какая-то жад-

⁴⁰ РА ГИАМЗ ХТ. Д. 44. № 376.

ность, куда-то прячут. ...Большинство хранится за семью замками от публики».

Интересный штрих. Против «генералов» выступил не просто коллекционер, а полковник в отставке.

Таким образом, и МАО, стремившееся объединить усилия всех любителей в изучении древности и «*возбуждении в обществе сочувствия к археологии*», вполне правомерно выступало против отдельных мероприятий ИАК, мешавших осуществлению этих благородных задач. В частности, это касалось и практики, сложившейся с самого начала её работы, когда поступающие в Комиссию наиболее ценные экспонаты, направлялись в Эрмитаж, а прочие материалы распределялись по разным музеям. В результате отдельные археологические комплексы (прежде всего, клады монет) дробились, зачастую депаспортизировались, в результате чего становились практически бесполезными для научного изучения.

Что касается хлёсткого заявления, что «генералы от археологии» мешают дальнейшему развитию российской археологии, то к графу Бобринскому оно никак не могло относиться. Он выполнял свои обязанности как Председателя ИАК достойно, скрупулёзно вникая во все материалы, поступившие в Комиссию. Кроме того, он не гнушался, как мы увидим ниже, и черновой работы, которую обычные генералы перекладывали на плечи своих подчинённых.

Теперь имеет смысл вернуться к той телеграмме, которую отправил Бобринский из Смелы, ознакомившись с Запиской графини Уваровой. В ней он сообщил, что намерен в скором времени посетить херсонесские развалины и на месте обсудить с вице-президентом ИООИД В.Н. Юргевичем «*подробности дела*».

Благодаря некоторым документам, сохранившимся в архивах, нам известно не только время, но и некоторые подробности пребывания Бобринского в Севастополе. Среди его бумаг, хранящихся в архиве ИИМК, находится тонкая папка с интригующим названием: «Об аресте графа А.А. Бобрин-

ского в Херсонесе»⁴¹. Первый лист архивного дела содержит вырезанную из газеты «Новое время» заметку, сообщающую об этом казусном случае. Основная её часть – приказ по 13-й пехотной дивизии от 13 сентября 1887 года: *«Унтер-офицер 49 Брестского полка Беляев 5-го минувшего августа задержал неизвестного ему человека... снимавшего план батареи и потребовал от него билета на право посещения окрестностей батареи. Но когда такого билета не оказалось у него, то отобрал рисунки и препроводил его самого под конвоем в крепостное артиллерийское управление»*⁴².

После того как было выяснено, что задержанный является председателем ИАК, камергером ЕИВ графом Бобринским, он был отпущен с извинениями.

*«Из вышеизложенного, усматривая бдительность часового и строгое исполнение унтер-офицером обязанностей караульной службы, объявить благодарность ротному командиру... и дать награды всем исполнившим свой долг при полном соблюдении военной вежливости. Начальник 13-й дивизии, генерал-лейтенант Батьянов»*⁴³.

Видимо, вначале граф решил проигнорировать появившуюся газетную заметку. Но после того, как этот приказ был перепечатан во многих других газетах, он не выдержал и написал сердитое письмо Ропу, командиру 7-го армейского корпуса, в состав которого входила 13-я дивизия:

«Отдавая полную справедливость бдительности и вежливости нижних чинов, задержавших меня, пока я намечал карандашом на листе бумаги следы развалин древнего Херсонеса, я должен, однако, заметить, что меня весьма удивили слова приказа, что я “снимал план батареи”. Генералу Батьянову могло быть, кажется, известно, что меня как председателя Археологической Комиссии интересовали в Херсонесе не батареи, а развалины древнего города и что недоразумение, подавшее повод к моему задержанию, было

⁴¹ Об аресте графа А.А. Бобринского в Херсонесе // Арх. ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 10.

⁴² «Новое время», № 4165 // ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 10. Л.1.

⁴³ Там же. – Л.2.

немедленно выяснено местным военным начальством, возвратившим мне мои археологические пометки... Не желая переносить дальше объяснение по этому делу на почву газетной полемики, я не считаю себя, однако, вправе совершенно обойти молчанием такое странное толкование цели посещения мною развалин древнего Херсонеса»⁴⁴.

Незамедлительно последовал ответ Роба с извинениями и негативной оценкой приказа: «со своей стороны был крайне удивлён и огорчён бестактным поступком Начальника 13 пехотной дивизии».

Но Батьянов, вероятно, не разделял мнение своего непосредственного начальника. Вряд ли случайно письмо на имя Бобринского было направлено им лишь через три месяца после появления газетной заметки. В письме отмечается: «Так как приказы по дивизии есть дело совершенно домашнее... то в этом приказе я не считал нужным оправдать Ваше появление и работы на береговых батареях... Появление же в печати этого приказа меня изумило и даже возмутило». Видимо, проведя собственное расследование, Батьянов узнал, «что этот приказ разрешил передать в газету начальник штаба Одесского военного округа генерал-майор барон Вревский». Получил ли какое-либо взыскание барон за то, что «слил» служебную информацию газетчикам, об этом история умалчивает. Инцидент был исчерпан.

Бобринский задержался в Севастополе ещё на несколько дней. Не исключено, что он опять посетил Херсонес, побывал на территории и в помещениях монастыря, где находились обнаруженные монахами древности. Скорее всего, на сей раз подробный осмотр развалин древнего Херсонеса проводился совместно с прибывшим в Севастополь Юргевичем. С ним были обсуждены и меры, которые необходимо было принять во исполнение монаршей воли. В заключение беседы Юргевич сообщил, что правление ИООИД предлагает привлечь для участия в археологических исследованиях Херсонеса члена-корреспондента Общества Карла Казимировича Кос-

⁴⁴ Там же. — Л. 2.

Рис. 5. К.К. Косцюшко-
Валюжинич
[https://sevastopol.su/
news/hersones-na-obochine-
sobstvennoy-istorii](https://sevastopol.su/news/hersones-na-obochine-sobstvennoy-istorii)

цюшко-Валюжинича, проживавшего в Севастополе. Эта достаточно редкая фамилия была уже Бобринскому знакома. Просматривая бумаги ИАК за предшествующие годы, он натолкнулся на обращение Косцюшко с прошением о зачислении его на вакантное место директора Керченского музея. В заявлении было сказано, что занятие археологией было заветной мечтой автора. Однако приложенные к прошению автобиография и послужной список мало соответствовали заявленной мечте.

Косцюшко родился в семье мелкопоместного дворянина польского происхождения. Шесть лет учился на подготовительном отделении Института Корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге. После расформирования Института, не завершив обучения, он в связи с материальными затруднениями вынужден был начать трудовую деятельность на железной дороге в должности конторщика, а затем помощника главного инженера. Серьезное заболевание лёгких потребовало смены климата, и Косцюшко перебрался в Севастополь. Здесь он первоначально работал бухгалтером на железной дороге, а затем в Севастопольском городском банке, где быстро дослужился до должности товарища (заместителя) директора. Складывалось впечатление, что Комиссия имеет дело с типичным любителем, для которого археология является своеобразным хобби. Но как Бобринский относился к любителям от археологии, мы видели выше. Естественно, что прошение Косцюшко было отклонено.

Во время встречи с Юргевичем Алексей Александрович поделился своими сомнениями относительно компетенции Косцюшко. Однако последний заверил Бобринского, что рассматривать Косцюшко как простого любителя уже не при-

ходится. Действительно, обосновавшись в Севастополе и заинтересовавшись древностями Херсонеса, он начинал как любитель-коллекционер. Собрал в результате покупки и личного сбора материала в окрестностях Херсонеса небольшую коллекцию монет и амфорных клейм. Незадолго до описываемых событий он передал клейма в музей ИООИД, сопроводив их интересными соображениями о локализации оттисков и их хронологии. Косцюшко, несомненно, был хорошо знаком с памятниками Херсонеса и мог принести большую пользу при их изучении.

Бобринский решил лично встретиться с Карлом Казимировичем. В тот момент ни он, ни Косцюшко-Валюжинич не могли предположить, что в дальнейшем на протяжении двух десятилетий, когда Косцюшко по поручению Комиссии руководил раскопками в Херсонесе, они будут тесно сотрудничать в деле изучения херсонесских древностей. В одном из писем, отправленных Бобринским в 1896 г. указано, что эта знаменательная встреча состоялась вечером 7 августа 1887 г., когда и наблюдалось полное солнечное затмение. Скорей всего, в тот же вечер А.А. Бобринский выехал в Смелу, откуда 9 августа он посылает на имя министра Императорского двора, заключение на записку Уваровой⁴⁵. Это заключение представляет собой развёрнутую программу тех необходимых мер, которые способствовали бы сохранению и дальнейшему исследованию развалин Херсонеса.

Прежде всего, Бобринский, к тому времени уже ознакомившийся с запиской Делянова, согласен с тем, что *«в продолжение почти столетия в Херсонесе производились раскопки каждым, кто только хотел ими заниматься. Меры же, применяемые в разное время с целью сохранения и исследования Херсонеса, не принесли должной пользы»*⁴⁶.

Причины неудачи: *«1) отсутствие заранее установленного плана и строгой системы при производстве раскопок; 2) отдача этого дела в руки учреждений и лиц, не обладаю-*

⁴⁵ Заключение на обращение П.С. Уваровой Александру III // Арх. ИИМК. Ф. ИАК, 1887. Д. 22. Л. 37-42.

⁴⁶ Архив ИИМК. Ф. ИАК 1887 г. Д. 22. Л. 11.

щих ни достаточными сведениями (монахов), ни достаточными средствами (Одесское общество)».

«Я полагал бы необходимым:

1) безусловно, воспретить производить какие бы то ни было раскопки на месте древнего Херсонеса или вывозить отсюда любые обломки, монеты или другие предметы старины;

2) следует совершенно и навсегда воспретить монахам вмешательство в дело раскопок и сохранения руин;

3) вменить в обязанность Военному начальству в Херсонесе... при создании земляных сооружений, сообщать о том предварительно в ИАК... представлять в Комиссию все находки, сделанные на землях Военного ведомства;

4) передать дело дальнейшего исследования и сохранения существующих в Херсонесе развалин в заведование одного какого-либо археологического учреждения: или ИАК, или ИООИД (совместное участие обоих учреждений не дало бы хороших результатов); мне кажется, что следовало бы отдать в этом деле предпочтение Комиссии, так как Одесское общество не справилось;

5) приказать с возможной скоростью монахам сдать в ведение Комиссии под точную опись все находящиеся как в так называемом музее, так и на дворе, на аллеях и т.д. памятники древности... а также всё собрание монет, древне-церковных и других вещей, хранящихся в витринах в одном из зал монастырского дома;

6) вменить ИАК в обязанность составить план дальнейшего исследования херсонесских развалин;

7) по утверждению плана поручить ИАК приступить к ежегодным раскопкам древнего Херсонеса;

8) разрешить ИАК построить в Херсонесе дом для лица, которое будет заведовать работами, а также построить, когда это будет необходимо, небольшой музей для собирания местных древностей;

9) поручить ИАК озаботиться изданием сборника всех имеющихся свидетельств о древнем Херсонесе, его истории и найденных в нём предметах старины;

10) на расходы ассигновать 4 тысячи руб. ежегодно»⁴⁷.

Рекомендации А.А. Бобринского были приняты практически без изменений, и было решено, что в следующем сезоне Археологическая Комиссия проведёт раскопки в Херсонесе. Они должны были пройти по уже отработанной схеме: общее руководство осуществляет Кондаков, надзор за раскопками – Бертье-Делагард.

Однако к началу 1888 г. ещё, видимо, не был окончательно решён вопрос о финансировании работ. Между тем до ИАК дошли слухи, что на херсонесском городище продолжаются любительские раскопки и распродажа находимых древностей. Это вынудило председателя Комиссии обратиться к министру Двора с просьбой ускорить решение вопроса⁴⁸.

В апреле месяце 1888 г. в Крым для организации работ был командирован профессор Кондаков. 12 мая он получил телеграфом распоряжение Бобринского: *«Организуйте раскопку херсонесского городища под начальством Делагарда при содействии Косцюшко»*.

Ассигнуется тысяча рублей, необходимо спешить. Особые причины».

На следующий день в Санкт-Петербург ушла ответная телеграмма Кондакова:

«По телеграмме Вашей, полученной мною вчера утром в Ялте, я приехал сегодня в Севастополь и не нашёл здесь Бертье-Делагарда. По словам Косцюшко, он не может взять на себя заведование раскопками, будучи слишком для того занят, но охотно примет участие и поможет своими указаниями. Напротив того, Косцюшко-Валюжиич совершенно свободен и очень желал бы посвятить досуг надзору за раскопками. Лично я нахожу, что Комиссия может вполне ему довериться».

И, наконец, телеграмма с согласием А.А. Бобринского: *«Будет исполнено по Вашему, тысяча рублей переводится телеграфом Косцюшко»*⁴⁹.

⁴⁷ Заключение на обращение П.С. Уваровой Александру III...

⁴⁸ Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1887. Д. 22.– Л. 45.

⁴⁹ Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1887. Д. 22.– Л. 67-68.

Как видим, сумма ассигнований на раскопки по сравнению с той, которая планировалась ранее Бертье-Делагарду, была существенно сокращена. Видимо, определённые сомнения в компетенции Косцюшко у Бобринского оставались. В какой-то степени раскопки должны были носить косметический характер. В своём отзыве на записку Уваровой Бобринский первоочередной задачей считал необходимым убрать многочисленные отвалы, оставшиеся от раскопок, проводившихся ИООИД, очистить все фундаменты зданий *«прежнего города и обратить развалины Херсонеса в опрятные и чистые улицы»*. При этом он вполне правомерно полагал, что *«следует заранее отказаться от надежды ежегодного обнаружения каких-либо редких древностей»*⁵⁰.

Раскопки в Херсонесе начались в понедельник 16 мая 1888 г., т.е. меньше чем через год после изъяснения «Высочайшего повеления». Оперативность, вызывающая подлинное уважение и являющаяся примером для подражания современным чиновникам от археологии. Правда, в отличие от последних в императорской России нашлись люди (и в первую очередь, председатель Археологической комиссии граф А.А. Бобринский), которые не только болели за порученное им дело, но и были подлинными профессионалами.

Несомненно, до начала раскопок Кондаков познакомил Косцюшко с рекомендациями Комиссии. Но у того были несколько иные соображения. Косцюшко боялся, что, если раскопки не дадут находок, достойных поступить в коллекцию Эрмитажа, то Комиссия может прекратить дальнейшее финансирование работ в Херсонесе. Поэтому он уговорил Кондакова наряду с отвозкой мусора к востоку от строящегося собора, заложить ещё два раскопа на городище.

Один из них находился на холме за пределами монастырской ограды. У подножья этого холма Косцюшко обнаружил мраморные архитектурные фрагменты и кубики мозаики. Раскопки, проведённые на этом участке, оправдали его ожидания. Был открыт фундамент храма, получившего в даль-

⁵⁰ Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1887. Д. 22. – Л. 38.

1

2

Рис. 6. «Базилика в базилике»: 1) общий вид; 2) фрагмент мозаичного пола

нейшем название «базилика в базилике», с хорошо сохранившимся мозаичным полом (рис. 6).

Однако ещё большая удача ждала Косцюшко на втором намеченном участке, расположенном рядом с монастырской известняковой обжигательной печью. В этом районе уже проводились раскопки Одесским обществом, в ходе которых были вскрыты фундаменты плохо сохранившихся средневековых зданий. Этим раскопки и ограничились, так как в то время в учёном мире господствовало представление, что в районе у Карантинной бухты находятся развалины только средневекового Херсона, а древний Херсонес находился где-то в районе Маячного мыса.

Косцюшко же, хотя у него в то время отсутствовал опыт проведения археологических исследований, неплохо знал современную западную литературу, посвящённую методике раскопок античных поселений, и был уверен, что при исследовании херсонесского городища на протяжении десятилетий нарушался один из основных принципов изучения памятников такого рода – проводить раскопки до материка. Именно так и осуществлялись исследования участка у известняковой печи. После удаления разрушенных средневековых стен стали проводить раскопки нижележащего слоя. В результате были открыты два помещения, в одном из которых зафиксированы остатки небольшой гончарной печи, а на полу второго – три десятка глиняных форм для изготовления терракотовых изделий (рис. 7).

Рис. 7. Гипсовый слепок, полученный из формы, обнаруженной в гончарной мастерской 1888 г., с изображением Геракла и Омфалы (Мальмберг 1892: таб. II: 1)

О находке керамической мастерской Косцюшко тут же сообщил Кондакову в Ялту, где тот находился на отдыхе. Кондаков после знакомства с обнаруженным материалом 24 июня отправляет телеграмму Бобринскому: *«Под средневековым Херсонесом открыты здания древнего. Найдена мастерская терракот, коллекция медалей лучшего стиля. Ассигнуйте на раскопки ещё тысячу рублей»*⁵¹.

Именно успешная работа Косцюшко на протяжении первого полевого сезона позволила в дальнейшем ИАК

вплоть до революции проводить широкомасштабные археологические исследования в Херсонесе, а К.К. Косцюшко-Валюжиничу на протяжении почти двух десятилетий руководить этими работами.

Интересно, что за несколько дней перед открытием керамической мастерской раскопки посетила графиня Уварова. Она провела в Херсонесе два часа и, как писал Косцюшко Кондакову, осталась довольна организацией работ⁵².

Как мы видели выше, знакомство с архивными документами, помимо всего прочего, не только оживляет образ того или иного дореволюционного археолога, но зачастую меняет тот стереотипный его портрет, который складывается по написанным им официальным работам, оценкам современников или позднейших исследователей. Так произошло у меня и с Карлом Казимировичем Косцюшко-Валюжиничем. В результате ему как первому исследователю клейм Херсонеса я

⁵¹ Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1887. Д. 22. – Л. 76.

⁵² Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1887. Д. 22. – Л. 88.

посвятил Каталог-определитель керамических клейм этого центра⁵³.

Но правильная оценка его вклада в керамическую эпиграфику у меня сложилась далеко не сразу. До того, как я появился в архиве ИИМК, представление о нём как специалисте-археологе сформировалось по тем в общих чертах благожелательным оценкам его деятельности, которые дали советские археологи, работавшие в Херсонесе. Первым из них был К.Э. Гриневич, который, подводя итоги столетнему периоду истории изучения Херсонеса, отмечал, что «с именем Косцюшко связаны самые интересные работы в Херсонесе», что «залогом успеха была его ни с чем не сравнимая энтузиастическая любовь к Херсонесу, граничащая с фанатизмом»⁵⁴. Ему вторит Г.Д. Белов: «Косцюшко не имел научной подготовки, но зато как страстный любитель археологии и древностей отдавал все свои силы... на любимое дело по исследованию Херсонеса. Поражает добросовестность и трудоспособность Косцюшко. Один без помощников он успевал заниматься и руководством раскопок и составлением научных отчётов, описей находок и исполнению чертежей, в то же время он вёл обширную текущую переписку, заведовал музеем и всеми административно-хозяйственными делами»⁵⁵.

Так стала расхожей характеристикой К.К. Косцюшко-Валюжинича как талантливый дилетант-археолог, своеобразного русского Шлимана, прекрасного организатора раскопок, но уж никак не крупного учёного. К сожалению, в какой-то степени отдала дань этому стереотипу и А.И. Романчук, выпустившая в свет богато документированную книгу, специально посвящённую начальному периоду раскопок Херсонеса⁵⁶. Она считает, что ИАК рассматривало Косцюшко как

⁵³ Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса (каталог-определитель). – Саратов: Изд-во СГУ, 1994. – С. 8.

⁵⁴ Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). – Севастополь. 1927. – С. 23–24.

⁵⁵ Белов Г.Д. Херсонес Таврический. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1948. – С. 15.

⁵⁶ Романчук А.И. Возрождение античного города. (Научно-популярный очерк истории изучения Херсонеса). – Свердловск: Изд-во УГУ, 1991.

своеобразного «чернорабочего для науки». «Десятки лет он копал в Херсонесе, но ему предписано отдавать найденные статуи и мраморные рельефы для издания профессору Жебелёву, все надписи – Латышеву, собирать клейма на ручках амфор для магистра греческой словесности Придика. Он же должен составлять отчёты о ходе раскопок, классифицировать находки, чистить монеты и бронзовые поделки, подбирать вещи для музеев, наконец, отстраивать и улучшать собственный музей. Он расчищает путь для других, не пользуясь плодами своего тяжкого труда»⁵⁷.

Несомненно, эта оценка нуждается в уточнении. Действительно, научное наследство Косцюшко на редкость однообразно, помимо отчётов о раскопках Херсонеса всего несколько брошюр и газетных статей, посвящённых той же тематике. Вместе с тем обнаруженные им выдающиеся лапидарные памятники и произведения искусства были введены в научный оборот другими исследователями. Однако это объяснялось не только и не столько распоряжениями, поступавшими из Археологической Комиссии, сколько отсутствием у Косцюшко комплекса, достаточно распространённого и в настоящее время у полевых археологов – не допускать к обнаруженному волей случая материалу никого из специалистов, к стремлению (зачастую не подтверждённому достаточной подготовкой) самостоятельно опубликовать этот материал. Косцюшко же справедливо полагал, что узкие специалисты значительно лучше справятся с этой задачей. Двери организованного им склада древностей были широко для них открыты, и Заведующий раскопками щедро делился со всеми, кого это интересовало, вновь поступившей информацией.

Действительно, начинал Косцюшко свою деятельность в Херсонесе как любитель, однако за два десятилетия работы здесь он стал признанным знатоком памятников этого сложного археологического объекта. Судя по отдельным замечаниям в его популярных лекциях, у него сложилась

⁵⁷ Там же. С. 94.

оригинальная концепция истории этого греческого полиса. Видимо, после появления в печати монографии Председателя Археологической Комиссии графа А.А. Бобринского⁵⁸, многие страницы которой содержали, по мнению Косцюшко, не только ошибочную, но и явно фантастическую информацию⁵⁹, у него и зародилась идея оформить свои мысли в специальной книге по истории Херсонеса. Однако занятый рутинной работой на городище он сумел набросать для памяти только план будущей работы, собираясь заняться ею после выхода на пенсию. К сожалению, до пенсии он так и не дожил.

Между тем, насколько высок был научный потенциал этого исследователя, можно судить по тому вкладу, который он внёс в керамическую эпиграфику Херсонеса. На первый взгляд, подобная оценка является завышенной. Среди опубликованных работ Косцюшко нет ни одной, специально посвящённой клеймам. Так, традиционно считается, что локализация херсонесских клейм впервые была осуществлена В.Н. Юргевичем ещё до начала широких постоянных раскопок херсонесского городища. Косцюшко же якобы воспринял эту идею и, хотя с поразительным терпением выделял и описывал на протяжении двух десятилетий, пока он руководил раскопками Херсонеса, местные клейма, не успел завершить эту работу. Материалы же, подготовленные им, были использованы при издании первого свода херсонесских клейм, осуществлённого в 1912 году неким И. Маховым⁶⁰.

Однако архивные документы позволяют существенно скорректировать раннюю историю изучения керамических клейм Херсонеса. Действительно, в появившихся во второй половине XIX в. многочисленных каталогах клейм из различ-

⁵⁸ Бобринский А.А. Херсонес Таврический. – М., 1905.

⁵⁹ Косцюшко-Валюжинич К.К. Какие изменения и дополнения позволил бы я себе сделать в сочинение графа А.А. Бобринского «Херсонес Таврический». Архив ИИМК. Фонд 25. Дело 256.

⁶⁰ См. Ахмеров Р.Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. – 1949. – No. 4. – С. 99-100; Борисова В.В. К вопросу об астиномах Херсонеса // ВДИ. 1955. – N 2. – С. 144-145; Sztetyllo Z. Grecka epigrafika ceramiczna. – Warszawa, 1971. – P. 79.

ных русских собраний штемпеля Херсонеса обычно публиковались среди других астиномных экземпляров и, с лёгкой руки П. Беккера, все они определялись как ольвийские. Вывод этот довольно долго господствовал в литературе, пока не вышла из печати в 1889 году статья В.Н. Юргевича⁶¹. В ней опубликована относительно небольшая коллекция амфорных ручек с астиномными и монограммными клеймами, собранных в окрестностях Херсонеса по бухтам Гераклеяского полуострова. Учитывая однородность экземпляров коллекции, дорийский диалект надписей, повторяемость имён, встреченных в клеймах, с именами на херсонесских монетах, Юргевич обоснованно предположил, что мы имеем дело с фрагментами местной керамической тары. В статье высказывается благодарность жителю Севастополя К.К. Косцюшко-Валюжиничу, собравшему публикуемые клейма и передавшему их в дар Обществу.

Однако существует и иная версия истории локализации херсонесских клейм, принадлежащая самому К.К. Косцюшко-Валюжиничу. В статье, вышедшей в свет в 1901 г., он вскользь отмечает, что *«39 амфорных ручек с именами астиномов и с монограммами фабрикантов, найденные в Херсонесе и приобретённые мною ещё до 1888 г. были переданы мною музею ИООИД, причём в посланной профессору В.Ю. Юргевичу заметке ныне разысканной в бумагах покойного, я высказал предположение о принадлежности этих ручек Херсонесу»*⁶².

Показательно, что В.Н. Юргевич об этой «заметке» вообще не упоминает. Была ли она вообще, не пытался ли К.К. Косцюшко-Валюжинич задним числом присвоить выводы В.Ю. Юргевича? Оказывается, была, и не «заметка», как её скромно назвал автор, а, видимо, довольно объёмная статья. К сожалению, рукопись её пока обнаружить не уда-

⁶¹ Юргевич В.Н. Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса по побережью бухт Песочной, Круглой, Камышевой и Стрелецкой в 1886–1887 гг. // ЗООИД. Т. XV. 1889. – С. 47–60.

⁶² Косцюшко-Валюжинич К.К. Новейшие раскопки в Херсонесе. ЗООИД. Т. XXIII – 1901. – С. 37. Ссылка 2.

лось, но в архиве Херсонесского музея имеется любопытное письмо, посланное секретарём Одесского общества А.Л. Маркевичем 4 мая 1900 года. Оно заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«Милостивый Государь Карл Казимирович!

В бумагах, доставленных Императорскому Одесскому Обществу Истории и Древностей семейством Вице-президента Общества В.Н. Юргевича после его кончины, оказалась прилагаемая при сём рукопись Вашего труда о монетах и пр. Очевидно, эта статья доставлена была Вами для напечатания в трудах Общества, но г. Вице-президент, отличавшийся забывчивостью, завернул тетрадь среди своих бумаг и - забыл о ней.

В настоящее время Общество с удовольствием напечатало бы Ваш труд, но, во-первых, не решилось бы сделать это без Вашего на то согласия; во-вторых, не зная, когда Ваша статья написана, есть основания предполагать, что она могла несколько устареть и поэтому нуждается в дополнениях и исправлениях.

Ввиду этого позволим себе препроводить к Вам эту статью и, вместе с тем, просим Вас дать о ней ответ, причём очень желательно всё же было бы видеть её напечатанною. Прошу принять извинения и глубочайшее почтение Вашего покорнейшего слуги.

Секретарь ИООИД. А.Л. Маркевич»⁶³.

На обороте письма рукой К.К. Косцюшко-Валюжинича сделана следующая красноречивая приписка:

«Ответить, что моя рукопись о херсонесских монетах, надписях на амфорных ручках (!- В.К.) и загадочных свинцовых вотивных знаках, находимых в Херсонесе, была послана покойному профессору Юргевичу в 1887 г., но что почтенный учёный, почему-то воспользовался лишь материалом о ручках, поместив его в XV томе Записок Общества.

С назначением в 1888 г. заведовать раскопками в Херсонесе, я продал своё небольшое собрание херсонесских монет

⁶³ РА ГИАМЗ ХТ. Д. 51. Л. 168.

и вотивных знаков Х.Х. Гилю, а поэтому возвращаемая при сём рукопись может только храниться в архиве общества. До меня никто не возбуждал вопроса о принадлежности Херсонесу весьма значительного количества амфорных ручек, надписи на которых бросаются в глаза простотой, отсутствием эмблем и дорической формой имён, из коих большинство повторяется и на херсонесских монетах. Жаль, что об этом не упомянул многоуважаемый Владислав Норбертович.

Херсонес 10 мая 1900 г.»⁶⁴

Я полагаю, что обширные комментарии к этому документу излишни. Приоритет Косцюшко в локализации херсонесских клейм несомненен. Таким образом, есть все основания полагать, что, издавая присланные клейма, В.Н. Юргевич всю аргументацию об их херсонесском происхождении заимствовал из переданной ему рукописи статьи Косцюшко. Этим, видимо, объясняется и забывчивость Вице-президента, и то, что присланная ему статья так и не появилась в печати.

Несомненно, уже в эти годы клейменный керамический материал из Херсонеса стал для Косцюшко одним из главных объектов изучения. При этом он не ограничивался сбором и предварительной его классификацией, но в отличие от большинства своих современников, занимавшихся в первую очередь филологическим анализом клейм, он задумывался и над причинами клеймения, вопросом, который в дальнейшем стал традиционным в исследованиях специалистов в области керамической эпиграфики. Интересно, что свои соображения он стремился «проиграть» с любым заинтересованным слушателем.

Как отмечает М. Энгель, когда в мае 1893 г. Император Александр III посетил незадолго до этого открытый на херсонесском городище «Склад древностей», то особый интерес у него вызвал рассказ Косцюшко об амфорных ручках «с именами астиномов (вроде современных полицеймейстеров), которые в качестве правительственных агентов, должно быть

⁶⁴ Там же.

удостоверяли своей печатью правильность меры амфор; последние служили мерой ёмкости на международном рынке для масла, дорогих вин и т.п. А может быть, печать астинома только удостоверяла взывание государственного сбора, которым было обложено гончарное производство. Вопрос этот заинтересовал Государя Императора и Генерал-Адмирала I»⁶⁵.

Подводя итоги своим многолетним изысканиям, в одном из отчётов Косцюшко указывает, что по его данным на 1 августа 1906 года в Херсонесе обнаружено 1340 экземпляров местных клейм содержащих имена 113 астиномов. Одновременно с составлением списка все магистраты им были проиллюстрированы образцово выполненными таблицами прорисей с клейм. Видимо, завершил он эту работу незадолго до смерти. По крайней мере, делопроизводитель ИАК А.С. Раевский, направленный в Херсонес в январе 1908 г., чтобы опечатать бумаги покойного, в своём рапорте пишет, что он нашёл архив склада древностей в отличном состоянии и отобрал ряд неизданных работ Косцюшко, среди которых на первое место поставлен *«совершенно готовый к печати, со многими таблицами, труд о надписях на амфорных ручках»*⁶⁶.

Меня давно интересовала дальнейшая судьба этой рукописи. По архивным данным удалось установить, что в том же 1908 году она была вместе с некоторыми другими материалами архива К.К. Косцюшко-Валюжинича переправлена в ИАК, а в начале следующего года, как сообщает бывший в это время Заведующим раскопками в Херсонесе Р.Х. Лепер, возвращена *«для приобщения к делам склада древностей»*⁶⁷. Однако в октябре 1914 года, когда Р.Х. Лепер передавал дела В.В. Шкорпилу, в описи материалов, хранившихся в архиве Херсонесского музея, рукописи Косцюшко уже не значились. Нет никаких данных и о том, когда и кому они были переданы.

⁶⁵ Энгель М. Глубь веков // Газета «Крымский вестник». 1984. № 22 от 28 января // Архив ИИМК. Фонд 1. Дело 1891. № 20. Л. 294.

⁶⁶ Рапорт делопроизводителя ИАК А.С. Раевского от 8 января 1908 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. Дело 1907/4. Л. 69.

⁶⁷ Архив ИИМК. Фонд 1. Д. 1909. N 5. Л. 243.

Однако реконструировать её содержание в определённой степени удаётся по материалам, приведённым в вышеданных в свет через несколько лет после смерти Косцюшко двух статьях некоего И. Махова, посвящённых амфорным клеймам херсонесской коллекции. Первая из них содержит список херсонесских астиномов, контролировавших керамическое производство в городе, и первый определитель штампов, которыми оттискивались магистратские клейма (рис. 8)⁶⁸. Во второй были опубликованы клейма, содержащиеся на амфорах, произведённых на о. Фасос и обнаруженные в Херсонесе⁶⁹.

Первоначально, после того как я познакомился с вышеотмеченными архивными материалами, отражающими этапы работы Косцюшко над херсонесскими клеймами, у меня возникло подозрение, что и на сей раз судьба сыграла с ним уже посмертную злую шутку – итоги его многолетних изысканий были фактически присвоены И. Маховым. Определённые основания для этого были. И. Махов не скрывал, что в его распоряжении находились полученные от Косцюшко *«все черновые заметки»*, отражающие итоги многолетней работы, последние над херсонесскими клеймами. Правда, по данным И. Махова они представляли собой *«только сырой, неразработанный и недостаточно освещённый с научной стороны материал»*, что вызвало необходимость в существенной доработке и оснащении его соответствующими комментариями⁷⁰.

Однако, естественно, возникал ряд вопросов. Во-первых, с какой целью и когда Косцюшко передал эту незавершённую работу И. Махову? Да и, вообще, передавал ли он её? Ведь сам Косцюшко трудился над ней до последнего дня своей жизни и неоднократно выражал желание поместить свой труд в Известиях Таврической Комиссии⁷¹. Во-вторых, насколько корректно И. Махов использовал полученный материал.

Подозрение в плагиате усиливал и тот факт, что в Архиве Херсонесского музея не сохранились данные о том, что И. Ма-

⁶⁸ Махов И. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов // ИТУАК. Вып. 48. 1912.

⁶⁹ Махов И. Амфорные ручки о. Фасоса // ИТУАК. Вып. 49. 1913.

⁷⁰ Махов И. Амфорные ручки Херсонеса. С. 151.

⁷¹ Там же. С. 150.

Рис. 8. Таблица клейм херсонесских магистратов, приложенная к статье И. Махова

хов при жизни Косцюшко интересовался коллекцией керамических клейм Склада Древности и тем более самостоятельно работал с ними.

Поэтому неоднократно повторяемое И. Маховым заявление о том, что он обладал известным «*навыком и опытом*»

стью в деле изучения амфорных ручек Херсонеса»⁷², следует признать явным преувеличением. Действительно при подготовке статьи он обработал несколько десятков херсонесских клейменных ручек, «частью найденных при расследовании окрестностей г. Севастополя, а частью приобретённых от разных лиц»⁷³. Однако основная часть оттисков херсонесской коллекции ему была известна лишь по тем эстампам, которые были выполнены Косцюшко и приведены в отчётах. Воспользовался И. Махов и изготовленными Косцюшко «фотографическим путём» таблицами, где в алфавитном порядке были помещены эстампажи с астиномных клейм. Именно с этих таблиц были выполнены М.И. Скубетовым, ближайшим сотрудником Косцюшко, рисунки в натуральную величину, приложенные к статье (рис. 8). При составлении комментариев И. Махов пользовался каким-то описанием клейм, выполненным Косцюшко, сопровождавшим таблицы. При этом некоторые клейма, находившиеся в данном списке, в которых сохранились только фрагменты надписей и которые, по мнению И. Махова, не имели «какого-либо научного значения», не были им включены в статью⁷⁴.

Как же оценивать работу, выпущенную в свет И. Маховым? В протоколах заседания Правления ТУАК от 8 марта 1912 года содержится интересная запись, касающаяся его статьи:

«Доложено сообщение члена Комиссии И.И. Махова "Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов". Председатель комиссии заявил, что ценная статья г. Махова, представляющая собой дополнение к труду, задуманному ещё К.К. Косцюшко-Валюжиничем, была просмотрена почтенным специалистом по греческой эпиграфике В.В. Шкорпилом. Постановлено: благодарить И.И. Махова за труд, который напечатать в "Известиях комиссии"»⁷⁵.

⁷² Махов И. Амфорные ручки Херсонеса. С. 152, 155.

⁷³ Там же. С. 151.

⁷⁴ Существует разночтение в определении количества этих таблиц. В первой статье И. Махова указано 15 экземпляров (Амфорные ручки Херсонеса. С. 150), во второй – уже 19 (Амфорные ручки о. Фасоса. С. 152).

⁷⁵ ИТУАК. Вып. 49. 1913. С. 229.

Итак, у членов правления не возникло сомнения в том, что автор статьи представил оригинальное сочинение, являющееся дополнением к труду, который был только задуман, но не реализован Косцюшко. В действительности же есть основания полагать, что опубликованная статья является в своей основе именно тем «трудом», который находился в архиве Косцюшко. Конечно, честь и хвала И. Махову, который попытался сделать достоянием науки итоги многолетних изысканий Карла Казимировича в области керамической эпиграфики Херсонеса. Несомненно, им была осуществлена значительная работа по группировке и редактированию исходного материала. Но в любом случае он мог претендовать лишь на соавторство, но никак не на единоличное авторство опубликованного сочинения. Кроме того, он смог донести до читателя лишь источниковедческий анализ херсонесских клейм, проведённый Косцюшко. Успешные и зачастую новаторские попытки Косцюшко использовать клейменный материал в качестве надёжного исторического источника в статье не получили освещения.

В отличие от первой авторство второй статьи И. Махова, посвящённой фасосским клеймам из Херсонеса и вышедшей в свет в тех же Известиях ТУАК, не вызывает сомнения. Это типичная публикация материала с минимальными комментариями. С самими клеймами, судя по всему, И. Махов не работал, а использовал рисунки фасосских оттисков, выполненные и сгруппированные Косцюшко, не произведя даже их сверку с оригиналами (рис. 9).

Надеюсь, читатель согласится, что К.К. Косцюшко-Валюжинич вполне заслуженно может быть включён в список зачинателей керамической эпиграфики в России. Именно ему удалось не только осуществить локализацию оттисков Херсонеса, единственного центра в Северном Причерноморье, осуществлявшего массовое и систематическое клеймение своей керамической тары, но и выделить признаки, характеризующие эту категорию клейм. Это позволило Косцюшко создать первый и остававшийся долгое время единственным каталог-определитель оттисков одного центра производства клей-

Рис. 9. Фрагмент таблицы фасосских клейм из Херсонеса, приложенной к статье И. Махова (ИТУАК 1913. Вып. 49)

меной керамической тары, опубликованный в приложении к статье И. Махова.

В своих изысканиях Косцюшко не остановился на традиционной для керамической эпиграфики его времени тематике – вопросах локализации и назначения клейм. Он один из первых попытался использовать клейма в качестве датирующего материала. Находки штемпелей раннеэллинистического времени на херсонесском городище стали для него одним из веских аргументов в споре о местонахождении древнейшего Херсонеса, Косцюшко неоднократно отмечал, что клейма

содержат не только эпиграфическую информацию, но и являются полноценным источником для характеристики *«материального быта и торговли»*. И хотя в его работах эти вопросы были только намечены, сама их постановка показывает, что он значительно опередил современников в понимании возможности использования клейм в качестве полноценного исторического источника.

Итак, надеюсь, что нам удалось реабилитировать четырёх персонажей, оказавших во второй половине XIX – начале XX вв. значительное влияние на развитие российской археологии. Их объединяет искреннее увлечение появившейся как раз в то время новой исторической дисциплиной.

В этом отношении несомненный интерес представляют супруги Уваровы и граф Бобринский. Являясь представителями высшей знати и располагая значительным полученным по наследству имуществом, они в отличие от многих представителей этого сословия, прожигавших доставшееся им состояние на ипподромах и за карточными столами, вели довольно скромный образ жизни. Вместе с тем они являлись признанными меценатами, тратившими значительные средства на благотворительность, финансирование археологических раскопок и выдачу стипендий молодым учёным, занимавшимся изучением древностей. Интересный штрих: Бобринский после вступления в должность отказался от того содержания, которое было положено ему как Председателю ИАК.

Иначе складывалась судьба Косцюшко-Валюжинича. Так как его семья не располагала достаточными средствами, он, не получив высшего образования, должен был начать трудовую деятельность. Первоначально работал на мало престижных должностях. Однако, видимо, показал себя как толковый организатор и в результате стал одним из ведущих сотрудников Севастопольского банка. Так что материальное благополучие ему было обеспечено. Но, когда появилась возможность, он, не раздумывая, осуществил резкий поворот в своей карьере, согласившись участвовать в спасении херсонесских древностей. Первые три года он получал от ИАК не слишком большое содержание, поэтому, чтобы достойно содержать семью, совмещал надсмотр над проводимыми в Херсонесе раскопка-

ми со службой в банке. И только после того, как по ходатайству Председателя ИАК его оклад был увеличен, Косцюшко ушёл из банка. Но полноправным членом этой элитарной Комиссии (и то с «низшим» окладом) он стал только 1 января 1893 г. после 5 лет заведования раскопками, в течение которых были сделаны многочисленные открытия⁷⁶.

В дальнейшем темпы его продвижения по службе ускорились. Это во многом объясняется покровительством со стороны графа Бобринского. Он высоко ценил ту успешную работу по исследованию Херсонеса, которую осуществлял Косцюшко. При этом отношения их далеко вышли за пределы служебных и приняли дружеский и доверительный характер. Это, в частности, подтверждает письмо Бобринского от 6 июля 1896 г., посланное Косцюшко-Валюжиничу в ответ на поздравление с десятилетием вступления Бобринского в должность председателя Комиссии.

«Весьма благодарен и судьбе и Юргевичу за данную мне возможность познакомиться с Вами. Помните ли, это было как раз в день полного затмения солнца? Для Херсонеса новое солнце с той поры светило так ясно и постоянно, неутомимая Ваша энергия, Ваше терпение и аккуратность привели к результатам, которыми Вы можете по праву гордиться. Никто даже из завязых скептиков – не будет отрицать и сомневаться в важности раскопок в Херсонесе, ни в факте, что открытием этого источника научного света мы всецело обязаны Вам»⁷⁷.

Через несколько дней Бобринский направляет Косцюшко телеграмму, где сообщает, что ему пожалован орден святой Анны. Кроме того, ему увеличили жалование и представили к получению чина титулярного советника.

Ещё через три года Алексей Александрович в связи с назначением его членом Государственного Совета присутствовал на официальном приёме в Гатчине, в ходе которого он был «осчастливлен» личной беседой с Николаем II. После этого он приехал в Комиссию и продиктовал машинистке

⁷⁶ Канцелярия Императорского двора // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1891. Д. 149. Л. 46.

⁷⁷ Письмо А.А. Бобринского от 6 июля 1896 г. // РА ГИАМЗ ХТ. Д. 39. Л. 145.

«точную запись слов ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА»⁷⁸.

«ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО: Ну что нового, граф? ... по Археологической комиссии?»

Гр. Б.: *Есть блестящие открытия.*

Е.В.: Ну, слава Богу. В Керчи?

Гр. Б.: *В Керчи, и главное в Херсонесе. Здесь открыта древняя греческая стена...*

Е.В.: Да, я читал об этом в газетах.

Гр. Б.: *Я был в Херсонесе в этом году. Открыта великолепная стена... Это будет для Вас, В.В., приятным сюрпризом, когда пожелаете в Херсонес.*

Е.В.: Непременно. Ведь там у Вас есть этот добрейший Валюж...

Гр. Б.: *Косцюшко-Валюжинич, В.В.! Косцюшко через С.Ц., а не Костюшко, он особенно настаивает, чтобы не смешивать эти две фамилии*⁷⁹.

Е.В.: Когда я был в Херсонесе, он мне предсказывал это открытие. Я помню он говорил, что на том месте, где мы стояли, он уверен, что должны быть древние городские стены.

Гр. Б.: *Я очень счастлив, В.В., что Вам благоугодно милостиво отозваться о Косцюшко. Это человек всецело преданный делу, посвящающий всё своё время ему. Его винят, что он католик*⁸⁰.

Е.В.: Что за дело.

Гр. Б.: *Но он вполне русский человек. Я лично познакомился с его семьёй. Дочери его замужем за офицерами, сын его на морской службе.*

Е.В.: Вы с ними в Херсонесе познакомились?

Гр. Б.: *Да, В.В. Это чисто русская семья, из которой мужчины все военные.*

⁷⁸ Беседа А.А. Бобринского с Николаем II была пересказана А.И. Романчук. Однако при этом был упущен ряд важных моментов, поэтому имеет смысл процитировать сам документ.

⁷⁹ Косцюшко никак не желал, чтобы его считали родственником генерала Тадеуша Костюшко, одного из руководителей восстания в Польше в конце XVIII в.

⁸⁰ Явный намёк на те доносы, которые направляло руководство Херсонесского монастыря в Синод.

Е.В.: На самом деле? Я очень рад, что ему посчастливилось.

Гр. Б.: В.В.! Вы изволили сами производить раскопки в этом году?

Е.В.: Да, как же, в Гессене ... Довольно интересные раскопки. Найдены вещи ещё не встречавшиеся, какие-то браслеты спиральные. Бронза.

Гр. Б.: Какой эпохи, В.В.?

Е.В.: Этой ... Га... Га... бронзового века.

Гр. Б.: Гальштадской эпохи?

Е.В.: Да, да. Гольштадской.

Гр. Б.: В.В.! Теперь следует спасти Ольвию.

Е.В.: А что? Разве её расхищают?

Гр. Б.: Грабят, В.В.! Следует для Ольвии сделать тоже, что сделано для Херсонеса.

Е.В.: Ведь это покойный мой отец положил начало херсонесским раскопкам?

Гр. Б.: Да, В.В.! ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ Третьему благоугодно было начать это дело.

Е.В.: Удивительно, как успешно пошло.

Гр. Б.: Да, В.В.! Сделайте тоже для Ольвии!

Е.В.: К тому-же она недалеко расположена от Херсонеса.

Гр. Б.: Сделайте это, В.В.! Каким угодно путём, но возьмите Ольвию под своё покровительство!

Е.В.: Следовало бы там учредить особую небольшую Комиссию?

Гр. Б.: Надо там посадить второго Косцюшко. Пусть он засядет и примется за дело с такой же энергией.

Е.В.: А у Вас есть такое лицо?

Гр. Б.: Прикажете, В.В., и найдётся!

Е.В.: Ну, прощайте, граф!

Гр. Б.: Прощайте, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

с подписью Графа Бобринского верно:

делопроизводитель ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии И. Суслов»⁸¹.

⁸¹ Архив. ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 250. Л. 16-17 [Беседа А.А. Бобринского и Николая II от 1.12.1899 г.]

Когда я впервые познакомился с этим диалогом, то он меня искренне позабавил. Незадолго до этого мне пришлось познакомиться с мемуарами М. Кшесинской, достаточно тесно общавшейся с Николаем Александровичем в бытность его ещё цесаревичем. Так, она с восторгом отмечает, что он обладал уникальной памятью. В данном случае, согласно стенограмме беседы, память Николая II, по крайней мере, дважды подвела. Конечно, он не собирался участвовать в телевизионных передачах типа «Слабое звено», и подобные сбои вполне понятны. Видимо он придерживался знаменитого афоризма Демокрита: не стремись знать всё, чтобы не быть во всём невеждой. К археологии, как таковой, он относился довольно прохладно.

Вместе с тем, мне до сих пор не понятно, почему А.А. Бобринский застенографировал эту беседу, где Николай II вы-

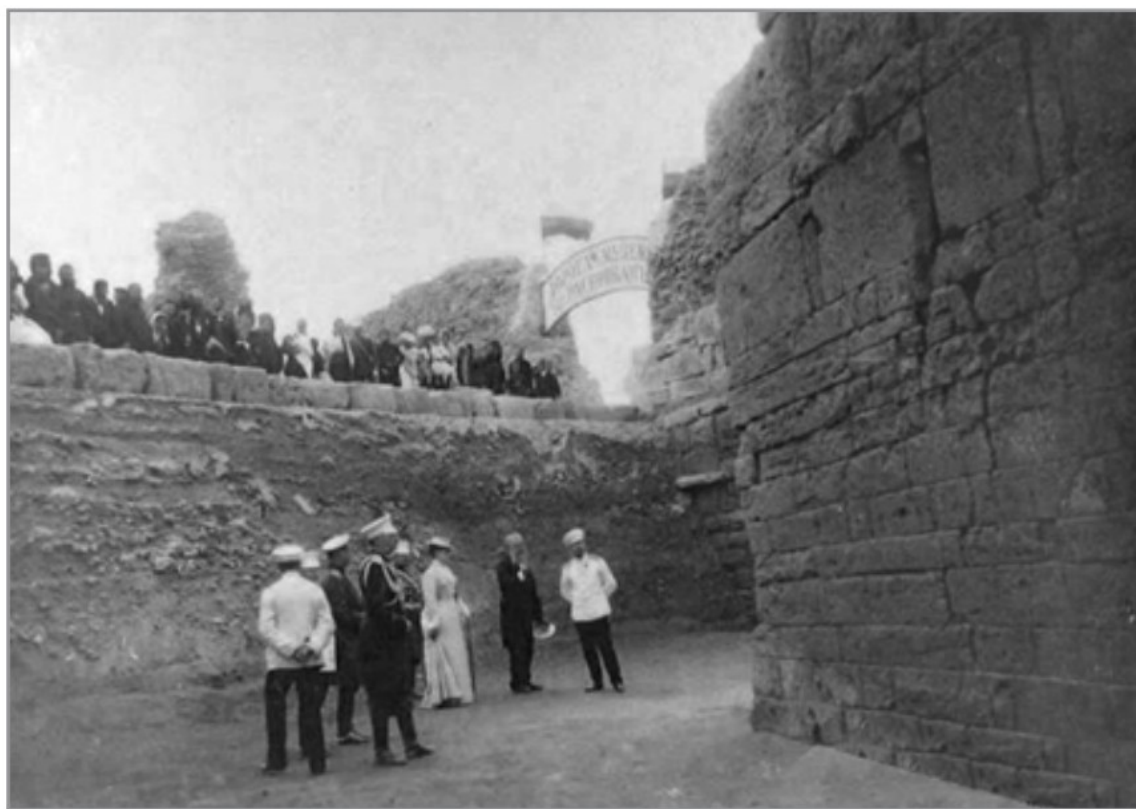

Рис. 10. «Императорские Величества изволят обозреть стёртый от многовекового сообщения с городом угол древней оборонительной стены на повороте к калитке» (первый справа – Николай II, рядом Косцюшко-Валюжинич)

Рис. 11. «Их императорские Величества, Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич и лица Свиты шествуют обратно к экипажам, после обозрения ворот и стен V в. до н.э., открытых в 1899 году»

глядит обычным человеком с присущими ему недостатками. Конечно, эта беседа не должна была быть опубликована, но о ней знали многие. Так, мне известны две её копии, одна из них была отправлена делопроизводителем ИАК И. Сусловым Косцюшко, старому его приятелю. Я думаю, что Карл Каземирович был доволен той оценкой его работы, которую дали собеседники.

В сентябре 1902 г. Николай II с супругой, сопровождаемый большой свитой, посетил Херсонес. Пробыв около полутора часа в Соборе, они около двух часов посвятили знакомству с Музеем и отрытыми в последние годы археологическими объектами. Естественно, сопровождал посетителей и давал пояснения Карл Каземирович.

По горячим следам Косцюшко издал в Севастополе 17-страничную брошюру, посвящённую этому эпохальному для Херсонеса событию, которое, как он полагал, «навсегда останется для меня самым светлым воспоминанием,

запечатлев во мне в ту истинно царскую простоту и сердечность, которые встречались в каждом слове, в каждом взгляде Их Величеств». После этой дежурной фразы дано подробное описание «в разговорной форме и последовательном порядке, обозрение их Императорскими Величествами музея и раскопок»⁸².

В ходе этой экскурсии Карл Каземирович ненавязчиво, но неоднократно обращался к тем нерешённым вопросам, которые мешали использовать в полной степени научный и образовательный потенциал Херсонеса.

«Когда Их Императорские Величества изволили изъявить согласие начертать имена в книге для посетителей», Косцюшко воспользовался случаем и сообщил, что число посетителей музея ежегодно увеличивается, и в нынешнем году в книге появится не менее 7000 подписей. Между тем сам музей, возникший как «Склад древностей», явно не приспособлен для принятия столь большого потока посетителей. «Поэтому необходимо подумать о перенесении музея на другое место, при этом было бы желательно, чтобы новое его здание более соответствовало тем научным богатствам, которые здесь хранятся. На что Его Величество изволил сказать, что подумает о новом музее, который, конечно, не может быть таким сараем, как нынешний».

Воспользовался Карл Каземирович случаем и пожаловался на монастырское начальство. Напомнил, что по проекту особой комиссии, составленному ещё в 1887 году, все найденные в Херсонесе древности должны храниться в одном музее. Однако те из них, которые были обнаружены до начала раскопок, организованных ИАК, монастырь считает своей собственностью и саботирует их передачу в музей. *«Его величество признал мои рассуждения правильными», – отметил Косцюшко.*

После посещения музея посетители ознакомились с открытыми незадолго до этого прекрасно сохранившейся древ-

⁸² Косцюшко-Валюжинич К.К. Посещение Ихъ Императорскими Величествами музея и раскопокъ въ Херсонесе 18-го сентября 1902 года. Севастополь. 1904: 3 сл.

Рис. 12. Могила К.К. Косцюшо-Валюжинича в Херсонесе

ней оборонительной стеной Херсонеса (рис. 10-11) и участком некрополя за пределами городища с хорошо сохранившимся крестообразным храмом. *«И находясь под чарующими впечатлениями минуты, — пишет Косцюшко, — я не мог отказать себе в счастье высказать Его Императорскому Величеству, что, если благодаря успешным результатам раскопок, Херсонес в царствование Императора Александра III называли русской Помпеей, то теперь благодаря Его Императорскому Величеству в последние 3 года открыты русская Троя и русский подземный Рим с его христианскими катакомбами».*

Несомненно, Карл Каземирович был умелым «лоббистом» Херсонеса. Как он отмечает: *«в результате обозрения древностей Его Императорское Величество позволил осчастливить меня новою милостию, объявив мне, что в память посещения Херсонеса Их Величествами, я теперь буду получать ежегодно на раскопки вместо шести тысяч — десять тысяч рублей».*

Читателя, несомненно, интересует дальнейшая судьба героев этого очерка. Первым, после графа А.С. Уварова ушёл

из жизни К.К. Косцюшко-Валюжинич. Можно сказать, что он погиб на боевом посту. Осенью 1907 г. Косцюшко отправился на Южный берег Крыма, где проводились раскопки римской крепости Харакс, которые он курировал. На обратном пути в Севастополь он простудился, но отправился не на городскую квартиру, а в Херсонес, где при музее находился его кабинет, плохо приспособленный для постоянного проживания. На следующий день состояние больного ухудшилось. Простуда переросла в пневмонию. Она и привела к летальному исходу.

За три года до этого в частном письме к П.С. Уваровой от 4 мая 1904 г. он поделился своей мечтой – быть похороненным на территории херсонесского городища:

«Как архонт мертвого города, я поселился на его развалинах, всегда нахожусь там, и желал бы даже быть похороненным в Херсонесе, но, как язычник, по мнению здешних святых отцов, конечно, не удостоюсь такой чести»⁸³.

Дело в том, что на протяжении всей деятельности в Херсонесе, Косцюшко неоднократно конфликтовал с руководством монастыря. Да это и понятно. Для монастыря херсонесское городище было объектом хозяйственной деятельности. Для Косцюшко – археологическим памятником. Монастырское начальство и представители высших кругов Таврической метрополии писали в Синод многочисленные доносы. Одним из главных обвинений было то, что схизматик-католик в ходе раскопок уничтожает мощи наших православных святых.

Но Карл Казимирович ошибся. Он был погребён 16 декабря 1907 г. в ограде Херсонесского монастыря при совместном присутствии католического и православного духовенства и большого количества жителей Севастополя, среди которых он пользовался большой популярностью.

Прасковья Сергеевна Уварова продолжала оставаться Председателем МАО вплоть до революции. Под ее председательством проходили ежемесячные и годовые заседания Об-

⁸³ Архив ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Ед. хр. 555. Л. 682а. (Цит. по: Романчук А.И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Том 1. Античный полис. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2008. – С. 145.

щества, на которых сообщались результаты археологических раскопок, исследований, проведенных как членами Общества, так и представителями университетов, археологических институтов, научно-исторических обществ. При Уваровой прошли 9 съездов МАО (в Ярославле, Москве, Вильне, Риге, Киеве, Харькове, Екатеринославле, Чернигове и Новгороде).

За свою многолетнюю деятельность в организации археологических исследований графиня была избрана почётным профессором Дерптского, Харьковского, Казанского, Московского университетов и Петербургского археологического института. Она стала первой русской женщиной, получившей звание почётного члена Императорской академии наук. После революции П.С. Уварова с дочерьми эмигрировала в Югославию, где и умерла в 1924 году.

Алексей Александрович Бобринский до 1918 г. исполнял обязанности Председателя ИАК. За беспорочную службу был награждён рядом высших орденов, был назначен Сенатором, а затем и членом Государственного Совета. После революции 1905 г. занялся политической деятельностью. Был избран депутатом III Государственной Думы, где стал одним из столпов фракции правых. В период «министерской чехарды» 1916 г. исполнял на протяжении нескольких месяцев обязанности товарища министра внутренних дел, а затем так же несколько месяцев был министром земледелия.

В начале 1918 года Бобринский оформил себе командировку на юг, якобы для инспекции деятельности экспедиций ИАК в этом регионе. В действительности воспользовался этой поездкой для эмиграции во Францию. Там проживал на Лазурном берегу. Говорят, что в середине 20-х годов, Бобринский якобы направил Советскому правительству предложение указать место в его дворце в Петербурге, где он перед отъездом спрятал значительные ценности, при условии, что ему будет выплачена половина их стоимости. Однако, как гласит легенда, положительный ответ не был получен. До настоящего времени энтузиасты продолжают поиски «клада Бобринского». Умер Алексей Александрович в 1927 г. и был похоронен на русском кладбище в Ницце.

Сюжет 6. Скифское золото

В 1989 г. в Запорожском университете состоялись первые «Граковские чтения». Место проведения конференции было выбрано не случайно. Именно на территории Запорожской области под руководством Б.Н. Гракова в довоенные и послевоенные годы проводились археологические исследования на Каменском городище, самом крупном скифском поселении Приднепровья.

Пожалуй, наиболее сенсационным на конференции стало выступление сотрудника Ленинградского отделения Института археологии Александра Николаевича Щеглова с докладом «“Царский” курган IV в. до н.э. в западном Крыму?»¹. Оформление названия доклада (кавычки при слове царский и знак вопроса в конце) явно показывало, что доклад носил гипотетический характер. И это не случайно. Все раскопанные к тому времени царские скифские курганы (а их менее десятка) хорошо известны и изучены досконально. При этом ни один из них до того времени не был зафиксирован в западном Крыму. В докладе же А.Н. Щеглова приводилась информация о ранее неизвестном скифологам царском захоронении из разграбленного ещё во второй половине XIX века кургана, который, как полагал докладчик, находился около бывшего татарского села Чаян в окрестностях Евпатории. В связи с тем, что информация была получена не в результате раскопок в поле, а в ходе изысканий в архивах, в докладе отсутствовали такие обычные для сообщений такого рода данные как описание кургана и характерные признаки самого захоронения. Содержалась лишь характеристика и анализ обнаруженных в нём высокохудожественных предметов торевтики.

Таким образом, в научный оборот вводился совершенно новый материал, касающийся одной из самых интригующих тем отечественной археологии – темы царских скифских курганов. Естественно, что доклад не мог не вызвать живейший

¹ Щеглов А.Н., Кац В.И. «“Царский” курган IV в. до н.э. в Западном Крыму?» // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Часть I. Запорожье 1989. – С. 57-59.

интерес у присутствующих специалистов. А после появления через два года в одном из изданий Метрополитен-музея Искусств хорошо проиллюстрированной расширенной версии доклада в переводе на английский язык² введённый в научный оборот материал из кургана Чаян стал использоваться в последующих работах, посвящённых различным аспектам скифской культуры. Относительно недавно он послужил толчком для начала поиска самого кургана. Результаты работы, проводившейся под руководством Т.Н. Смекаловой, были опубликованы в сборнике «Курганы скифской знати в западном Крыму»³. В связи с тем, что английская версия доклада А.Н. Щеглова появилась в труднодоступном для российских и украинских археологов издании, составители сборника посчитали необходимым поместить в первой его главе оригинальный текст этой статьи на русском языке. К сожалению, и эта версия появилась также в малотиражном издании, рассчитанном на узких специалистов. Между тем ещё в Запорожье слушатели оценили проделанную работу как увлекательную и почти детективную историю. А так как волей случая я был «крёстным отцом» появления этого детективного сюжета, и принимал самое непосредственное участие в его раскрытке, особенно на ранней стадии, то счёл необходимым включить его в данную работу.

В моё время, как и сейчас, преподаватель вуза должен проходить раз в пять лет переподготовку. На целый семестр он освобождается от занятий и имеет право выбрать вуз, где имеется возможность осуществить повышение квалификации. Я всегда выбирал Ленинградский университет. Здесь кроме посещения запланированных программ занятий я продолжал начатую ещё в студенческие годы работу в архивах и фондах музеев.

В ходе одной из таких переподготовок, состоявшейся в середине 80-х гг., у меня появилась идея написать работу, по-

² Shcheglov A.N., Katz V.I. A Fourth-century B.C. Royal kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum. Journal. 1991. – Vol. 26. – P. 97-121.

³ Щеглов А.Н., Кац В.И., Смекалова Т.Н., Беван Б. Курганы скифской знати в западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. – Вып. XI. Симферополь: Феникс, 2013. – С. 8-20.

священную взаимоотношениям Херсонесского монастыря с руководителями проводимых здесь раскопок под эгидой ИАК. Отдельные документы по этой теме мне уже встречались при работе в архиве ИИМК. Теперь же было необходимо детально проработать все находящиеся здесь материалы. Работа в связи с большим объёмом информации продвигалась медленно. Но вот показался «свет в конце туннеля». Передо мной лежала папка с документами о раскопках в Херсонесе за 1914 г.

В это время после смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича уже на протяжении шести лет работами здесь руководил Р.Х. Лепер. До этого он служил в качестве учёного секретаря Русского археологического института в Константинополе. В отличие от своего предшественника он не был «фанатом» Херсонеса. Обременённый большой семьёй, Лепер одновременно с заведованием раскопками преподавал греческий язык в гимназии. В Херсонесе появлялся довольно редко, передоверив надсмотр над раскопками малоквалифицированным помощникам. Отчёты о раскопках высылал в ИАК нерегулярно, а был случай, когда вообще один из отчётов потерял. Естественно, что А.А. Бобринский был недоволен таким сотрудником.

Итак, знакомлюсь с содержимым папки. Сам отчёт, составленный довольно сумбурно, просмотрел быстро. Ничего интересного не обнаружил. Перешёл к переписке заведующего раскопками с ИАК.

В одном из первых писем от 13 апреля 1914 г. Лепер делится своими впечатлениями о поездке в Евпаторию⁴. Здесь в связи с застройкой территории около Майнакского лимана было ограблено большое количество могил, находки из которых попали в руки скупщиков. У одного из них Лепер приобрёл несколько чернофигурных сосудов. Другой антиквар – грек Келессидис, к которому заглянул Лепер, утверждал, что сейчас он ничего не имеет.

Здесь необходимо прервать пересказ письма Лепера и ввести в состав рассматриваемого сюжета мини-детектив.

⁴ Архив ИИМК. Ф.1 Д. 1914, № 2. Л. 12-22.

«Коллекция Келессидиса»

Дело в том, что с фамилией Келессидиса я до этого встречался пару раз. Первое знакомство произошло ещё в аспирантские годы в фондах Херсонесского музея, где я занимался обработкой хранящейся здесь коллекцией оттисков Фасоса. Естественно, в качестве определителя я использовал незадолго до этого появившийся каталог фасосских клейм, изданный супругами А.В. и А. Бон⁵. Довольно скоро обнаружилось, что в Корпусе часть клейм, аналогичных тем, с которыми мне пришлось работать, сопровождается не фотографиями, как большинство публикуемых экземпляров, а рисунками, под которыми стояло указание на то, что оттиски относятся к коллекции некого Келессидиса⁶. Однако сами рисунки очень напоминали иллюстрации из таблицы, приложенной к уже упомянутой выше статье И. Махова о фасосских клеймах Херсонесского музея.

Предположение об аутентичности подтвердилось, когда на соответствующих страницах Корпуса нашлась информация об этой коллекции. Оказывается, супруги Бон при сборе материала в архиве Французской школы в Афинах обнаружили таблицу факсимильных рисунков фасосских клейм числом в 83 экземпляра, поступившую в фонды школы от бывшего жителя Евпатории М.Н. Келессидиса. Сообщалось, что в архиве находится ещё одна таблица, содержащая более сотни рисунков астиномных оттисков. К этому времени сам Келессидис уже умер, и издатели предположили, что на этих таблицах изображены клейма его коллекции до того, как он эмигрировал в Грецию.

В данном случае плохую услугу супругам Бон оказало слабое знание специальной литературы на русском языке. Иначе они бы поняли, что обе таблицы являются приложениями к статьям И. Махова. Таким образом, сами того не зная, они вновь опубликовали фасосские клейма из дореволюционных

⁵ Bon A.V., Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos. – Paris: Boccard. 1957. Pp. 538.

⁶ Ibid. – P. 11-12.

раскопок в Херсонесе. Показательно, что французский специалист по керамической эпиграфике Ивон Гарлан, активно занимавшийся изучением клейм Фасоса, о статье И. Махова узнал лишь от меня в ходе второй своей поездки в Россию.

Сейчас можно уверенно говорить, что сам Келессидис не занимался коллекционированием древностей, хотя, как мы видели по письму Р.Х. Лепера, и приторговывал ими. Поэтому из попавших к нему в руки двух томов «Известий Таврической комиссии» он оставил себе в качестве определителей только таблицы. Текстовые части статей его, видимо, мало интересовали.

Курьёзный случай с «коллекцией Келессидиса» отложился в памяти, хотя я не мог предположить, что с этой достаточно редкой для России фамилией мне придётся встретиться ещё дважды.

Следующая встреча произошла в середине 80-х годов. Как-то просматривая газету «Советская культура, я обратил внимание на заметку о том, что житель Афин Прокопий Келессидис подарил Фонду культуры СССР золотой перстень с античной геммой с просьбой передать его в Евпаторийский музей. Таким образом, косвенно подтверждалась информация супругов Бон о происхождении Келессидиса из Евпатории. Судя по всему, ностальгические чувства появились у сына бывшего евпаторийского антиквара.

Где-то через год по пути в экспедицию зашёл в Евпаторийский музей и у знакомого сотрудника поинтересовался судьбой подарка. Действительно он был доставлен в Евпаторию специальным курьером и при поступлении в фонды перстень был оценен, если память мне не изменяет, всего в 500 с чем-то рублей, т.е. по стоимости золота, из которого он был изготовлен.

Информация об антикваре Келессидисе в письме Р.Х. Лепера стала уже третьей встречей с этим семейством. А так как в результате дальнейшего расследования оказалось, что он сыграл далеко не последнюю роль в судьбе находок из царского кургана в Западном Крыму, я попытался связаться с его потомком. Нашёл в Москве уютный особняк со швейцаром

при входе, где располагался Фонд культуры. Однако получить адрес Прокопия Келессидиса не смог. Сотрудники Фонда заявили, что принципиально не сообщают адреса дарителей.

Через два десятилетия я оказался в Афинах, где Французская школа организовала симпозиум по керамическим клеймам. Ради интереса заглянул в телефонный справочник. А там Келессидисов, что в наших справочниках Ивановых. Найти нужного мне было нереально, да и не исключено, что к тому времени его уже не было в живых. Ограничился тем, что заглянул в архив школы и убедился, что там действительно находятся вырванные из статей И. Махова таблицы.

Теперь вернёмся к письму Р.Х. Лепера от 13 апреля 1914 г., в котором он сообщает, что познакомился с одним из подрядчиков, имевших большую коллекцию древних предметов, собранных им за последние несколько лет. Подрядчик предложил указать место, где находят древности, если ему будет предоставлено право раскопок под наблюдением Комиссии при условии половины издержек и половины находок.

В заключительной части письма содержалась самая любопытная информация. *«Я слышал в Севастополе от Лютзера (продавец древностей, уроженец Евпатории – В.К.), а так же в Евпатории от вышеназванного подрядчика, ...что на расстоянии 50-70 верст от Евпатории в деревне имеются у одного крестьянина три золотых предмета: чаща с изображением женщины на каком-то животном; золотая змейка (гривна?); массивный золотой пояс с львиными головами (тоже гривна), всего весом 150 золотников, а кроме того, по его словам, накладного золота (скорее, бедного золота) по описанию горит. Подрядчик лишь говорит, что сам он вещи не видел и деревни не знает, но ему предлагает знающий вещи приятель совместно купить их за 1500 рублей. Так как он боится, удастся ли вещи сбыть, и у него сейчас денег нет, то он согласен за вознаграждение узнать местонахождение вещей и содействовать их покупке.*

Прошу сообщить, уполномочивает ли меня Комиссия на основании этих данных предпринять шаги к обнаружению золотых вещей, судя по описаниям, происходящих из курга-

на, и в случае надобности к расходованию таких крупных сумм»).

Становилась ясной главная причина, по которой Р.Х. Лепер по собственной инициативе совершил поездку в Евпаторию. Это было не стремление ознакомиться со слабо изученными античными памятниками этого региона, описание которых в письме практически отсутствует, а те слухи о кладе, которые до него дошли. К этому времени его отношения с руководством ИАК окончательно испортились, и инициатива в приобретении выдающихся памятников античной тореветики для Эрмитажа, несомненно, подняла бы его реноме.

Информация, содержащаяся в письме Лепера, первоначально меня не слишком заинтересовала. Рассказы в устной и письменной форме о находках золотых предметов являются расхожими сюжетами. Обычно в большинстве случаев они не подтверждаются. Видимо, подобное отношение к полученной информации было и у Председателя ИАК А.А. Бобринского. По крайней мере, ответ на свой запрос Лепер получил только через два месяца. Ему предлагалось сообщить *«подробности о находке золотых предметов в кургане в окрестностях Евпатории и, если это возможно, доставить предметы для расследования в С.-Петербург»*⁷.

Однако даже беглый просмотр следующих листов архивного дела показал, что скептицизм Бобринского в данном случае оказался безосновательным. Здесь имелись два письма Ф.И. Успенского, директора Русского археологического института в Константинополе на имя А.А. Бобринского и две ответные телеграммы. Кроме того, были приложены фотографии золотой обкладки ножен меча и золотой чаши (рис. 1).

В первом письме от 3 июня 1914 г. Успенский сообщает:

«...в Институт были предложены для продажи золотые вещи эллинистического стиля, по некоторым имеющимся у нас данным, привезённые из России: бляхи от ножен меча, гривна, диадема и чаша с фигурными изображениями, че-

⁷ Архив ИИМК. Ф.1. 1914. Д. 2. Л. 42.

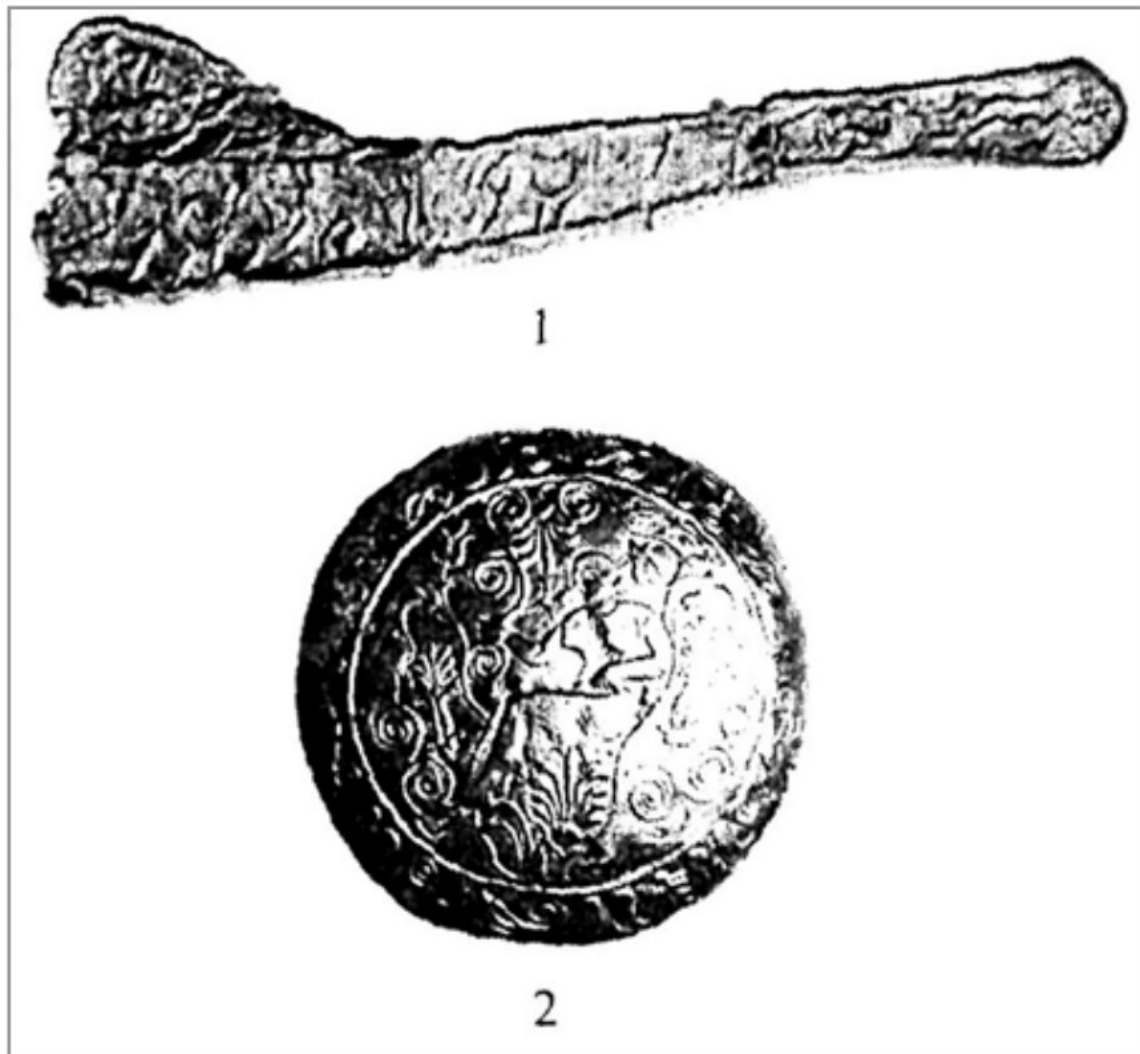

Рис. 1. Фотографии, присланные Ф.И. Успенским
из Константинополя

канными и резными. Собственник этих вещей оценивает их в 15000 рублей (1800 турецких лир)... При этом долгом считаю поставить вас в известность, что собственник вещей лишь по моему предложению согласился прождать в Константинополе до двух недель, а по истечении этого срока увезёт их в Париж. Ввиду сего, я покорнейше прошу не замедлить ответом, считаете ли Вы нужным принять меры к покупке означенных предметов Комиссией или другим русским учреждением»⁸.

⁸ Архив ИИМК. Ф.1. 1914. Д. 2. Л. 34-35.

На это сообщение Бобринский среагировал немедленно, отправив в Константинополь 11 июня телеграмму, в которой сообщалось, что предложенная за предметы цена преувеличена и покупка возможна только после их проверки в Петербурге⁹.

Между тем через день было получено второе письмо из Константинополя, датированное 4 июня, в котором давалось подробное описание всех четырёх вещей¹⁰. Успенский существенно уточняет информацию Лепера: «золотой пояс» – это обруч, или диадема, а «горит» – обкладка ножен меча. Последняя, как полагает Успенский, аналогична той, которая обнаружена в Чертомлыцком кургане. Правда, отмечается, что существуют различия в изображениях на боковых выступах: в чертомлыцкой обкладке присутствует грифон, а в той, которую привезли в Константинополь – лев, терзающий оленя.

К письму, как сообщает Успенский, прилагалось пять фотографий, из которых только две (с изображением чаши и обкладки ножен меча) оказались включёнными в это архивное дело¹¹. В ответной телеграмме Бобринский сообщал, что полученные описания и фотографии не производят благоприятного впечатления и что возможна фальсификация. На этом переписка, касающаяся судьбы коллекции золотых изделий, происходящих явно из какого-то скифского царского захоронения, прерывается.

Хотя скифские древности подобного рода не входили в сферу моих интересов, появилось естественное желание узнать продолжение этой детективной истории, и выяснить, где в настоящее время находятся эти изделия. Тем более, что у меня в результате знакомства с документами возникло чисто интуитивное предположение, что вещи в Константинополь

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ Там же. Л. 36-37.

¹¹ В дальнейшем удалось обнаружить недостающие три фотографии в фотоархиве отдела Восток Эрмитажа (Альбом Q 255, 80-82), куда они поступили после того, как Русский археологический институт был эвакуирован из Константинополя в конце 1914 г., а затем ликвидирован.

доставил не кто иной, как Келессидис. Уж слишком настойчиво он убеждал Р.Х. Лепера в отсутствии у него ценных находок, а через 70 лет его потомок дарит Евпаторийскому музею золотой перстень. Как мы увидим ниже, это предположение подтвердилось.

Несомненно, ключевым предметом, позволяющим решить поставленные вопросы, была обкладка ножен меча. Отправился за информацией в библиотеку. Там в альбоме, «Скифское золото»¹² нашёл фотографию обкладки ножен из Чертомлыка. Наблюдение Успенского подтвердилось, изображение на боковом фланце отличалось от того, которое было на обкладке, привезённой в Константинополь. Рельефные изображения на расположенном ниже бокового выступа фризе полностью совпадали.

В текстовой части альбома содержалась информация, согласно которой помимо меча в Чертомлыцком кургане была найдена золотая обивка горита (футляра для лука и стрел). Оба эти предмета (меч и горит) составляют единую «чертомлыцкую» серию парадного скифского оружия.

На обратном пути из библиотеки в архив остановился у большого стенда, размещённого в коридоре, где были представлены наиболее значимые находки, обнаруженные сотрудниками Института. Среди них находились фотографии меча в ножнах и золотая обкладка горита, найденные В.П. Шиловым в 50-е годы при исследовании 8-го Пятибратнего кургана, расположенного в низовьях Дона у станицы Елизаветовской (рис. 2). Несомненно, эти предметы были идентичны тем, которые за столетие до этого были обнаружены в Чертомлыке. Удалось по фотографии уточнить сюжеты, выполненные на обкладке горита. Тонкая золотая пластина украшена несколькими поясами рельефных изображений. На верхнем фризе показаны сцены борьбы животных: львицы и быка, вепря и льва; здесь же можно увидеть, как пантера терзает дикого козла, а лев – оленя. Наибольший интерес представляют два широких средних фриза, целиком заполненные раз-

¹² Скифское Золото в Эрмитаже. The Scythian Gold from the Hermitage. Токио, Ленинград: Kokusai Bunka Эрмитаж, 1985 – 330 с.

Рис. 2. Парадное оружие «Чертомлыцкой серии» из 8-го
Пятибратнего кургана

личными сценами из мифов о жизни величайшего из греческих героев – легендарного Ахилла.

Таким образом, полученная информация подтвердила тот факт, что обкладка ножен меча, зафиксированная на фотографии, присланной из Константинополя, относится к «чертомлыцкой» серии парадного скифского оружия, но не дала ответ на вопрос, где в настоящее время она находится.

Отловил в секторе Античной археологии Сашу Щеглова. Показал ему материалы архива и поинтересовался – знакомы ли они ему? Он ответил, что с отчётом в своё время бегло знакомился, но страницы, содержащие информацию о скифском

золоте, просто пролистал. Обещал покопаться дома в литературе.

В данном случае сработала определённая закономерность. Не случайно А.А. Бобринский распорядился присоединить корреспонденцию Ф.И. Успенского к письму Р.Х. Лепера, так как он сразу понял, что в обоих случаях речь шла об одном и том же комплексе находок. Но в результате те специалисты по истории Херсонеса, которых интересовали исключительно материалы, обнаруженные в ходе раскопок этого памятника, на содержащуюся в отчёте информацию о скифских предметах, просто не обращали внимание. Скифологам же и в голову не могло прийти искать материал в этом архивном деле. Именно поэтому уникальная информация оставалась невосребованной на протяжении семи десятилетий.

На следующий день звоню Щеглову, и он меня, прямо скажем, удивил. Оказывается, обкладка меча находится в Нью-Йорке в экспозиции Метрополитен-музея Искусств (*The Metropolitan Museum of Art*). В связи с тем, что предметы, привезённые в Константинополь, могли происходить с территории Западного Крыма, где мы с Александром Николаевичем уже несколько десятилетий занимались исследованием античных памятников, то мы решили вплотную заняться вопросом об их происхождении и дальнейшей судьбе.

Чем мы располагали: слухами о наличии в 1914 г. четырёх изделий из золота у одного крестьянина, проживавшего в окрестностях Евпатории; появлением этих же предметов в том же году в Константинополе и, наконец, присутствием одного из них в фондах Метрополитен-музея. Заслуга в получении дополнительной информации и её осмыслении принадлежит в первую очередь А.Н. Щеглову.

Прежде всего, он обратился за помощью к сотрудникам отдела греческого и римского искусства Метрополитен-музея. Выяснилось, что там неоднократно пытались выяснить происхождение находящегося в их фондах экспоната. Было собрано несколько интересных документов, позволивших установить отдельные звенья, отмечающие путь обкладки меча в Нью-Йорк. Однако им не были известна та информация,

которую мы обнаружили в архиве ИАК, а, кроме того, они не имели представления, что обкладка является лишь одним из объектов комплекса, состоящего из четырёх предметов. Вместе с тем, те материалы, которые любезно переслали нам сотрудники Метрополитен-музея и те, которые А.Н. Щеглову удалось обнаружить в архиве Эрмитажа, позволили восстановить всю цепочку.

Первое звено, содержащее данные о происхождении этой коллекции, удалось раскрыть благодаря информации, находящейся в письме А. Песчанского, до революции бывшего предводителем дворянства Евпаторийского уезда, от 14 июня 1924 г. Автор письма сообщает, что он был знаком с Абдуллой Ислам-Али-Оглы (крымским татарин), отец которого купил все четыре предмета около 40 лет тому назад, т.е. в 80-е гг. XIX в., у другого татарина из деревни Чаян. По данным Абдуллы его отец знал точное место и время находки, но сам он не помнит. Предметы оставались в семье до 1914 г., когда финансовые затруднения, которые стал испытывать отец Абдуллы, заставили его продать их. Многие из этой информации совпадает с фактами, содержащимися в письме Лепера.

В другом письме Песчанский отмечает, что А.Л. Бертье-Деллагард интересовался на счёт покупки вещей, но они были куплены неким Келессидисом, который предложил за них значительно большую сумму. Вот здесь подтвердилось предположение, что именно Келессидис был тем продавцом, который появился в Константинополе. Выполнить свою угрозу поехать в Париж, если сделка не состоится, Келессидис не успел – началась I Мировая война. Он возвратился в Евпаторию и продал коллекцию Л. Гохману, антиквару из Одессы, в конторе которого эти предметы, как свидетельствуют документы из Метрополитен-музея, видели в 1918 г.

А так как Ш. Гохман, сыгравший одну из главных ролей в судьбе расследования, фигура на редкость колоритная, я позволю себе прервать рассказ и предложить познакомиться с новым детективом в детективе.

«Тиара Сайтафарна»¹³

Антикварная фирма братьев Гохманов возникла ещё в конце XIX в. Основная её контора располагалась в Очакове, который был ими выбран не случайно. Рядом находилось городище древнегреческого города Ольвии. Постоянное археологическое изучение этого памятника в то время ещё не проводилось. Зато для многих жителей расположенного рядом села Парутина хищнические раскопки могил некрополя города стали главным доходным промыслом. Большая часть находок отправлялась в Очаков, в контору Гохманов.

Кроме того, они не гнушались производством и сбытом поддельных «антиков». Братья сумели привлечь к их изготовлению весьма умелых и талантливых мастеров, часто и не ведавших о том, как используются изготовленные ими вещи. Подделки продавались главным образом отдельным коллекционерам, но иногда в заблуждение вводились даже самые опытные, маститые специалисты. Изделия фальсификаторов появились в русских музейных собраниях. Вскоре братья вышли и на международную арену: через посредничество Гохманов или их подставных лиц ольвийские подделки были приобретены, и притом по очень высокой цене, музеями Австрии и Германии.

Самая блестящая спекуляция была осуществлена в 1896 г. Весной этого года в Вене появился один из братьев – Шепсель Гохман – и предложил императорскому музею приобрести золотую «тиару», якобы случайно найденную крестьянами села Парутина в одном из курганов в окрестностях древней Ольвии. Эта своеобразная корона представляла собой высокий (около 18 см и весом 443 гр.) шлемообразный головной убор, аналогичный тому, который носили в древности персидские цари, а сейчас – римский папа (рис 3,1). Тиара состоит из

¹³ История, изложенная в этом детективном этюде, базируется на материалах книги, фрагменты которой были использованы при написании данного очерка: Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ. Л.: Наука, 1979. – С. 83-102.

нескольких поясов – фризов. На нижнем представлены сцены из жизни скифов, на среднем, самом широком, – мифы из «Илиады». Оба фриза отделены друг от друга круговым изображением городской оборонительной стены с башнями,

1

а на ней греческая надпись: «Царя великого и непобедимого Сайтафарна. Совет и народ ольвиополитов». Таким образом, тиара сама сообщала о себе все сведения – она была преподнесена в дар скифскому царю Сайтафарну жителями Ольвии по постановлению народного собрания и совета города.

2

Рис. 3. Тиара Сайтафарна: 1) сама тиара;
2) изображение тиары на почтовой открытке

О царе Сайтафарне было известно из знаменитого декрета в честь знатного ольвиополита Протогена, где сообщалось, что тот остановился со свитой у стен города *«и требовал даров»*, так как Ольвия с конца III в. до н.э. была вынуждена выплачивать дань скифам. К этому следует добавить, что надпись на тиаре с точки зрения эпиграфики безупречна.

У австрийских музейщиков подлинность тиары не вызвала сомнений, однако цена, которую запросил Гохман, была столь высока, что требуемую сумму собрать не удалось, и Венский музей с сожалением был вынужден отказаться от покупки.

Так как Ш. Гохман, у которого кончался срок визы, должен был вернуться в Россию, то передал тиару двум венским антикварам, поручив продать её за 30 тысяч франков с условием, что, если им удастся получить больше, то прибыль поделят. Те отправились в начале марта в Париж, где при посредничестве некоторых влиятельных лиц предложили тиару Лувру. Там она была подвергнута тщательной и всесторонней экспертизе и среди всех учёных мужей, которые её изучали, не нашлось ни одного, усомнившегося в её подлинности.

Торговцы запросили баснословную цену, но стремление приобрести шедевр было столь велико, и уверенность в его подлинности столь глубока, что Лувр согласился уплатить за неё огромную сумму. Газетчики называли цифру 200 000 франков (более 90 тыс. рублей). Сделка состоялась, и по иронии судьбы 1 апреля «Тиара Сайтафарна» заняла место в одном из залов Лувра среди национальных сокровищ Франции.

Однако, как только появились сообщения о луврском приобретении, в России сразу же раздались голоса, высказывавшие сомнения в подлинности тиары. Русские учёные хорошо знали цену «ольвийским древностям». По их мнению, совершенно невероятно, чтобы о столь значительной находке ничего не было известно в России. А о тиаре не слышали ни парутинские крестьяне, ни коллекционеры и антиквары, ни археологи.

Первым против подлинности «тиары Сайтафарна» заявил в газете «Новое время» признанный специалист по истории

скифов Н.И. Веселовский. В том же духе высказался директор Одесского музея Э.Р. фон Штерн. Одним из веских аргументов против подлинности тиары, по мнению известного коллекционера А.Л. Бертье-Делагарда, служило и содержание сделанной на ней надписи: *«Вероятно ли, даже возможно ли, чтобы ольвийцы осмелились грозному царю написать на лбу такую штуку? Поистине подобная идея может прийти в голову только современному поддельщику, у которого она, впрочем, и совершенно понятна, так как его воззрения не идут далее понятия о портсигаре с надписью, подаренном на именины»*¹⁴.

Русские учёные неоднократно информировали Лувр о своей уверенности в поддельности тиары, но руководство музея продолжало с жаром отстаивать её подлинность. Они из раза в раз повторяли, что всё приобретаемое Лувром проходит тщательнейшую экспертизу со стороны виднейших специалистов.

Дискуссия развернулась с новой силой, после того как у известного немецкого учёного А. Фуртвенглера появилась возможность лично осмотреть тиару в Лувре. В результате он опубликовал подробный искусствоведческий анализ изображений, представленных на тиаре. По его мнению, наблюдается смешение разнородных и разновременных стилей, при этом допущены ошибки, которые античный мастер совершить никак не мог, и т.д. Общий вывод – тиару изготовил современный ювелир.

В ответ хранители Лувра заявили, что не только в России, но и во всей Европе, нет современного мастера, который был бы способен создать столь высокохудожественную подделку с таким глубоким знанием и чувством античности. В результате тиара продолжала сиять в витрине Лувра.

Новый виток интереса к «тиаре Сайтафарна» произошёл в 1903 г. Теперь его инициатором были не учёные мужи, а журналисты. В марте месяце газета «Матэн» (*Le Matin*) опубликовала письмо, а затем и интервью некоего Лившица, русского ювелира, жившего в Париже. Тот заявил, что луврская

¹⁴ Цит. по: Брашинский И.Б. Указ. соч.

тиара является произведением его лучшего друга одессита И. Рухомовского, которому он сам помогал в её изготовлении на протяжении восьми месяцев. Ювелир ручался за личную честность Рухомовского, который, по его словам, создал тиару, не ведая, что она предназначена для мошеннической продажи в качестве «подлинной» древней вещи.

Тут же от дирекции Лувра появился отклик на материалы, опубликованные «Матэн». Редакция газеты якобы была введена в заблуждение – в Одессе не проживает ювелир по фамилии Рухомовский.

Теперь в расследовании происхождения тиары приняли участие и другие парижские газеты. В «Фигаро» была опубликована телеграмма её корреспондента из Одессы: *«Гравёр Израиль Рухомовский, проживающий в Одессе, Успенская улица 36, категорически заявляет, что он является автором тиары, изготовленной им в 1896 г. по заказу лица, прибывшего из Керчи. Рухомовский готов по получении 1200 франков прибыть в Париж»*¹⁵.

Интересный штрих. Не вызывает сомнения, что инициаторами изготовления тиары были братья Гохманы. Но заказ Рухомовскому сделали не они лично, а их посредник, заявивший, что тиара предназначена в качестве подарка к юбилею одного известного харьковского профессора. Умели заметить следы братья.

На информацию, появившуюся в «Фигаро», дирекция Лувра была вынуждена реагировать. Она заявила, что может потратить 1200 франков, чтобы выяснить подлинность вещи, за которую заплачено более 200 тысяч.

В результате Рухомовский приезжает в Париж и инкогнито под другой фамилией поселяется в отеле. Но от вездесущих репортёров не так-то легко было укрыться, и они очень скоро его разыскали. Портреты Рухомовского, сопровождаемые интервью с ним, появились во всех газетах. Он стал героем дня, кумиром парижан, которым очень импонировало то, что этот маленький человек дал им повод посмеяться над силь-

¹⁵ Цит. по: Брашинский И.Б. Указ. соч.

ными мира сего. В какой-то степени от этой газетной шумихи выиграл и Лувр. За три дня здесь побывало более тридцати тысяч человек, стремившихся посмотреть на ставшую вдруг знаменитой вещь. Даже были выпущены почтовые открытки с изображением «тиары Сартафарна» (рис. 3,2).

Официальные власти были вынуждены реагировать на эту газетную шумиху. В конце марта Совет национальных музеев Франции собрался в Лувре на экстренное секретное совещание и после длительного заседания министр Шомье передал представителям печати следующее официальное коммюнике: *«Министр народного просвещения решил создать комиссию с целью рассмотрения подлинности объектов наших национальных собраний».*

Расследование продолжалось около двух месяцев. Его результаты были опубликованы в газете «Ле Тан» в начале июня 1903 г. Рухомовский предъявил комиссии 4 подлинные фотографии тиары, сделанные накануне того, как она была передана заказчику. Кроме того, были предъявлены эскизы четырёх фрагментов тиары, изготовленных им на память.

Прежде чем показать тиару Рухомовскому, члены комиссии допрашивали его в течение восьми часов, выясняя различные мелкие детали. Рухомовский достойно выдержал этот экзамен. Он рассказал, что работал над тиарой в течение 7-8 месяцев и получил за неё 1800 рублей. Он указал и на источники, служившие ему образцами при создании тиары. Это были широко известные в то время «Русские древности в памятниках искусства» Толстого и Кондакова – для скифских сюжетов, и популярный «Атлас в картинках к всемирной истории» Вейснера – для мотивов из «Илиады». В этих изданиях были допущены некоторые графические ошибки, и все они оттуда перешли на тиару.

Далее Рухомовскому было предложено сделать несколько вещей с этих изданий. Он выдержал и это испытание – вещи были изготовлены точно в той же технике, что и тиара. Наконец, последнее испытание заключалось в том, что Рухомовский должен был изготовить на глазах комиссии часть самой тиары. Обе вещи оказались абсолютно идентичными. Больше

никаких сомнений в авторстве Рухомовского не оставалось.

Выводы комиссии сводились к следующему:

«1) тиара Лувра фальшивая; 2) она изготовлена по указанию некого господина X современным мастером; 3) этот мастер – Рухомовский».

Вопрос с «тиарой Сартафарна» был решён окончательно. Она была сначала передана в музей современного искусства, а затем вернулась в Лувр, где находится в зале подделок.

Читатель, несомненно, согласится, что главный герой этой истории, ювелир И.Х. Рухомовский, личность незаурядная. Известно о нём немного. Родился он в 1860 г. в небольшом провинциальном городке Мозырь в Белоруссии. Никакого художественного воспитания он не получил, но с раннего детства страстно увлёкся искусством, хотя родители готовили его к карьере раввина. Этот самородок без чьей бы то ни было помощи достиг такого совершенства в ювелирном искусстве, что в киевских гравёрных мастерских, куда он приехал учиться, не оказалось никого, кто мог бы его чему-нибудь научить.

В начале 90-х гг. Рухомовский перебрался в Одессу. Здесь он стал известен как отличный ювелир. Он изготовил на заказ целый ряд вещей античного образца. И, естественно, что, когда братья Гохманы задумали свою аферу с «тиарой Сайтафарна», они через посредника заказали её изготовление именно Рухомовскому.

На первый взгляд, довольно удачно сложилась и дальнейшая судьба этого, несомненно, выдающегося, мастера. Он перебрался со своей многочисленной семьёй (у него было шестеро детей) в Париж. Некоторое время работал реставратором в Лувре, а затем открыл свою мастерскую. Среди его заказчиков были и известные представители парижского общества, в частности, он выполнял заказы банкира Эдмона Ротшильда.

В 1928 г. Рухомовский издал в Париже автобиографическое сочинение на идише «Моя жизнь, моя работа». Однако, видимо, он оказался плохим бизнесменом. Согласно информации, полученной И.Б. Брашинским от его племянницы, проживавшей в Минске, последние годы он жил в бедности и умер в 1936 г.

Вместе с тем Израиль Рухомовский на Западе не забыт. Во всех изданиях, посвящённых современному ювелирному искусству, ему отведено достойное место. Иногда его даже называют «еврейским Чилини». Изделия Рухомовского часто появляются на аукционах. Так, в 2003 году на аукционе в Нью-Йорке был выставлен к продаже миниатюрный золотой саркофаг с рельефами, в котором помещался скелет, составленный из 187 фрагментов. Признанный шедевр ювелирного искусства. В 1903 г. за изготовление этого изделия, показанного в Салоне французских художников, Рухомовскому была присуждена золотая медаль. С аукциона в Нью-Йорке саркофаг ушёл за 465 тыс. долларов.

Куда менее известен был И. Рухомовский, в отличие, например, от Феберже, на родине. Правда, в последнее время наблюдаются и перемены. Так, в 2014 г. телевидение Белоруссии выпустило документальный фильм, посвящённый Рухомовскому, под интригующим названием «Корона царя Сайтафарна или привет Лувру от Мозыря». В том же году в Одессе на доме, где в своё время находилась мастерская Рухомовского, появилась памятная доска (рис. 4,2).

Ну, а как отразилась парижская афера на судьбе антикварной конторы братьев Гохманов? Несомненно, они были довольны – получили раза в три больше денег, чем планировали первоначально. Но затем разразился скандал с тиарой. Хотя Рухомовский не назвал прямо Ш. Гохмана в качестве заказчика, но при желании полиция могла довольно легко получить необходимые улики для возбуждения дела о мошенничестве в особо крупном размере. Однако из Франции заявка на расследование этого уголовного преступления не поступила, там предпочли замять разразившийся скандал.

Хотя Ш. Гохман, непосредственно замешанный в продаже фальшивой тиары, вышел сухим из воды, он предпочёл совершенно отойти от дел. Семейный бизнес продолжил его младший брат Лейба. Несомненно, престиж фирмы пострадал, но она продолжала существовать вплоть до революции. Л. Гохман не решался больше торговать золотыми «древностями», поскольку доверие к ним было полностью подорвано. Теперь он

1

2

Рис. 4. 1) И.Х. Рухомовский (1860–1936); 2) памятная доска на доме в Одессе, где находилась мастерская И.Х. Рухомовского

перешёл на торговлю подделками из серебра и, надо сказать, немало преуспел на новом поприще. Одновременно с этим фирма продолжала скупать и продавать подлинные древние предметы. Именно Л. Гохману продал Келесидис те четыре золотых изделия, которые он возил в Константинополь.

Как раз в конторе К. Гохмана в Одессе с этими предметами познакомился в 1918 г. Теодор Виганд, директор Античного отдела Берлинского музея. Он после оккупации Германией Украины совершал поездку по южным музеям России. Из записки, написанной в марте 1931 года немецким исследователем Робертом Захом, мы знаем, что Виганда особенно заинтересовала золотая чаша. Но, в конечном счёте, он высказал сомнения в её подлинности. Важно отметить, что сам Гохман

не располагал информацией о происхождении четырёх предметов (да она его, видимо, мало интересовала) и не мог сообщить Виганду, что они составляют одну коллекцию, а не просто являются случайным набором.

В ноябре 1918 г. немцы были вынуждены покинуть Украину. Вместе с ними перебрался в Германию и К. Гохман. Он осел в Берлине и в следующие годы распродал те раритеты, которые прихватил с собой. В результате три из четырёх объектов (обкладка меча, диадема и гривна) вошли в коллекцию Бахтица.

В 1927 г. они вернулись на короткое время на «родину», в этот раз в Эрмитаж. А.Н. Щеглову удалось в фотоколлекции отдела Археологии Восточной Европы и Сибири найти 21 негатив этих предметов и их деталей. Они находились в Эрмитаже девять месяцев. Несомненно, кто-то из сотрудников Эрмитажа ознакомился с поступившими на экспертизу предметами. Но, видимо, не располагая сведениями о месте, где они были обнаружены, они не проявили к ним должного интереса и нигде в печати о них не упомянули. Экспертиза не являлась главной причиной появления предметов из коллекции Бахтица в Ленинграде. Тот, видимо, надеялся продать их Эрмитажу. Но в это время музей сам был вынужден передавать Госхрану на продажу за границу материалы из своих коллекций. Так что ни о какой покупке не могло быть и речи. Все три предмета вернулись в Германию.

В 1929 г. в Гааге вышел Каталог коллекции Бахтица. В нём была опубликована обкладка меча и «диадема». Гривна не упомянута, видимо, к тому времени она была уже продана. Наконец, в следующем году обкладку ножен меча коллекции приобрёл Метрополитен-музей. Этим закончилось путешествие четырёх изделий античной торевтики, исходным пунктом которого была Евпатория. В результате единая коллекция была раздроблена, но нам в ходе исследования судьбы коллекции удалось обнаружить большое число фотографий, которые позволяют не только получить общую, но иногда и детальную информацию о каждом из составляющих ее предметов.

Золотая обкладка ножен меча

В настоящее время обкладка находится в экспозиции Метрополитен-музея. Длина её составляет 54,5 см. Вся её поверхность покрыта рельефными изображениями. На верхнем боковом фланце изображён лев, терзающий оленя. В нижерасположенном фризе представлено пять эпизодов битвы скифов с греками, которая, судя по всему, складывается не в пользу последних.

Предводитель в шлеме и панцире (он расположен первым слева) обернулся назад с вытянутой рукой и, видимо, призывает на помощь подкрепление. Он не замечает опасности, грозящей ему со стороны предводителя скифов, который уже занёс над его головой свой короткий меч – акинак.

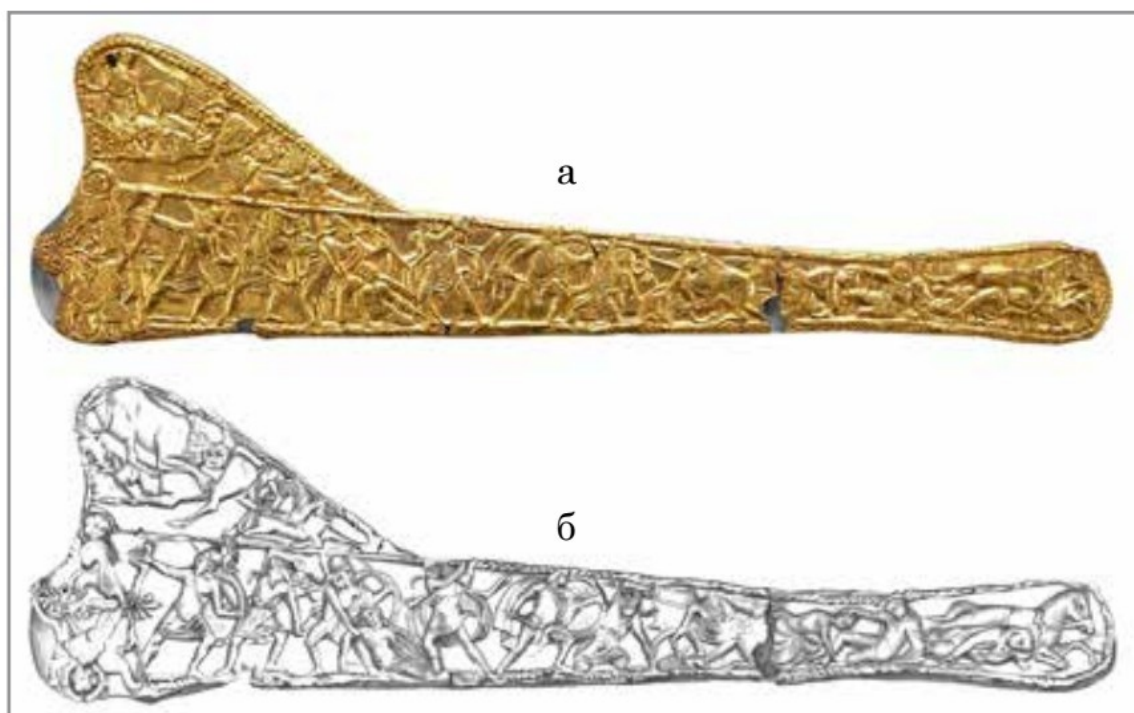

Рис. 5. Золотая обкладка ножен, хранящаяся в Метрополитен-музее: а) фотография; б) прорисовка, выполненная Т. Мильцыной¹⁶

¹⁶ Курганы скифской знати в Западном Крыму : монография / А. Н. Щеглов, В. И. Кац, Т. Н. Смекалова, Б. Беван Б. // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XI. – Симферополь: Феникс, 2013. С. 38, рис. 76.

Следующая группа изображает схватку двух греков со скифом. Безбородый грек лежит на земле. Он ещё жив, поддерживаемый бородатым товарищем, который пытается копьём отразить удар скифа, стремящегося добить раненого юношу.

В третьей сцене показан бой пешего грека с двумя скифами — пехотинцем и всадником. Пеший юноша-скиф ранен и упал на колени. Греческий воин пытается его добить, а раненый готовится к отражению удара своим боевым топором. На помощь ему спешит скиф на коне с длинным копьём в руке. Но лошадь его споткнулась и упала на передние ноги. Юный скиф, по-видимому, обречён.

Последняя группа, расположенная на наиболее узкой части ножен, весьма любопытна. Здесь изображены два грека, один из которых ранен и полулежит облокотившись, другой же, склонившись над ним, оказывает ему «первую помощь»: зубами он пытается вытащить из колена раненого вонзившуюся туда стрелу.

Наконец, последняя сцена изображает мчащегося во весь опор коня, волокущего раненого скифа. Перед конём на земле лежит греческий шлем.

Все изображения на ножнах очень реалистичны, детально переданы особенности греческого и скифского вооружения, одежды и т.д. Прослеживается хорошее знание особенностей ведения боя как греками, так и скифами.

Предположения о происхождении обкладки появились сразу, как только она попала в Метрополитен-музей. В изданиях музея за 1931-1932 г. появились две статьи Г.М.А. Рихтера, посвящённые новому приобретению. По его мнению, вероятнее всего, обкладка найдена на территории России, возможно, около города Никополь, рядом с которым находится Чертомлыцкий курган, давший аналогичную находку. Большинство специалистов согласилось с таким предположением. Единственным исключением стало мнение А.П. Манцевич, которая вскользь отметила, что обкладка могла быть найдена в одном из курганов Македонии или Фракии. Видимо, аргументом для такой локализации стало знакомство Манцевич с

фотографией обкладки, находившейся в Альбоме, поступившем из Константинополя. Естественно, она предположила, что находка была сделана где-то на Балканах. Разумеется, переписка Ф.И. Успенского с ИАК ей не была знакома.

Золотая гривна

Настоящее местонахождение гривны неизвестно. Согласно информации Ф.И. Успенского она имела форму круга длиною в 70 см, в сечении около 5 мм, весом 345 гр. Окончания гривны украшены фигурами львов или львиц. Звери лежат, головы положены на вытянутые вперёд лапы. Подобные гривны широко известны по находкам из курганных захоронений второй половины IV в. до н.э. в степной зоне Северного Причерноморья, в том числе и в Северо-Западном Крыму.

*Рис. 6. Золотая гривна. Фотография сделана в 1914 г.
в Константинополе*

Золотая «диадема»

«Диадема» (браслет или обруч?) находилась по крайней мере в 1929 г. в коллекции Бахтица. В 60-е годы прошлого века она являлась собственностью Мюнхенской антикварной фирмы «Н. Herzer and Co». В 1966 г. фотография «диадемы», якобы происходящей из Керчи, была опубликована в каталоге одной из выставок.

Согласно Ф.И. Успенскому «диадема» имеет длину 54 см, ширину 1,2 см, толщину 0,1 см, вес 117 гр. Её фриз состоит из

четырёх сцен: два льва нападают на кабана, два льва нападают на быка, лев и львица нападают на кабана, лев и львица нападают на быка. Правый конец объекта заканчивается штампованной маской льва, левый обломан. Вещь уникальная и в настоящее время она не имеет прямых параллелей.

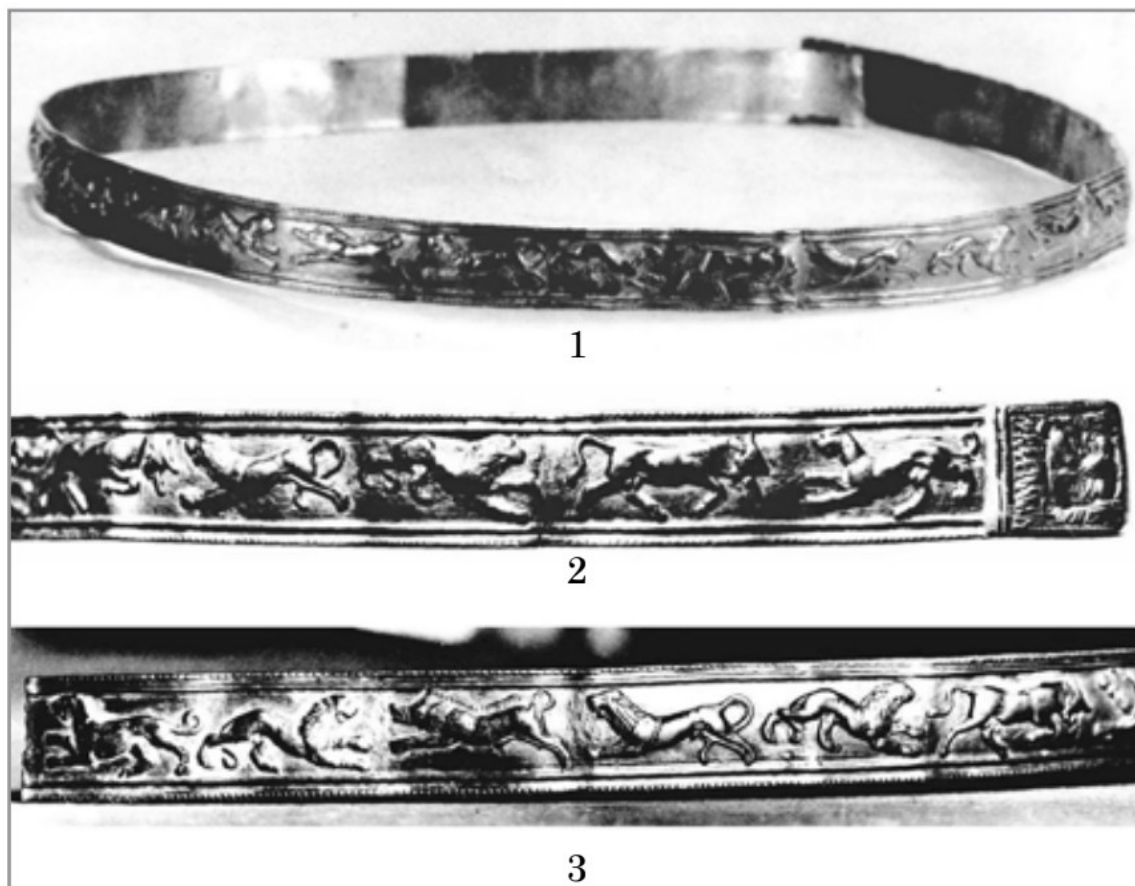

Рис. 7. Золотой браслет или обруч. Фотографии сделаны в 1927 г. в Эрмитаже: 1) общий вид; 2-3) увеличенные детали

Золотая чаша

Самой загадочной остаётся судьба последнего предмета коллекции – золотой чаши. О ней мы знаем только благодаря информации, изложенной Ф.И. Успенским в письме в ИАК и приложенной к письму фотографии. По его данным диаметр чаши составлял 15 см, глубина 4-5 см, вес 146,5 гр.

Л. Гохман так и не смог избавиться от этого раритета, хотя и выставлял несколько раз чашу на аукционы. Видимо, по-

тенциальные покупатели обращались за консультациями к специалистам, а у тех со времени Виганда были серьёзные сомнения в её подлинности. Не случайно в письме, полученном Л. Гохманом в июле 1936 г., автором которого был Р. Зах, последний подтверждает высказанное ранее заключение, что чаша ему кажется крайне подозрительной. Между тем для нас, располагающих полной информацией, подлинность чаши не вызывает сомнения. Она с самого начала составляла с другими тремя предметами единый комплекс в древности. Древность же этих трёх предметов ни у кого из специалистов не вызывала сомнений.

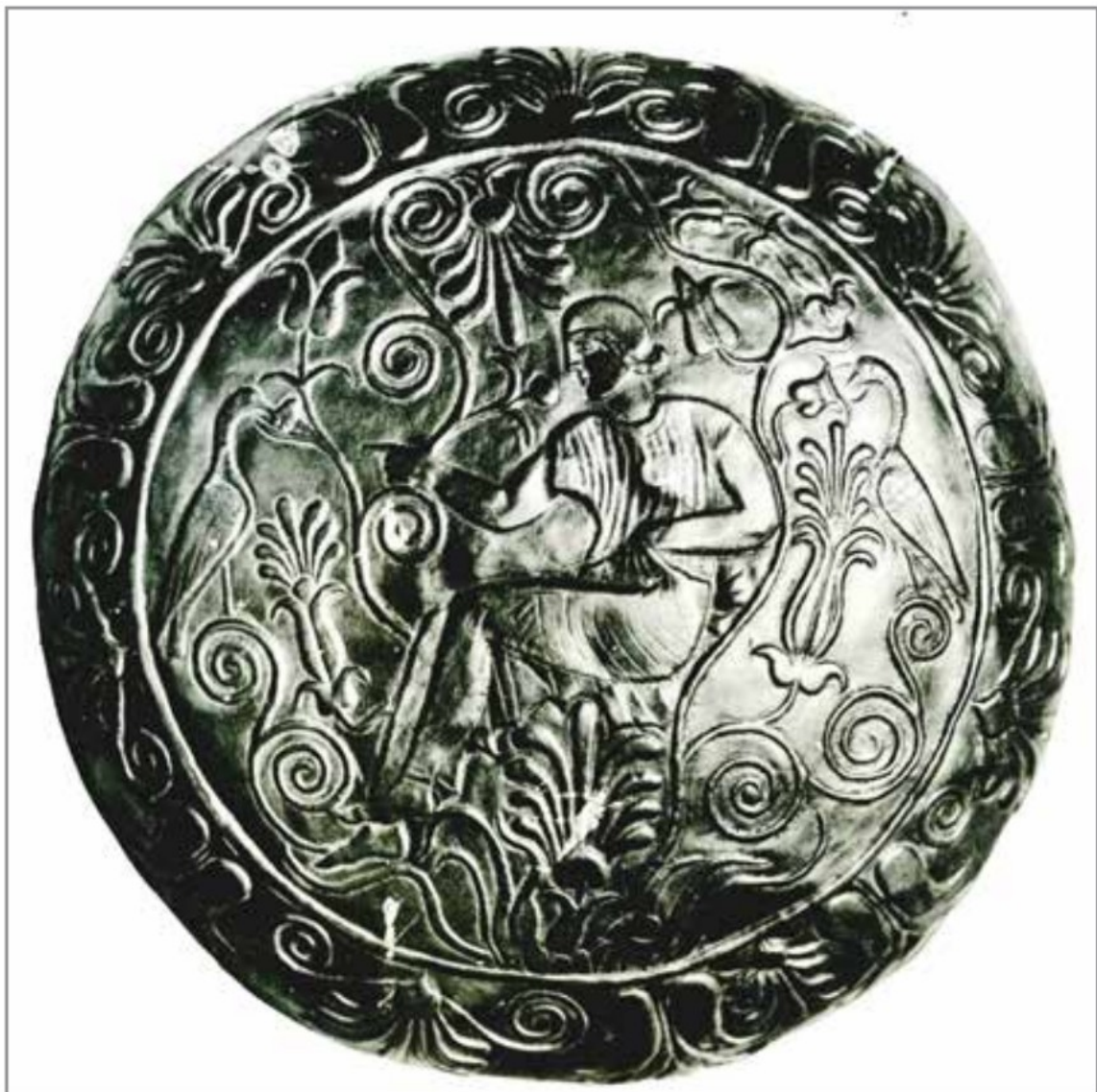

Рис. 8. Золотая чаша

Поверхность чаши покрыта изображениями, выполненными в рельефе. Вокруг закраины имеется лента из чередующихся лотосов и пальмет. В центре представлена фигура сидящей богини, повернутая влево. Она одета в длинный хитон. Правая рука у неё полусогнута, в то время как своей левой рукой она поддерживает хитон у талии. Богиня обрамлена спиральными завитками пальмет. С каждой стороны центральной фигуры расположены две длинноклювые водяные птицы. Вещь уникальная и в настоящее время она не имеет прямых параллелей.

Важность обнаружения этой коллекции заключается не только в искусствоведческой ценности самих предметов, но и в месте, где они были найдены, и наличии среди них обкладки меча.

Место находки можно определить с относительно большой степенью точности.

Когда в 1914 г. коллекция поступила на рынок все свидетельства как письменные, так и устные прямо или косвенно были связаны с Евпаторией, с Евпаторийским уездом. Указывалось и более точное место – деревня Чаян, где проживал тот крестьянин, в семье которого несколько десятилетий хранились вещи. В настоящее время этот населённый пункт называется Запорожское и находится в 25 км к северо-востоку от Евпатории. Показательно, что даже сейчас деревню окружают курганы, включая некоторые со следами грабительских раскопок. Интересно, что в 6 км к юго-востоку от Запорожского находится деревня Баштановка, ранее называвшаяся Арап-Сарха, на территории которой был расположен также курган, из которого крестьянами в ходе грабительских раскопок была извлечена золотая гривна со львами, имеющая определённое сходство с той, которая представлена в нашей коллекции. Нет ничего невероятного в том, что крестьянин из татарской деревни Чаян мог выкопать набор золотых вещей на своём собственном участке земли случайно или в поисках сокровищ.

Если признать верной предложенную версию о том, что все четыре предмета являются частью целого комплекса из

богатого кочевнического захоронения второй половины IV в. до н.э., и то, что правильно определено место находки в Северо-западном Крыму, тогда, несомненно, необходимо помещать его среди наиболее важных ранее открытых наборов погребальных объектов. А с учётом находящейся в составе коллекции обкладки меча поместить её среди тех наборов, которые включают парадное оружие серии – мечи и гориты.

Рис. 9. Карта местонахождения находок церемониального оружия «чертомлыцкой» и «карагодеуашской» серий: 1 – золотые обкладки ножен; 2 – обкладки горитов; 3 – граница северопричерноморских степей; 4 – территория Боспорского государства; 5 – Чаян-Апан-Сарча; 6 – Карагодеуашх; 7 – 8-й курган Пятибратнего могильника; 8 – Мелитополь; 9 – Чертомлык; 10 – Ильинцы; 11 – Вергиния, Македония¹⁷

В настоящее время имеется пять комплексов, содержащих изделия так называемой «чертомлыцкой» серии. Они были изготовлены не только в одной мастерской, но и с ис-

¹⁷ Щеглов А.Н., Кац В.И., Смекалова Т.Н., Беван Б. Указ. соч. – С. 47, рис. 9.

пользованием одних и тех же матриц. Мастер, несомненно, был греком, о чём свидетельствует его прекрасное знание мифов о Троянской войне, сцены из которой выполнены на центральном фризе горитов. Вместе с тем ему хорошо были знакомы особенности скифского быта. На обкладках мечей, где изображена битва греков со скифами, детально переданы детали вооружения и одежды скифов. Весьма вероятно, что греческий художник, создавший эти произведения искусства, сам участвовал в военных столкновениях со скифами и очень реалистично воспроизвёл боевые эпизоды, виденные им воочию. В результате всего изложенного выше вполне правдоподобной выглядит гипотеза, что местом, где в середине IV в. до н.э. было изготовлено парадное оружие «чертомлыцкой» серии, была столица Боспорского царства Пантикапей.

Теперь рассмотрим, где расположены на территории Северного Причерноморья памятники, в которых зафиксированы находки этих предметов (рис. 9). Полные комплекты (меч и горит) найдены в Чертомлыке (Среднее Поднепровье) и в 8-м Пятибратнем кургане (дельта Дона). В остальных курганах присутствует лишь один предмет: по одному гориту в Мелитопольском (Приазовье) и в Ильинецком (северо-западная зона) курганах; наконец, меч в кургане Чаян (Северо-западный Крым).

Таким образом, четыре захоронения локализуются в степном регионе – Азово-Днепровские степи и Северо-западный Крым. Пятое захоронение находилось в лесостепной зоне между Днепром и Днестром. То, что находки парадного оружия разбросаны по локальным археологическим регионам, где располагались отдельные группы кочевников явно не случайно. Они не просто ассоциируются с захоронениями высших слоёв аристократии, но должны были входить в состав погребального инвентаря того из племенных вождей, который контролировал этот локальный регион.

Вся серия парадного оружия была создана в середине – третьей четверти IV в. до н.э., когда правителем на Боспоре был Перисад I. Он проводил активную внешнюю политику и дружеские и союзные отношения со скифами ему были край-

не необходимы. Поэтому, несомненно, что парадное оружие было создано специально для вождей номадов, и оно попадало к ним в результате дипломатических подарков, а где-то с 340 г. они стали включаться в захоронения высших слоёв скифского общества.

Существует и другая серия церемониальных горитов, представленная двумя экземплярами. Стилистически, типологически и тематически они сходны с горитами «чертомлыцкой» серии, также содержат мифологические сцены из Троянской войны. Несомненно, обе серии изготовлены в одной мастерской», но с использованием разных матриц.

Оба экземпляра второй серии обнаружены далеко за пределами традиционного расселения скифов. Первый из них встречен в кургане Карагодеуашх, расположенном в Прикубанье. Это была территория, занятая меотским племенем фатеев, правители которого находились в тесных не только экономических, но и политических контактах с Боспорским царством. Показательно, что после смерти Перисада в ходе начавшейся междоусобной борьбы за престол, сын Перисада Евмел бежал к царю фатеев. и с его помощью одержал победу. Некоторые историки считают, что в склепе под курганом Карагодеуашх как раз и похоронен этот царь.

Несомненный интерес представляет судьба второго горита. Он входит в состав богатого инвентаря погребения, обнаруженного в конце 70-х гг. прошлого века в склепе под огромным курганом у села Вергиния в Македонии. Погребение, судя по всему, принадлежит отцу Александра Великого Филиппу II, убитому в 336 г. до н.э. К нему, вероятно, горит попал в качестве военного трофея после разгрома им в Добрудже армии скифского царя Атея.

Таким образом, счастливый случай в очередной раз позволил получить новую порцию исторической информации. В настоящее время она оказалась востребованной не только скифологами, но и специалистами в области античной торевтики.

Сюжет 7. «Письма с фронта»

Я далеко не сразу решил включить этот сюжет в данную книгу. Он не имеет ничего общего с археологией, да и детективом его вряд ли можно назвать. Однако перевесил тот аргумент, что появился этот сюжет, как и другие, чисто случайно. Пришлось, разбирая полученный материал, на время отложить запланированную ранее работу. И, как во всех других случаях, результаты оказались положительные – в научный оборот была введена новая информация.

Всё началось несколько лет тому назад. Мне позвонила О.В. Плотникова, младшая дочь Василия Петровича Савина, который на протяжении восьми послевоенных лет был моим отчимом. Следует отметить, что Василий Петрович, с которым у меня сложились ровные, дружеские отношения, как я сейчас понимаю, оказал благотворное влияние на моё воспитание. По крайней мере, в бытность его директором сортоиспытательной станции в Красном Куте, он стал инициатором привлечения меня к трудовой деятельности. Два сезона я работал в летние каникулы на току. В результате в первый год заработал на половину фотоаппарата, а во второй год – на половину велосипеда. Эти приобретённые трудовые навыки в дальнейшем мне оченьгодились.

Но вернёмся к нашей истории. Ольга Васильевна сообщила, что в архиве отца после его смерти она обнаружила пачку писем, написанных им в период его службы в рядах Красной Армии с июня 1941 по февраль 1946 г. Адресатом являлась моя мать Зоя Григорьевна Кац, проживавшая в годы войны в Саратове. Именно она сохранила эти письма, а после её смерти в 1954 г. они находились в семейном архиве Василия Петровича. Ольга Васильевна решила передать письма мне как прямому наследнику адресата.

Уже первое беглое знакомство с письмами показало, что они не только носят исключительно личностный характер, но и что удивительно для людей зрелого возраста, характер романтических отношений. Этому немало способствовала предыстория переписки, к которой Василий Петрович возвраща-

ется в своих письмах неоднократно. Впервые он увидел Зою Григорьевну вечером 13 июня 1941 г. в столовой села Носовка (Украина), где проходила какая-то конференция агрономов (письма от 29.05, 14.06.1944 г.). Вместе им оставалось провести всего 10 дней. 23 июня они распрощались под вой сирен воздушной тревоги на вокзале г. Нежин.

Эта, казалось бы, мимолётная встреча и стала началом активной переписки на протяжении следующих четырёх с лишним лет. Основной её рефрен можно определить словами Константина Симонова: *«Жди меня, и я вернусь, только очень жди»*. Переписка была в первую очередь жизненно необходима для Василия Петровича. Не случайно, вспоминая первую встречу, он замечает: *«Я всё время благодарю небо и говорю, что я несказанно счастливый человек, потому что встретился с тобой. Наша переписка, твои письма свершили для меня величайшее дело. Они поддерживали дух и бодрость, а в наше время и условиях – это жизнь»* (письмо от 14.06.1944 г.)

Завершились эти многолетние крепнувшие отношения счастливым концом. В феврале 1946 г. Василий Петрович был демобилизован и приехал в Саратов. Эта история, несомненно, имеет локальный характер и заслуживает того, чтобы её, как и письма, где она отражена, поместить в семейный архив.

Однако, волей случая, письма попали в руки профессионального историка. Мне приходилось работать с различными видами источников, в том числе и с эпистолярными. Оказалось, что в некоторых случаях именно информация, содержащаяся в письмах, становилась тем ключом, с помощью которого удавалось с иных позиций, чем это делалось раньше, посмотреть на, казалось бы, известные события. Именно с учётом этих позиций я и проанализировал информацию, содержащуюся в письмах Василия Петровича, и для меня стало очевидным, что они могут добавить несколько новых штрихов в такое эпохальное событие в истории Российского государства, как Великая Отечественная война.

Относительно мало места в письмах отведено описанию военных действий. Несомненно, Василий Петрович учитывал наличие цензуры и стремился не нарушать предписанных

правил. Характерно, что только в двух случаях в его письмах цензоры вымарали названия отмеченных в них населённых пунктов.

Ценность писем в том, что в них содержится много информации о фронтовом быте. Показательно, что о его тяготах говорится вскользь. Однако складывается представление, что материальное обеспечение бойцов даже в тяжёлый первый год войны было на должном уровне. Лозунг «Всё для фронта!» не был просто лозунгом. Тыл, переживавший все тяготы войны, обеспечивал всем необходимым Армию. Своеобразным показателем эффективности тыловой службы являлась скорость доставки на фронт писем, которые с нетерпением ждали бойцы. Конечно, зачастую письма (особенно в первые месяцы войны) пропадали, однако в дальнейшем, например, в Саратов, они доходили всего за 7–10 дней. Для меня стал неожиданным и тот факт биографии Василия Петровича, когда весной 1943 года, в период затишья, он, простой командир батареи, получил 20-тидневный отпуск и был отправлен в дом отдыха в Подмосковье.

Рис. 1. 1) В.П. Савин. Апрель 1943 г., санаторий п. Раменское, Московской области; 2) письмо от 25 октября 1943 г.

Особый интерес представляет характеристика того морального настроя и его эволюция, которые характерны для той основной части армейского контингента, которую составляли не профессиональные военные, а люди, призванные из запаса и оторванные от гражданской жизни. Пожалуй, это наиболее чётко было сформулировано Василием Петровичем на исходе второго года войны: *«на войну мы стали смотреть иначе, не как только на бедствие и попытку нас уничтожить, а как на обычную, привычную работу. Ну, скажем, как на проведение весеннего сева, правда, весьма затянувшегося»* (письмо от 15.04.1943 г.).

Вообще, такой подход к военному делу, как трудной, зачастую неблагоприятной, но необходимой работе, какую нужно делать с полной отдачей сил, характерен для Василия Петровича. Неслучайно он с гордостью сообщает, что *«батарея наша одна из первых, и, можно сказать, без хвастовства первая в полку»* (письмо от 23.09.1942 г.), отмечая также, что и он приложил руку к выучке боевых расчётов.

После длительного пребывания в обороне он пишет: *«сидеть надоело, хочется двигаться. Надеемся по первому снегу вперёд – на запад»* (письмо от 05.11.1942 г.). *«Я часто мечтаю и жду того момента, когда мы разделимся с этой мерзостью и можно будет снова быть со своими близкими родными. А то, что мы с ними разделимся, то в этом будьте уверены – это слово гвардейца и коммуниста»* (письмо от 10.04.1942 г.). И это не были просто «замыленные» лозунги, такой патриотический настрой был заложен на генном уровне. Характерно, что в конце 1941 г., когда немцы захватили г. Калинин, отец Василия Петровича, которому было уже 65 лет, собирался отправить родню в эвакуацию, а сам уйти в лес партизанить.

В немалой степени осознанному патриотическому настрою способствовал и тот факт, что Василий Петрович сформировался как личность в период господства в России советской идеологии.

Родился он в 1905 году в глухом углу Тверской губернии,

деревне Григорьево Весьёгонского уезда в многодетной крестьянской семье (у него было два брата, погибшие в годы войны, и три сестры). В 1923 г. окончил Борисоглебский сельхозтехникум. Видимо, уже в те годы пристрастился к книгам. Не случайно даже на фронте в ночные дежурства в штабе, когда позволяла обстановка, он проводил время за чтением классики и не только русской, но и зарубежной. Явно не случаен тот факт, что приводимые письма написаны хорошим образным языком.

В 1926–1929 гг. он учился в Ленинградском сельхозинституте. После прохождения агрономической практики на Дону, в 1929–1932 гг. здесь, а также на Ставрополье работал агрономом. На протяжении следующих полутора лет работал ассистентом кафедры механизации животноводства (г. Пушкин Ленинградской обл.) и химиком-аналитиком Почвенного института им. Докучаева (г. Ленинград). Большую часть 1934 г. Василий Петрович провёл в качестве курсанта-одногодичника в артиллерийском полку, находившемся в окрестностях Ленинграда.

Несомненно, длительное пребывание в Ленинграде в немалой степени способствовало повышению его общего культурного уровня. Именно здесь он приобрёл вкус к посещению театров, музеев и концертов. Не случайно, оказавшись в годы войны проездом в Москве, он стремился попасть на какой-нибудь спектакль или в очередной раз посетить Третьяковскую галерею.

В последующие предвоенные годы Василий Петрович работает химиком-аналитиком в колхозной станции с. Степаново (Костромская обл.); заведующим отделом ботаники и лекарственных растений Белорусской опытной станции (г. Могилёв); научным сотрудником отдела селекции украинской станции эфиромасленичных растений (г. Прилуки, Черниговская обл.) и старшим агрономом сортового управления Могилёвского сельхозуправления. Осенью 1941 г. собирался поступать в аспирантуру, но война прервала все эти далеко идущие планы.

Рис. 2. В.П. Савин и З.Г. Кац – весна 1946 г.

Таким образом, Василий Петрович является типичным представителем того многочисленного слоя населения России, который в полной мере использовал возможности, открывшиеся перед ним после Октябрьской революции. Эти люди искренне верили в идеи социализма и готовы были защищать их, не щадя сил. Именно они составляли тот костяк армии, которая, несмотря на катастрофические потери в первые годы войны, смогла выстоять, а в дальнейшем и победить.

После демобилизации В.П. Савин вернулся к своей мирной профессии. Пять лет он работал научным сотрудником Института зернового хозяйства Юго-Востока СССР, затем на селекционных станциях и сортоиспытательных участках в разных районах Саратовской области. Вышел он на пенсию в 1976 г. В черновике его автобиографии сохранилась такая запись: *«Желательно прожить до 1995 года. Тогда будет 50 лет победы в Великой Отечественной войне и мне исполниться 90 лет»*. Василий Петрович умер в 1996 году.

Познакомившись со всеми изложенными выше материалами, я понял, что их место не в семейном архиве, а в более

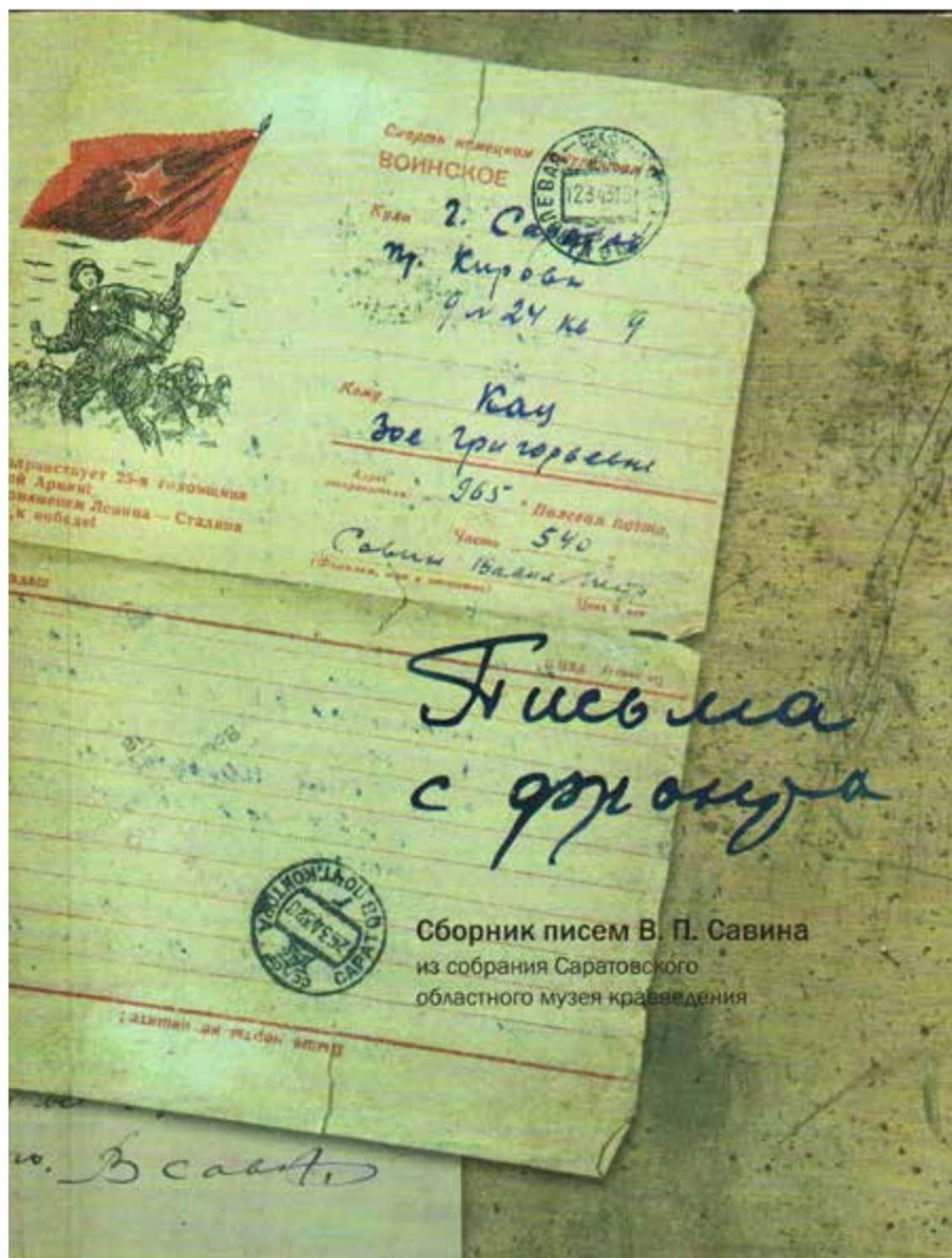

Рис. 3. Книга «Письма с фронта»

солидной организации. Предложил эти письма передать в архив Краеведческого музея. Предложение было не только принято, но благодаря инициативе Ольги Горбуновой, заместителя директора по научной работе музея, с которой был знаком ещё с её студенческих лет, сотрудники музея оперативно оформили выставку «Письма с фронта», которая функционировала в музее с конца апреля по июнь 2018 г.

В дальнейшем благодаря высококвалифицированной работе, проделанной сотрудником музея Е.О. Трандафиловым по подготовке писем к печати, они были изданы отдельной книгой в конце 2020 года. Год знаменательный, когда граждане не только России, но и сопредельных государств Постсоветского пространства отмечали 75-летний юбилей Великой Победы.

Я полагаю, что эта книга увековечила не только память рядовых участников войны: Василия Петровича Савина; его двух погибших в годы войны братьев; моего дяди Бориса Григорьевича Каца, сгинувшего в конце 1941 г. под Гомелем; брата моей бабушки Ивана Васильевича Юшкова, ушедшего в армию рядовым в 1941 г. и дошедшего капитаном до Вены. Несомненно, книга посвящена и тем членам обеих семей, которые непосредственно не участвовали в боевых действиях, но не только своим трудом в тылу приближали победу, но и морально поддерживали своих мужчин, находившихся на фронте.

К читателю

Идея написания археологических историй, участником которых Владимир Иванович по воле случая оказался в ходе своей профессиональной деятельности, зародилась у него более 20 лет назад. К началу пандемии рукопись в черновом варианте была завершена. Но автор не спешил с публикацией. *«Меня интересует насколько удачной она получилась, – пояснял он в одном из писем к друзьям. В связи с этим пересылаю сделанную вчерне книжицу и надеюсь в ответ получить любые замечания»*¹. Первоначальный вариант рукописи состоял из введения и 5 очерков, к лету 2022 г. их число возросло до 7.

Владимир Иванович договорился с одним из местных издательств и к осени планировал «запустить» рукопись в печать. Процесс был «запущен». Но до его окончания автор не дождался, завершив свой земной путь 31.01.2023 г.

Тем не менее, работа по изданию рукописи В.И. Каца продолжилась и была реализована в предлагаемой читателю книге. Данный опус представлен в авторской редакции². Перед нами не просто подборка тематически схожих рассказов, а

¹ Среди многочисленных ответов своей обстоятельностью привлекло письмо Е.Э. Страдзе, бывшего студента Владимира Ивановича, проживающего ныне в Лионе (Франция): *«Прочитал очень внимательно Ваш очерк «Кытманово», даже не один раз. Останавливался на некоторых местах, перечитывал, думал. Мне было очень интересно и вообще это может быть и должно быть интересно и важно достаточно широкой аудитории. Почему? Выделю следующие моменты: живой рассказ о Вашем становлении как историка, археолога и преподавателя; главное в профессии, её, скажем так, подводные камни, отношения с учениками и коллегами; беспристрастное свидетельство о времени и науке в этом времени; повествование о некоторых моментах истории сквозь призму археологии. Ваши очерки чрезвычайно важны, ведь история – это то «как оно, собственно, было», как правильно постулировал фон Ранке, а не журналистская сенсация. Как было – интереснее выдумок, это – истина, а Вы – её хранитель и защитник»*.

² При подготовке издания были добавлены фотографии из семейных архивов В.И. Каца и А.К. Филиппова, которые в той или иной степени могут послужить наглядной иллюстрацией представленных автором сюжетов. В отличие от иллюстративного материала, приведённого автором, данные фотографии не пронумерованы, но под каждым фото имеются пояснения.

единое произведение, внутри которого действуют закономерности, присущие образной взаимосвязи очерков, соединенных между собой автором таким образом, что замысел всего произведения по ходу чтения меняет восприятие каждого отдельного сюжета. В книге нашли свое отражение характер и стиль научно-педагогической деятельности большого Ученого и Учителя, чей опыт хотелось бы передать новым поколениям, вступающим в науку.

Выход в свет данной книги поможет сохранить светлую память о Владимире Ивановиче Каце, искромётном, открытом всему новому, беззаветно влюблённом и преданном Истории, поражающим бездонными научными знаниями и остротой суждений, горячо отстаивавшем своё мнение, но при этом умевшим услышать оппонента; при всей своей эмоциональности удивительно добром и благожелательным человеком, очаровывавшем людей своей эрудицией, пробуждавшим желание «знать» и «уметь», заряжавшем окружающих энергией научного поиска. Общение с дорогим Человеком, Ученым и Учителем всегда побуждало либо к новому открытию, либо к рождению окрыляющей мысли...

При подготовке публикации значительную работу проделали И. Булкин³, Т. Варивода⁴, М. Иващенко⁵, А. Филиппов⁶, Г. Ясакова⁷.

Огромная им благодарность и низкий поклон.

А.Н. Гольденберг⁸.

³ И.Ю. Булкин, дипломник В.И. Каца (1993 г.), кандидат исторических наук, археолог.

⁴ Т.Н. Варивода, выпускница (1983 г.) Исторического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского, библиограф.

⁵ М.В. Иващенко, дипломник В.И. Каца (2014 г.), археолог, антиковед.

⁶ А. К. Филиппов, дипломник В.И. Каца (1975 г.), начальник отдела технических средств обучения СГУ имени Н.Г. Чернышевского (1975–2003), заместитель начальника отдела информационных ресурсов и систем ПРЦ НИТ СГУ (2003–2008), создатель и директор музея истории СГУ (2008–2011), до сих пор остающийся настоящим хранителем его вековой истории.

⁷ Г.В. Ясакова, дипломница В.И. Каца (1989 г.), сотрудник кафедры теоретической и социальной философии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

⁸ Вдова В.И. Каца.

Список сокращений

Архив ХИАЗ	Архив Херсонесского историко-археологического заповедника
БИ	Боспорские исследования. Керчь
ГИАМЗ ХТ	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь
ГИМ	Государственный исторический музей. Москва
Гороно	Городской отдел народного образования
ГРЭС	Государственная районная электростанция
Записки ИИМК РАН	Записки Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИА	Институт археологии. Москва
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград; Москва
Изв. РА- ИМК	Известия Российской академии истории материальной культуры. Петроград; Ленинград
ИИАК	Известия Императорской Археологической комиссии
ИООИД	Императорское Одесское общество истории и древностей
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь

ЛОИА АН СССР	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ОАК	Отчеты археологической комиссии. Санкт-Петербург
Облоно	Областной отдел народного образования
ООИД	Одесское общество истории и древностей
ПИАСХ	Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск
ПРЦ НИТ СГУ	Поволжский региональный центр новых информационных технологий Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
РАО	Русское археологическое общество
IOSPE III	Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Vol. III

Библиография

I. Архивные материалы

- Архив ИА РАН. Р-1. Д. 2289/1962.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 10/1887.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 10/1889.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 149/1891. Л. 46.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 2/1914. Л. 12-22.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 20/1891. Л. 294.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 22/1887. Л. 16-24.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 22/1887. Л. 37-42.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 24/1894. Л. 162.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 250/1891. Л. 16-17.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 4/1907. Л. 69.
Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 5/1909. Л. 243.
Архив ИИМК. Ф. 2. Д. 165.
Архив ИИМК. Ф. 25. Д. 256.
РА ГИАМЗ ХТ. Д. 39. Л. 145.
РА ГИАМЗ ХТ. Д. 44. Л. 376.
РА ГИАМЗ ХТ. Д. 51. Л. 168.

II. Монографии, статьи

- Античная амфорная коллекция государственного Эрмитажа
V-II вв. до н.э. Каталог / С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова,
Д.Е. Чистов, Н.Б. Чурекова, – Саратов: Амирит, 2019. –
352 с.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. Корпус Боспорских кладов ан-
тичных монет / М.Г. Абрамзон, Н.А. Фролова – Симфе-
рополь-Керчь: АДЕФ-Украина, 2007 – 872 с.
- Арциховский, А.В. Археология / А.В. Арциховский // Очерки

- истории исторической науки в СССР. – Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 353 с – С. 523-535.
- Арциховский, А.В. Введение в археологию / А.В. Арциховский. – М.: Изд-во МГУ, 1947. – 219 с.
- Ахмеров, Р.Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса / Р.Б. Ахмеров // ВДИ. 1949.– №. 4. – С. 99-100.
- Белов, Г.Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк / Г.Д. Белов. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1948. – 147 с.
- Бобринский, А.А. Херсонес Таврический: Ист. очерк / Гр. Алексей Бобринский, пред. Имп. Археол. комис. ... – Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1905. – VIII, 196 с.
- Борисова, В.В. К вопросу об астиномах Херсонеса / В.В. Борисова // ВДИ. 1955. – № 2. – С. 144-145.
- Брашинский, И.Б. В поисках скифских сокровищ / И.Б. Брашинский – Л.: Наука, 1979. – 144 с.
- Брашинский, И.Б. Методы исследования античной торговли: (На прим. Сев. Причерноморья) / И.Б. Брашинский; под ред. [и с предисл.] А.Н. Щеглова. – Л.: Наука, 1984. – 248 с.
- Граков, Б.Н. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остроногих амфор / Б.Н. Граков // Труды ГИМ. – Т. 1. 1926. – С. 165-206.
- Граков, Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов / Б.Н. Граков. – М.: РАНИОН. 1929. – 223 с.
- Гриневич, К.Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827-1927) / К.Э. Гриневич. – Севастополь: Херсонесск. музей, 1927. – 51 с.
- Кац, В.И. Записка графини П.С. Уваровой о Херсонесе / В.И. Кац // ПИАСХ. Севастополь, 1988. – С. 58-60.

- Кац, В.И. Керамические клейма Херсонеса (каталог-определитель) / В.И. Кац. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 166 с.
- Кац, В.И. Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом / В.И. Кац // *Stratum plus*. – 2014. – №3. – С. 353-364.
- Кац, В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / В.И. Кац // *Боспорские исследования*. – Вып. XVIII. – Симферополь–Керчь: Керченська міська друкарня, 2007. – 480 с.
- Косцюшко-Валюжинич, К.К. Новейшие раскопки в Херсонесе / К.К. Косцюшко-Валюжинич // *ЗООИД*. 1901. Т. XXIII (III). С. 34-40.
- Косцюшко-Валюжинич, К.К. Посещение Ихъ Императорскими Величествами музея и раскопокъ въ Херсонесе 18-го сентября 1902 года / К.К. Косцюшко-Валюжинич. – Севастополь, 1904.
- Крушкол, Ю.С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из поселения Сукко Анапского района / Ю.С. Крушкол // *ВДИ*. 1978. – № 4. – С. 61-63.
- Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. / Ю. Кулаковский – 2-е изд., пересмотр. – Киев: Типо-литография С.В. Кульженко, 1914. IV, 158 с.
- Курганы скифской знати в Западном Крыму: монография / А.Н. Щеглов, В.И. Кац, Т.Н. Смекалова, Б. Беван // *Материалы к археологической карте Крыма*. Вып. XI. – Симферополь: Феникс, 2013. – 94 с.
- Махов, И. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов / И. Махов // *ИТУАК*. 1912. Вып. 48. – С. 150-183.
- Махов, И. Амфорные ручки о. Фасоса / И. Махов // *ИТУАК*, 1913. Вып. 49. – С. 150-163.

- Половцев, А.В. Русская Троя / А.В. Половцев // Московские Ведомости. 1900. – № 215, 216.
- Попова, О.А. История изучения андроновских могильников на территории степного и лесостепного Алтая / О.А. Попова // Теория и практика в археологических исследованиях. – Барнаул: Азбука, 2009. – С. 157-165.
- Равдоникас, В.И. За марксистскую историю материальной культуры / В.И. Равдоникас // ИГАИМК, 1930. – Т. VII. – Вып. 3-4. – 94 с.
- Романчук, А.И. Возрождение античного города: Науч.-попул. очерк истории изуч. Херсонеса / А.И. Романчук. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 164 с.
- Романчук А.И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. / А.И. Романчук. Том 1. Античный полис. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2008. – 544 с.
- Сапрыкин, С.Ю. Памятники «малой» эпиграфики из Северо-Западного Крыма античной эпохи / С.Ю. Сапрыкин // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XIV. 2014. – С. 7-24.
- Скифское Золото в Эрмитаже. The Scythian Gold from the Hermitage. Токио, Ленинград: Kokusai Bunka Эрмитаж, 1985 – 330 с.
- Смекалова, Т.Н. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в Северо-Западном Крыму / Т.Н. Смекалова. – Симферополь: Доля, 2011. – 292 с.
- Спицын, А.А. Владимирские курганы / А.А. Спицын // Известия ИАК. СПб., 1905. – Вып. 15. – С. 84-90.
- Тункина, И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И.В. Тункина – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.
- Уваров, А.С. Исследования о древностях Южной России и бе-

- регов Черного моря / А.С. Уваров. – Вып. 1-2. – Санкт-Петербург: тип. Экспедиции загот. гос. бумаг, 1851-1856. – 2 т. С. 39-44.
- Уваров, А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам: Исслед. гр. А.С. Уварова / А.С. Уваров. Москва: Синод. тип., 1872. – 217 с.
- Уваров, А.С. Извлечения из Всеподданнейшего отчета об археологических раскопках в 1853 г. / А.С. Уваров. – СПб., 1955. С. 159-171.
- Уварова, П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни / П.С. Уварова. – М.: ГИМ, 2005. – 368 с.
- Уманский, А.П., Кирюшин, Ю.Ф., Грушин, С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово) / А.П. Уманский, Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. – 130 с.
- Формозов, А.А. Очерки по истории русской археологии / А.А. Формозов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 128 с.
- Щеглов, А.Н. Большой Кафель и святилище II в. до н.э. в урочище Джангуль / А.Н. Щеглов // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Ч. 3. – Симферополь. 1988. – С. 273-275.
- Щеглов, А.Н. Работы Тарханкутской экспедиции (1983–1986 гг.) // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции / А.Н. Щеглов. – Суздаль, 1987. – С. 293-294.
- Щеглов, А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху / А.Н. Щеглов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 158 с.
- Щеглов, А.Н., Бурдак, В.Д. О промысле рыбы у берегов Тар-

- ханкута в античную эпоху / А.Н. Щеглов, В.Д. Бурдак // Рыбное хозяйство. – 1965. – № 3. – С. 21-23.
- Щеглов, А.Н., Кац, В.И. «Царский» курган IV в. до н.э. в Западном Крыму? / А.Н. Щеглов, В.И. Кац // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Часть I. – Запорожье, 1989. – С. 57-59.
- Юргевич, В.Н. Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса по побережью бухт Песочной, Круглой, Камышевой и Стрелецкой в 1886-87 гг./ В.Н. Юргевич // ЗООИД. Т. XV. 1889. – С. 47-60.
- Bon, A.-M., Bon, A. Les timbres amphoriques de Thasos / A.-M. Bon, A. Bon – Paris: Boccard. 1957. – Pp. 538.
- Panskoye I. Vol. I. The Monumental Building U6. Aarhus. 2002. 368 p.
- Shcheglov, A.N., Katz, V.I. A Fourth-century B.C. Royal kurgan in the Crimea / A.N. Shcheglov, V.I. Katz // Metropolitan Museum Journal, 1991. – Vol. 26. – P. 97-121.
- Sztetyllo, Z. Grecka epigrafika ceramiczna / Z. Sztetyllo.– Warszawa, 1971.

Содержание

Вместо введения	5
Сюжет 1. Учительская карьера.	
Андроновский могильник	16
Сюжет 2. Аспирантские годы.	
Клад Боспорских монет	50
Сюжет 3. Тарханкутская экспедиция	78
I. Тарпанчи	80
II. Панское I	87
II.1. Раскопки поселения.	
А) Усадьба № 6 (У 6)	91
Б) Посёлок (У 7)	102
II.2. Раскопки могильника	107
III. Поселение Большой Кастель	115
IV. Святилище Джангуль	117
V. Земельный надел и усадьба у мыса Ойрат	121
Организация экспедиции. Быт	125
Сюжет 4. Горный Крым	143
Сюжет 5. Реабилитация «религиозной фанатички», «генерала» и «дилетанта» от археологии	156
Сюжет 6. Скифское золото	216
«Коллекция Келессидиса»	219
«Тиара Сайтафарна»	229
Золотая обкладка ножен меча	239
Золотая гривна	241
Золотая «диадема»	241
Золотая чаша	242
Сюжет 7. Письма с фронта	248
К читателю	256
Список сокращений	258
Библиография	260
Содержание	266

Научно-популярное издание

Владимир Иванович Кац

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ
И ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ В КАЧЕСТВЕ ГАРНИРА

Авторская редакция

Вёрстка Р.Г. Савкин
Подписано в печать 30.10.2023

Издательство «Кузница рекламы»
410004, Саратов, Астраханская, 1 литер Е.

Книга, предлагаемая читателю, является циклом рассказов, представляющих собой автобиографические истории детективного жанра.

Перед читателем не просто подборка тематически схожих рассказов, а единое произведение, внутри которого действуют закономерности, соединенные автором в единый сюжет.

В книге нашли свое отражение характер и стиль научно-педагогической деятельности большого Ученого и Учителя, чей опыт будет полезен новым поколениям, вступающим в науку.

ISBN 978-5-9905888-8-2

9 785990 588882